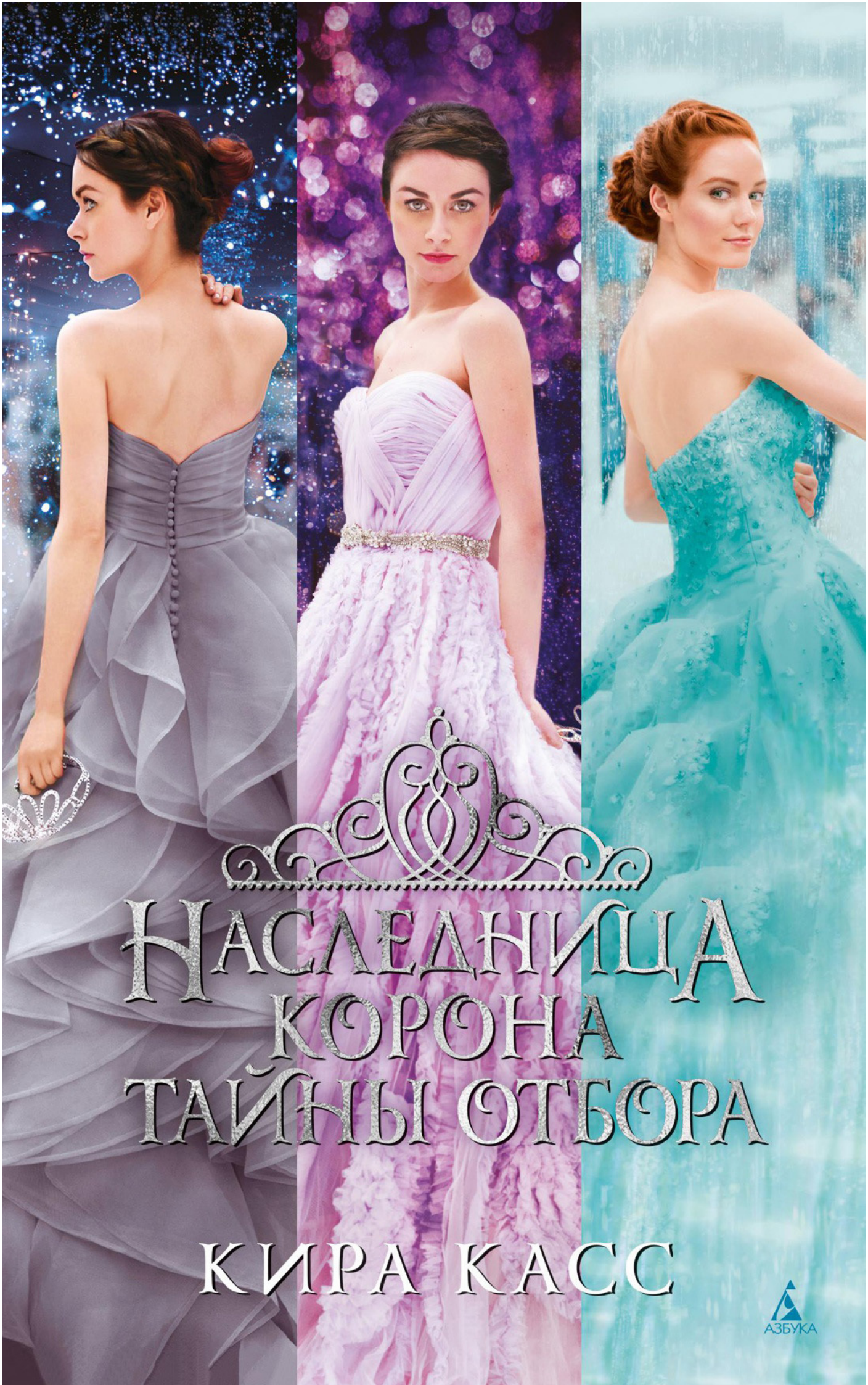

Наследница
Корона
Тайны отбора

Кира Касс

АЗБУКА

Кира Касс

Наследница. Корона. Тайны Отбора

«Азбука-Аттикус»

2014–2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Касс К.

Наследница. Корона. Тайны Отбора / К. Касс — «Азбука-Аттикус», 2014–2016

ISBN 978-5-389-18681-1

Принцесса Идлин, дочь королевы Америки и короля Максона, слышать не хочет о замужестве, но скрепя сердце соглашается участвовать в Отборе. Даже если она не найдет настоящую любовь, как сумели найти ее родители, Идлин должна сделать свой выбор. Но порой сердце способно удивить вас… Их всего двое, но они будут бороться за сердце Америки Сингер до конца. Это принц Максон, обещающий девушке жизнь, похожую на прекрасную сказку, и простой гвардеец Аспен, который не может предложить героине ничего, кроме своей любви… Задолго до того, как началась история Америки Сингер, другая девушка пришла во дворец, чтобы принять участие в борьбе за руку другого принца… Это рассказ об Отборе с точки зрения королевы Эмберли, матери принца Максона… Пока Америка решает, кого она в действительности любит – принца Максона или Аспена, ее подруга Марли точно знает, кому отдала свое сердце, и платит за это высокую цену…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18681-1

© Касс К., 2014–2016
© Азбука-Аттикус, 2014–2016

Содержание

Наследница 6
Конец ознакомительного фрагмента. 105

Кира Касс
Наследница. Корона. Тайны Отбора (сборник)

Kiera Cass
THE HEIR
Copyright © Kiera Cass, 2015
THE CROWN
Copyright © Kiera Cass, 2016
THE PRINCE & THE GUARD
Copyright © Kiera Cass, 2014
THE QUEEN & THE FAVORITE
Copyright © Kiera Cass, 2015
This edition published by arrangement with Laura Dail Literary Agency, Inc
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved
© О. Э. Александрова, перевод, 2016
© И. А. Тетерина, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

* * *

Для всех поклонников «Голодных игр»!
Более 400 000 восторженных отзывов на сайте goodreads.com.
Серия «Отбор» включена в список бестселлеров по версии New York Times.

Смесь реальной истории о телешоу и сказочной антиутопии. Очаровательно и захватывающе! Реальность сталкивается с мрачной сказкой в прекрасном произведении Киры Касс. Чарующие, пленительные романы, от которых теряешь голову…
New York Times

Замечательная история с чрезвычайно милой и в то же время острой, романтичной сюжетной линией.
RT Book Reviews

Наследница

Джиму и Дженни Касс по многим причинам, но в основном за такого прекрасного мужа, как Каллауэй

Глава 1

Я не могла задержать дыхание на семь минут. Не могла задержать и на минуту. Однажды я попыталась пробежать милю за семь минут, ведь некоторые спортсмены преодолевают ее за четыре, но на полпути у меня закололо в боку, и я сошла с дистанции.

И тем не менее одну вещь мне удалось сделать за семь минут, причем весьма убедительно. Я стала королевой.

Я родилась раньше своего брата Арена на каких-то семь минут, а потому трон, который должен был достаться ему, стал моим. Родись я поколением раньше, это не имело бы значения. Поскольку Арен был мужского пола, в то время он автоматически стал бы наследником.

Но, увы, мама с папой не могли пережить, что их первенца лишат титула только из-за наличия бюста, хотя и весьма симпатичного. Итак, они поменяли закон, и народ ликовал, а меня стали готовить к роли новой правительницы Иллеа.

Но чего родители точно не поняли, так это того, что их стремление восстановить по отношению ко мне справедливость лично я сочла очень даже несправедливым.

Я старалась не жаловаться. Ведь, помимо всего прочего, я понимала, насколько мне повезло. Но были дни, а иногда и месяцы, когда мне казалось, что на меня возложили слишком тяжелое бремя, реально тяжелое для одного человека.

Пролистав газету, я обнаружила, что в стране вспыхнули очередные беспорядки, на сей раз в Зуни. Двадцать лет назад папа, вступив на трон, первым же указом ликвидировал касты, и уже на моей памяти старая система медленно, но верно себя изживала. Да, я по-прежнему считаю крайне экстравагантным то, что в свое время люди жили с обязательными, хотя и весьма условными, знаками в виде цифр на спине. Мама была Пятеркой, а папа – Единицей. Смысла в этом не было никакого, особенно с тех пор, как не стало никаких внешних признаков разделения на касты. Откуда мне знать, иду я за Шестеркой или Тройкой? И неужели это вообще так важно?

Когда папа своим первым декретом отменил касты, народ по всей стране ликовал. Папа рассчитывал на то, что вводимые им изменения будут постепенно внедряться в сознание уже нынешнего поколения жителей Иллеа, пока в один прекрасный день все не образуется.

Но этого не случилось, и новые беспорядки стали очередным звеном в цепи событий, свидетельствующих о растущем напряжении в обществе.

– Кофе, ваше высочество, – сказала Нина, поставив напиток на стол.

– Спасибо. Можешь забрать тарелки.

Я внимательно изучила заметку. На сей раз был сожжен дотла ресторан, и все потому, что его хозяин отказался сделать официанта шеф-поваром. Официант утверждал, что повышение ему было твердо обещано, а обещание не выполнено исключительно из-за прошлого его семьи.

Глядя на обугленные остатки здания, я, если честно, не знала, на чьей я стороне. Хозяин был в своем праве кого угодно повышать или увольнять, а официант – не позволять смотреть на себя как на человека, которого с формальной точки зрения больше не существует.

Я отодвинула газету и взяла свой кофе. Папа наверняка расстроится. Не сомневаюсь, он уже снова и снова прокручивает этот сценарий в голове, пытаясь прикинуть, как выправить ситуацию. Ведь вся проблема в том, что даже если бы мы и смогли урегулировать какой-то один

вопрос, то наверняка не остановили бы все случаи посткастовой дискриминации. Слишком уж сложно было их отслеживать, да и повторяемость их явно возросла.

Я поставила чашку и направилась в гардеробную. Пора готовиться к новому дню.

– Нина! Ты не знаешь, где мое платье сливового цвета? Ну, то, что с шарфом через плечо?

Пришедшая мне на помощь Нина сосредоточенно скосила глаза.

Нина по большому счету была новенькой во дворце. Она прислуживала мне только шесть месяцев, сменив мою прежнюю служанку, из-за болезни выбывшую из строя на две недели. Однако Нина оказалась настолько расторопной и услужливой, что я решила оставить ее у себя. А кроме того, она отлично разбиралась в моде.

Нина заглянула в необъятную гардеробную:

– Может, нам следует устроить тут небольшую реорганизацию?

– Ради бога, если у тебя есть на это время. У меня сейчас другие заботы.

– Конечно, ведь я всегда отыщу нужное вам платье, – поддразнила меня Нина.

– Вот именно!

Мое веселое настроение тотчас же передалось Нине, и она со смехом принялась перебирать мои платья и брюки.

– Мне нравится твоя прическа, – заметила я.

– Благодарю.

Все служанки носили чепчики, однако Нина была крайне изобретательна по части причесок. Иногда ее личико обрамляли тугие темные локоны, а иногда она убирала закрученные пряди под чепчик. Сегодня у нее вокруг головы были уложены две толстые косы, а остальные волосы спрятаны под чепец. И мне реально нравилось, что она как-то по-особому подгоняла под себя форменное платье, каждый день смотревшееся по-новому.

– Ах! А вот и оно. – Нина перекинула через смуглую руку платье до колена.

– Отлично! А может, ты знаешь, где мой серый блейзер? С рукавом три четверти?

Она уставилась на меня во все глаза, хотя лицо ее оставалось бесстрастным.

– Нет, мне определенно придется провести реорганизацию.

– Вот и ищи, а я пока буду одеваться.

Я облачилась в платье и принялась расчесывать волосы, готовясь встретить очередной день в качестве будущей монархини. Наряд был достаточно женственным, чтобы смягчить мой образ, но в то же время довольно строгим, чтобы меня воспринимали всерьез. Весьма тонкая грань, на которой мне приходилась балансировать чуть ли не каждый день.

Посмотрев в зеркало, я обратилась к своему отражению:

– Ты Идлин Шрив. Тебе предстоит править нашей страной, и ты станешь первой девушкой, которой суждено делать это самостоятельно. И нет никого могущественнее тебя.

Папа уже сидел у себя в кабинете и, нахмурившись, переваривал последние новости. От папы я взяла разве что глаза, а от мамы – вообще ничего.

Темными волосами, овальным лицом и легким загаром, сохранявшимся круглый год, я больше походила на бабушку, чем на кого-то еще. Бабушкин парадный портрет в день коронации висел в коридоре четвертого этажа, и в детстве я частенько его рассматривала, чтобы понять, как буду выглядеть, когда повзрослею. На портрете бабушка была примерно того же возраста, что и я сейчас, и хотя мы не были на все сто процентов похожи, иногда я чувствовала себя ее точной копией.

Я прошла через комнату и поцеловала папу в щеку:

– Доброе утро.

– Доброе. Ты уже видела газеты?

– Угу. Но, по крайней мере, никто пока не умер.

– Слава богу.

Самыми неприятными были случаи, когда людей оставляли умирать на улице или они бесследно исчезали. Было просто ужасно читать о молодых мужчинах, избитых только потому, что они решили перевезти семью в более привлекательный район, или о женщинах, подвергшихся нападению из-за того, что они осмелились претендовать на рабочее место, на которое прежде не имели права.

Иногда обнаружить мотив преступления и стоявшую за ним личность было проще пареной репы, хотя гораздо чаще мы только попадали пальцем в небо, не находя настоящих ответов. Если уж мне было невыносимо наблюдать за этим, то можно себе представить, каково приходилось папе.

– Нет, я отказываюсь это понимать. – Он снял очки для чтения и устало потер глаза. – Они ведь сами не хотели каст. Мы выждали, сколько положено, а затем постепенно ликвидировали кастовую систему, чтобы дать им возможность приспособиться к нововведениям. А теперь они жгут дома.

– А имеется ли хоть какой-нибудь способ все это урегулировать? Может, стоит организовать специальный совет для рассмотрения жалоб?

Я снова посмотрела на фото. Стоявший с краю сын хозяина рыдал над руинами ресторана, оплакивая потерянное имущество. Да, в глубине души я прекрасно понимала, что мы физически не сможем удовлетворить поток жалоб, как, впрочем, и то, что папа не сумеет сидеть сложа руки.

– Значит, ты поступила бы именно так? – посмотрел на меня папа.

– Нет, я спросила бы своего папу, как собирается поступить он, – улыбнулась я.

– Идлин, у тебя не всегда будет такая возможность, – вздохнул папа. – Ты должна быть сильной, решительной. Скажи, как бы ты, например, урегулировала данную конкретную конфликтную ситуацию?

– Не уверена, что мы можем хоть что-нибудь сделать, – подумав, ответила я. – Ведь невозможно доказать, что былая принадлежность к определенной касте стала причиной отказа в повышении по служебной лестнице. Единственное, что мы можем сделать, – начать расследование с целью выявления поджигателя. Семья потеряла средства к существованию, и кто-то должен за это ответить. Поджог не средство для свершения правосудия.

Папа печально покачал головой:

– Полагаю, ты абсолютно права. Я был бы рад, если бы мог им помочь. Но что самое главное, нам необходимо понять, как предотвращать подобные эксцессы в будущем. Ведь они случаются все чаще, и меня это пугает.

Сунув газету в корзину для мусора, папа встал и подошел к окну. Судя по его позе, он пребывал в крайнем напряжении. Хотя иногда та роль, что он играл в Иллеа, дарила ему море радости. Он любил, например, посещать школы, на благо которых неустанно трудился, или следить за процветанием населения в мирную эру, начало которой провозгласил. Однако такие моменты случались не так уж часто. В основном папа был глубоко озабочен состоянием дел в стране, и во время встреч с журналистами ему приходилось фальшиво улыбаться, дабы передать остальным чувство уверенности и спокойствия. Мама по мере сил пыталась разделить с ним бремя ответственности, и тем не менее нам всем начинало казаться, будто груз забот о судьбе родной страны буквально давит папе на плечи. А в один прекрасный день эту тяжкую ношу мне придется взвалить на себя.

И как это ни глупо, я уже начала опасаться, что поседею раньше времени.

– Идлин, будь добра, сделай для меня пометку. Напомни мне написать губернатору Харпену в Зуни. Да, и отметь, что писать надо Джошуа Харпену, а не его отцу. А то я постоянно забываю, что именно сын выиграл выборы.

Я записала его инструкции элегантной скорописью, представляя себе, как приятно будет папе увидеть мои записи. Ведь в свое время именно папа муштровал меня по части чистописания.

Улыбаясь своим мыслям, я повернулась к папе, но мое лицо моментально вытянулось, когда я увидела, как он растерянно трет лоб в тщетной попытке отыскать решение навалившихся на него проблем.

– Папа? – (Он повернулся, инстинктивно расправив плечи, словно боялся показаться слабым в моих глазах.) – Как думаешь, почему это происходит? Ведь раньше все было по-другому.

Папа задумчиво поднял брови.

– Безусловно, по-другому, – произнес он, обращаясь, скорее, к себе самому. – Поначалу люди, казалось, были вполне довольны. И даже устраивали праздники по случаю ликвидации очередной касты. И только последние несколько лет, когда цифровые обозначения были официально отменены, все покатилось под откос. – Он снова уставился в окно. – Я лишь одно могу сказать. Те, кто вырос в кастовом обществе, прекрасно понимают, насколько сейчас стало лучше. По сравнению с прежними временами им гораздо легче вступить в брак или найти работу. Финансовые возможности семьи уже не ограничены одним полем деятельности. И в сфере образования больше свободы действий. Но вот в том, что касается тех, кто родился уже в новых условиях и присоединяется к оппозиции… Полагаю, они просто не знают, что еще могут сделать. – Затем он посмотрел на меня и пожал плечами. – Мне нужно время. Нужно найти способ поставить на паузу, все наладить и снова нажать кнопку «плей».

Я заметила глубокую морщину у него на лбу.

– Папа, не уверена, что это возможно.

– Но мы уже делали так прежде, – хмыкнул он. – Я как сейчас помню… – начал он и перевел взгляд на меня.

В его глазах я прочла молчаливый вопрос.

– Папа?

– Да?

– Ты в порядке?

Он растерянно заморгал:

– Да, дорогая. В полном порядке. Почему бы тебе не заняться урезанием расходных статей бюджета? А твои предложения мы обсудим днем. Сейчас мне надо поговорить с твоей матерью.

– Конечно.

Я никогда не обладала блестящими способностями к математике, а потому работа над урезанием бюджета или финансовыми планами занимала у меня вдвое больше времени, чем у других. Однако я категорически отказывалась, чтобы один из папиных советников стоял у меня за спиной с калькулятором и наводил порядок в финансовой неразберихе. Я всегда добивалась точности в расчетах, пусть даже ценой очередной бессонной ночи.

А вот Арен, само собой, был прекрасным математиком, но ему не было нужды присутствовать на совещаниях по поводу бюджета, или зонирования, или здравоохранения. Он легко отделался, и все благодаря каким-то несчастным семи минутам.

Папа похлопал меня по плечу и вытолкал из комнаты. Однако мне не удалось сосредоточиться на цифрах. В памяти то и дело всплывало папино озабоченное лицо, причем озабоченность эта явно имела прямое отношение ко мне.

Глава 2

Поработав несколько часов над отчетом об исполнении бюджета, я решила прерваться и вернулась в свою комнату, чтобы Нина могла сделать мне массаж. Вообще-то, я любила себя побаловать в течение дня. Платья, сшитые точно по мне, экзотические десерты, которые подавались просто потому, что сегодня четверг, а также бесконечное множество красивых вещей делали жизнь интереснее и, естественно, были наиболее приятной частью моей работы.

Окна моей комнаты выходили в сад. И по мере того как день клонился к вечеру, высокие стены постепенно окрашивались мягким медовым светом. Я сосредоточилась на тепле, идущем от умелых пальчиков Нины.

– В любом случае у него стало такое странное лицо. Он вроде как на минуту оказался где-то далеко.

Я пыталась объяснить папино загадочное исчезновение сегодня утром, хотя постичь произошедшее было нелегко. Я даже не уверена, удалось ли папе найти маму, так как в кабинет он больше не вернулся.

– А он, случайно, не заболел? Вид у него последнее время и правда усталый. – Нина говорила, продолжая творить чудеса своими волшебными руками.

– Разве? – По-моему, папа не выглядел таким уж усталым. – Возможно, он просто слишком напряжен. Да и как иначе? Ведь ему приходится принимать столько важных решений.

– А в один прекрасный день это придется делать вам. – В голосе Нины чувствовались явное беспокойство и одновременно радостное возбуждение.

– А это значит, что тебе придется в два раза чаще делать мне массаж.

– Ну, я не знаю, – ответила она. – Возможно, через пару лет мне захочется попробовать чего-нибудь новенького.

– А чем ты займешься? – поморщилась я. – Не уверена, что в стране так уж много предложений, более привлекательных, чем работа во дворце.

Но тут в дверь постучали, и она не успела ответить на вопрос.

Я встала, набросила на себя для порядка блейзер и кивнула Нине, чтобы та впустила гостей.

В комнату вплыла улыбающаяся мама, а за ней показался папа. И я машинально отметила для себя, что дислокация всегда была именно такой. Во время торжественных мероприятий или званых ужинов мама всегда держалась рядом с папой или шла сразу за ним. Но когда они были просто мужем и женой – а не королем и королевой, – папа всегда следовал за ней.

– Привет, мам. – Я шагнула маме навстречу, чтобы обнять ее.

Мама поправила выбившуюся у меня из прически прядь волос:

– Мне нравится, как ты выглядишь.

Я гордо отошла назад и разгладила платье:

– Ты не находишь, что браслеты идеально сюда подходят?

– Потрясающее внимание к деталям, – хихикнула мама.

Время от времени мама позволяла мне выбирать для нее украшения или туфли, хотя такое случалось нечасто. В отличие от меня, она не любила побрякушки и не пользовалась дополнительными аксессуарами для обрамления своей красоты. Да и, честно говоря, особо в них не нуждалась. Мне нравился ее классический стиль.

Мама повернулась и тронула Нину за плечо.

– Ты свободна, – тихо сказала она.

Нина послушно сделала реверанс и оставила нас одних.

– Что-нибудь случилось? – спросила я.

– Нет, дорогая. Мы просто хотели переговорить с глазу на глаз. – Папа взял нас за руки и подвел к столу. – У нас появилась возможность кое-что обсудить.

– Возможность? Мы что, отправляемся в путешествие? – Я обожала путешествовать. – Неужели мы наконец-то выберемся на побережье? А давайте поедем только вшестером?

– Не совсем так. Мы никуда не собираемся, так как ждем гостей, – объяснила мама.

– Ой! Компания! А кто приезжает?

Родители переглянулись, и мама продолжила:

– Ты ведь знаешь, что обстановка сейчас крайне нестабильная. Люди волнуются и чувствуют себя несчастными, и мы уже буквально сломали голову, решая проблему, как снять напряжение в обществе.

– Знаю, – вздохнула я.

– И мы отчаянно пытаемся найти способ поднять у населения бодрость духа, – добавил папа.

Я моментально встрепенулась. Для поднятия бодрости духа обычно устраивались праздники.

– И что ты имеешь в виду? – Я принялась было обдумывать фасон нового платья, но тут же это дело бросила. Ведь сейчас было явно не до того.

– Ну, – начал папа, – публика лучше всего откликается на какое-нибудь радостное событие, связанное с королевской семьей. Когда мы с твоей матерью поженились, в стране наступили мир и согласие. А ты помнишь, как люди веселились прямо на улице, когда узнали о появлении на свет Остена?

Я улыбнулась. Мне было восемь, когда родился Остен, и я до сих пор помню радостное возбуждение толпы при объявлении об этом событии. Тогда на улице до зари не смолкала музыка.

– Это было грандиозно.

– Вот именно. А теперь все взгляды обращены на тебя. Ведь в недалеком будущем ты станешь королевой. – Папа запнулся. – И мы тут подумали, что, возможно, лишняя публичность тебе не помешает. Тебе стоит совершить нечто такое, что вызовет эмоциональный отклик у публики и одновременно пойдет на пользу тебе.

Я прищурилась, не совсем понимая, куда это он клонит.

Мама откашлялась и сказала:

– Как ты, должно быть, знаешь, в прежние времена принцесс выдавали замуж за иностранных принцев с целью укрепления международных связей.

– Надеюсь, я не ослышалась и ты действительно использовала прошедшее время?

Она рассмеялась, но мне сейчас было не до смеха.

– Да.

– Отлично. Потому что принц Натаниэль похож на зомби, принц Гектор танцует, как зомби, и если принц из Немецкой Федерации не научится до рождественского вечера соблюдать правила личной гигиены, то не получит приглашения на праздник.

Мама разочарованно потерла лоб:

– Идлин, ты всегда была слишком разборчивой.

Папа пожал плечами.

– Возможно, это не самый большой недостаток, – сказал он и тут же получил от мамы сердитый взгляд.

– О чем, ради всего святого, вы тут толкуете? – нахмурилась я.

– Ты же знаешь, как я познакомился с твоей мамой, – начал папа.

Я сделала круглые глаза:

– Все знают. Ваша история стала чуть ли не волшебной сказкой.

При этих словах взгляд их смягчился, а на лице появилась улыбка. Они едва заметно склонили друг к другу головы, а папа, посмотрев на маму, слегка прикусил губу.

– Прошу прощения. Но ваш первенец все еще здесь, если не возражаете.

Мама покраснела, а папа, прочистив горло, продолжил:

– Процесс Отбора оказался весьма удачным для нас. И хотя у моих родителей были свои проблемы, это пошло на пользу и им тоже. Поэтому… мы взяли на себя смелость надеяться… – Он запнулся, и наши глаза встретились.

Я не сразу поняла их намеки. Да, я знала об Отборе, но данный вариант нами, уж не говоря обо мне, никогда, то есть вообще ни разу, не рассматривался.

– Нет!

Мама предостерегающе вскинула руки:

– Просто послушай…

– Отбор?! – возмутилась я. – Форменное безумие!

– Идлин, ты ведешь себя неразумно.

Я сверкнула на маму глазами:

– Ты обещала, обещала, что никогда не заставишь меня выйти замуж ради заключения брачного союза. А Отбор немногим лучше!

– Хотя бы выслушай нас, – настаивала мама.

– Нет! – отрезала я. – Я не буду этого делать!

– Успокойся, моя милая.

– Не надо со мной так разговаривать. Я уже не ребенок!

– Но ведешь себя именно так, – вздохнула мама.

– Вы разрушаете мою жизнь! – Я взъерошила волосы и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прочистить мозги. Нет, этого не должно случиться. Только не со мной.

– Но грех упускать такую возможность, – не сдавался папа.

– Вы пытаетесь связать меня брачными узами с незнакомцем!

– Я ведь говорила тебе, что она упрется, – прошептала мама папе.

– Сам удивляюсь, и в кого она у нас пошла? – с улыбкой парировал папа.

– Не смейте говорить обо мне так, будто меня здесь нет!

– Прости, – сказал папа. – Мы только хотим, чтобы ты обдумала наше предложение.

– А как насчет Арена? Почему бы ему этого не сделать?

– Арен не собирается стать королем. К тому же у него есть Камилла.

Принцесса Камилла была наследницей французского трона, и пару лет назад она поразила Арена в самое сердце.

– Тогда пожените их скорее! – взмолилась я.

– Камилла в свое время станет королевой, и ей, так же как и тебе, придется попросить своего партнера жениться на ней. Если бы это зависело только от Арена, мы с удовольствием рассмотрели бы данный вариант, но, к сожалению, все не так просто.

– А Кейден? Неужели нельзя заставить жениться его?

Мама невесело рассмеялась:

– Ему еще только четырнадцать! И мы не можем ждать. Люди прямо сейчас требуют хлеба и зрелищ. – Мама сузила глаза. – И, положа руку на сердце, разве тебе не пора присмотреть кого-нибудь, кто мог бы помочь править страной?

– Все верно, – кивнул папа. – Одной такую ношу не потянуть.

– Но я не хочу замуж, – взмолилась я. – Пожалуйста, не заставляйте меня этого делать. Мне ведь всего лишь восемнадцать.

– В твоем возрасте я уже вышла за папу, – заметила мама.

– Я еще не готова, – уперлась я. – Мне не нужен муж. Не надо так со мной поступать. Ну пожалуйста!

Мама перегнулась через стол и накрыла мою руку своей:

– Никто и не собирается тебя заставлять. Ты сделаешь это добровольно. Ради своего народа. Преподнесешь им подарок.

– Ты имеешь в виду фальшивую улыбку сквозь невидимые миру слезы?

– Что всегда было частью нашей работы, – нахмурилась мама.

Я уставилась на нее, молча требуя развернутого ответа.

– Идлин, почему бы тебе не взять время на размышление? – попытался успокоить меня папа. – Я понимаю: мы требуем от тебя огромной жертвы.

– Ты хочешь сказать, что у меня есть выбор?

– Ну, моя девочка, у тебя действительно будет выбор. Выбор из тридцати пяти претендентов, – вздохнул папа.

Я вскочила со стула и указала на дверь:

– Уходите! Уходите прочь!

И они, не говоря ни слова, покинули комнату.

Разве они не знали, кто я такая и какова моя миссия? Я Идлин Шрив. И нет никого могущественнее меня.

И если они надеются, что я сдамся без боя, то жестоко заблуждаются.

Глава 3

Я решила пообедать у себя в комнате. Сейчас мне не слишком хотелось видеть свою семью. В данный момент я на них сердилась. На родителей – за то, что были счастливы, на Арена – за то, что восемнадцать лет назад не мог поторопиться, на Кейдена и Остена – за их молодость.

Крутившаяся возле меня Нина наполнила мою чашку и спросила:

– Мисс, неужели вам действительно придется через это пройти?

– Я усиленно пытаюсь найти способ выпутаться.

– А если сказать, что вы уже влюблены?

Я покачала головой, продолжая лениво ковырять еду:

– Ведь я в их присутствии оскорбила трех наиболее вероятных претендентов на мою руку.

Нина поставила на стол небольшую тарелку с шоколадом, совершенно точно угадав, что сейчас я предпочту шоколадку лососю с гарниром из икры.

– А вдруг это кто-нибудь из гвардейцев? Со служанками, например, такое частенько случается, – хихикнула Нина.

– Ну и флаг им в руки, но я еще не настолько отчаялась, – фыркнула я.

Нина сразу перестала смеяться. Похоже, обиделась. Но я ведь сказала правду. Я не могла выбрать кого-нибудь из своего окружения, не говоря уже о гвардейцах. Тем более что это пустая трата времени. Надо было срочно искать выход из сложившейся ситуации.

– Нина, я совсем не то имела в виду. Просто я не могу позволить себе обманывать ожидания людей.

– Естественно.

– Ладно. Я закончила. Можешь идти спать. Тележку я оставлю в коридоре.

Нина кивнула и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

Я надкусила шоколадку, но на этом решила закончить с ужином и надеть ночную рубашку. Прямо сейчас я не могла спорить с родителями, а Нина так ничего и не поняла. Нет, мне необходимо поговорить с единственным человеком, способным принять мою сторону. Человеком, считавшим, что мы с ним почти одно целое. Мне нужен был Арен.

– Ты не занят? – спросила я, чуть приоткрыв дверь его комнаты.

Брат сидел за письменным столом и что-то писал. Его белокурые волосы к концу дня уже успели растрепаться, но в глазах не чувствовалось усталости. Арен был до ужаса похож на папу в молодости и словно сошел с папиного портрета.

Арен по-прежнему был одет как для ужина, однако успел снять пиджак и развязать галстук.

– Разве нельзя постучать, ради всего святого?

– Извини. Но у меня срочное дело.

– Тогда вызови гвардейца, – огрызнулся он, возвращаясь к своим бумагам.

– Это уже предлагали, – пробормотала я себе под нос. – Я серьезно, Арен. Мне нужна твоя помощь.

Арен осторожно покосился на меня, и я поняла, что он готов уступить. Он небрежно придвинул к себе ногой стул:

– Ладно, входи.

Я села и со вздохом спросила:

– А что ты такое пишешь?

Он поспешно спрятал верхний лист под пачку бумаги:

– Письмо Камилле.

– А почему бы просто не позвонить ей?

– О, позвоню обязательно. Но потом отправлю еще и это.

– А какой смысл? Неужели после телефонного разговора у тебя еще останутся темы для целого письма?

– К твоему сведению, телефонные разговоры и письма служат совершенно разным целям. Письма нужны именно для того, чего нельзя сказать вслух.

– Да неужели? – Я наклонилась вперед, потянувшись за его письмом.

Но Арен ловко перехватил мою руку.

– Я тебя убью! – пригрозил он.

– Отлично, – парировала я. – Тогда тебе придется стать наследником, принять участие в Отборе и сказать своей разлюбезной Камилле последнее прости.

– Что? – нахмурился Арен.

Я снова откинулась на спинку стула:

– Маме с папой необходимо поднять у населения бодрость духа. И они решили, что я должна пройти через Отбор. Чтобы послужить на благо своей страны, – с поддельным патриотическим воодушевлением произнесла я.

Если честно, я ожидала, что он придет в ужас. Сочувственно погладит меня по плечу. Но Арен только заливисто рассмеялся, запрокинув голову.

– Арен!

Арен продолжал хохотать, протяжно завывая и похлопывая себя по колену.

– Ты помнешь костюм, – предостерегающе сказала я, на что он только еще громче рассмеялся.

– Кто бы мог подумать?! Поверить не могу, что они решили, будто это сработает!

– И что ты хочешь сказать?

– Не знаю, – пожал плечами Арен. – Похоже, я решил, что, если ты когда-нибудь действительно выйдешь замуж, это будет еще очень и очень не скоро. И сдается мне, остальные придерживались того же мнения.

– А этим что ты хочешь сказать?

Я наконец-то получила теплое рукопожатие, на которое рассчитывала, когда Арен коснулся моей руки.

– Да ладно тебе, Иди! Ты всегда была независимой. Ты прирожденная королева. Ты любишь все держать под контролем и сама все решать. Не уверен, что ты сумеешь соединить себя с другим человеком, пока какое-то время не посидишь на троне.

– Можно подумать, будто у меня действительно есть выбор, – промямлила я, исподлобья посмотрев на брата.

– Бедная маленькая принцесса! Значит, ты не хочешь править миром? – надувшись, спросил он.

Я оттолкнула его руку:

– Всего семь минут. И на моем месте был бы ты. А я в одиночестве с удовольствием занималась бы глупыми писульками, а не дурацкой бумажной работой. И вообще, Отбор… Неужели тебе непонятно, какой это кошмарный ужас?!

– Но как тебя угораздило так вляпаться? Мне казалось, что Отбор – дела давно минувших дней.

Я выкатила на брата глаза:

– Отбор не имеет ко мне абсолютно никого отношения. Что самое неприятное. Папа чувствует растущее недовольство в обществе, и ему надо как-то отвлечь народ. Арен, дела действительно обстоят неважно. Люди разрушают дома и бизнес. Есть погибшие. Папа не вполне уверен, откуда ветер дует, но, по его убеждению, это дело рук представителей нашего с тобой поколения, а именно людей, родившихся в посткастовом обществе.

– Ума не приложу, чем плоха жизнь без лишних ограничений, – скривился брат.

Я замолчала, задумавшись. Как можно объяснить то, о чем остается только гадать?

– Ну, я выросла с осознанием того, что в один прекрасный день стану королевой. Вот такие дела. И никакой альтернативы. А ты всегда знал, что у тебя есть выбор. Ты мог стать военным или послом, в общем, делать, что душе угодно. Но вот что было бы, если бы все обстояло ровно наоборот? Если бы возможности, на которые ты рассчитывал, оказались для тебя закрыты?

– Что? – наконец-то врубился брат. – Выходит, людей по-прежнему отказываются принимать на работу?

– Тут и работа, и образование, и деньги. Я слышала, родители запрещают детям вступать в брак из-за былой принадлежности к определенным кастам. Все идет не так, как планировал папа, и ситуация практически вышла из-под контроля. Ну и как, спрашивается, заставить людей поступать по справедливости?

– Значит, папа сейчас собирается разработать новый план действий? – с некоторой долей сомнения поинтересовался Арен.

– Да, а я буду служить дымовой завесой, чтобы отвлечь внимание, пока он не найдет выход из положения.

– Что ж, это куда разумнее, чем обыгрывать внезапно вспыхнувшие у тебя романтические чувства, – хмыкнул Арен.

– Брось, Арен, – покачала я головой. – Меня не интересует замужество. Тогда о чем речь? Ведь остаются же некоторые женщины одинокими.

– Да, но от этих женщин никто не ждет рождения наследника трона.

– Так помоги мне! Скажи, что делать? – пихнула я брата в бок.

Он впился в меня глазами, и я сразу увидела, ведь брат был для меня словно открытая книга, что он понял, насколько я напугана. Я не чувствовала гнева или отвращения. Ярости или злости.

Я была в ужасе.

Однако будущая правительница – человек, державший в своих руках судьбы миллионов людей, – не имела права обманывать ожидания подданных. Ведь у меня особая миссия. Я могла

отдавать распоряжения, делегировать полномочия. Но сейчас речь шла о сугубо личном, о той стороне жизни, которая должна была быть только моей, но не была.

Озорная ухмылка тотчас же исчезла с лица брата, он придвинул стул поближе ко мне.

– Если они ищут способ отвлечь людей, может быть, ты предложишь… альтернативный вариант? Ведь замужество не единственный выход из положения. Хотя, если папа с мамой остановились именно на Отборе, значит они исчерпали все другие возможности.

Я закрыла лицо руками. Мне не хотелось говорить, что я предлагала его кандидатуру взамен своей и даже подумывала о Кейдене. Я чувствовала: брат прав и Отбор – последняя надежда родителей.

– Иди, тут есть еще кое-что. Ты станешь первой девушкой, наследующей трон по праву. И поэтому на тебя обращены все взгляды.

– Можно подумать, я не знаю!

– Но, – продолжил Арен, – у тебя имеются неограниченные возможности торговаться.

Я тут же встрепенулась:

– Что ты имеешь в виду?

– Если они действительно нуждаются в твоей помощи, попытайся договориться.

Я моментально выпрямилась, судорожно пытаясь сообразить, о чем можно их попросить. Ведь должен же быть какой-нибудь способ быстро пройти через весь этот ужас, не доводя дело до предложения руки и сердца.

Без предложения руки и сердца!

При наличии нужных аргументов я смогу уговорить папу практически на что угодно, если только это не затронет тему Отбора.

– Договариваться! – прошептала я.

– Вот именно.

Я вскочила и, схватив Арена за уши, запечатлела у него на лбу поцелуй благодарности.

– Ты мой герой!

– Все ради вас, моя королева, – улыбнулся он.

Хихикнув, я пихнула его локтем в бок:

– Спасибо, Арен.

– Принимайся за работу, – помахал он мне вслед.

Похоже, ему гораздо больше хотелось вернуться к своему письму, чем мне заняться разработкой плана действий.

Я выскочила из комнаты брата и быстрым шагом пошла к себе. Мне необходимо было подумать.

Завернув за угол, я с разбегу врезалась в идущего мне навстречу человека и навзничь упала на ковер.

– Ой! – жалобно воскликнула я и, подняв глаза, увидела Кайла Вудворка, сына мисс Марли.

Кайл, так же как и остальные Вудворки, занимал апартаменты на одном этаже с королевской семьей, что было огромной честью для них.

– Надеюсь, ты не против?! – огрызнулась я.

– Следующий раз не будешь носиться как угорелая, – ответил он, поднимая упавшие книжки. – И вообще, смотри, куда идешь.

– Будь ты настоящим джентльменом, то предложил бы мне руку и помог бы подняться.

Кайл наклонился ко мне, волосы упали ему на глаза. Ему явно не мешало бы постричься и побриться, а рубашка висела на нем мешком. Я не знала, что сейчас меня больше смущало: его неприглядный вид или то, что я так опростоволосилась.

А ведь он не всегда был настолько неопрятным, да и сейчас мог бы не ходить растрепой. Неужели трудно провести щеткой по волосам?

– Идлин, ты же никогда не считала меня джентльменом!

– Твоя правда. – Я поднялась без посторонней помощи и одернула халат.

Последние шесть месяцев я была избавлена от далеко не самого приятного общения с Кайлом. Он уезжал в Феннли на какие-то ускоренные курсы, и не было такого дня со времени его отъезда, чтобы его мать не причитала по этому поводу. Уж не знаю, что он там изучал, да мне, собственно, было наплевать. Но сейчас он вернулся, и его присутствие во дворце стало очередным пунктом в бесконечном списке раздражителей.

– И что заставило столь благородную даму нестись очертя голову?

– А то, что столь недалекому человеку, как ты, понять не дано.

– Куда уж мне, дураку, – рассмеялся он. – Странно, что я еще умудряюсь самостоятельно помыться.

У меня язык чесался спросить, а привык ли он вообще мыться, поскольку, судя по его виду, он как огня боится всего, что хотя бы отдаленно похоже на мыло.

– Надеюсь, одна из твоих книг – учебник по этикету. Тебе необходимо освежить свои знания.

– Идлин, ты пока еще не королева. Заруби себе на носу. – Он повернулся и зашагал прочь.

Я была в ярости, что последнее слово не осталось за мной. Ну да ладно. Мне сейчас не до плохих манер Кайла. Ведь у меня и без него куча проблем. И я не могу позволить себе тратить время на пустые пререкания и вообще на все то, что может отвлечь меня от кардинального решения проблемы Отбора.

Глава 4

– Хочу внести ясность, – заявила я, усаживаясь в папином кабинете. – У меня нет никакого желания выходить замуж.

– Я знаю, что ты не желаешь прямо сейчас выходить замуж, но, Идлин, рано или поздно тебе придется это сделать. Твоя святая обязанность – дать продолжение королевскому роду.

Я ненавидела, когда он вот так рассуждал о моем будущем, словно и секс, и любовь, и дети были не составляющими простого человеческого счастья, а неприятными обязанностями, которые необходимо выполнять для надлежащего управления королевством. Что делало перспективу брака особенно безрадостной.

И разве замужество не должно было стать подлинным удовольствием и вообще лучшей частью моей будущей жизни?

Отмахнувшись от печальных мыслей, я сосредоточилась на своей ближайшей задаче.

– Я понимаю. И согласна, что все это очень важно, – дипломатично ответила я. – Но вот когда ты участвовал в Отборе, неужели тебя совсем не волновало, что ни одна из претенденток тебе не подойдет? Или что у них, возможно, имеются корыстные мотивы?

Его губы изогнулись в улыбке.

– Эта мысль преследовала меня днем и ночью.

В свое время папа потчевал меня расплывчатыми историями об одной девушке, настолько уступчивой, что его от нее тошнило, а еще о другой, которая пыталась манипулировать проведением каждого этапа Отбора. Я не знала ни имен, ни подробностей. Наверное, это даже к лучшему. Мне не хотелось думать, что папа мог влюбиться в кого-то еще, кроме мамы.

– А тебе не кажется, что если речь идет о первой женщине, наследующей корону… то необходимо установить определенные стандарты для того, кто будет править рядом с ней?

– Продолжай, – кивнул папа.

– Ведь должен же существовать некий процесс проверки, дабы удостовериться, что во дворец не проберется какой-нибудь психопат?

– Естественно, – ухмыльнулся он так, будто моя озабоченность не имела под собой никаких оснований.

– Но я не могу доверить эту работу абы кому. Поэтому я соглашусь на сей дурацкий трюк, если ты мне кое-что обещаешь.

– Отбор вовсе не трюк. А отлично зарекомендовавшая себя процедура. Но, моя дорогая девочка, скажи, пожалуйста, чего ты хочешь.

– Во-первых, участники должны иметь право добровольно покидать Отбор. Я категорически не желаю, чтобы кто-нибудь считал себя обязанным остаться, даже если ему не понравятся ни я, ни жизнь во дворце.

– Целиком и полностью с тобой согласен, – прочувствованно произнес папа.

Похоже, я коснулась больного вопроса.

– Отлично. И я знаю, моя идея тебе не понравится, но если к концу мероприятия я так и не выберу никого подходящего, мы объявим Отбор недействительным. Нет принца – нет свадьбы.

– Ага! – Папа наклонился в кресле вперед, ткнув в меня указующим перстом. – Если я тебе это позволю, ты в первый же день дашь им всем от ворот поворот. Даже и не надейся!

Я помедлила, обдумывая ситуацию:

– А что, если я гарантирую тебе определенный временной задел? Я обеспечу продолжение Отбора в течение, скажем, трех месяцев и рассмотрю все имеющиеся варианты. Но если через три месяца я не найду себе подходящей пары, всех участников отпустят по домам.

Папа провел рукой по губам и, поерзав на стуле, впился в меня глазами:

– Идлин, ты ведь знаешь, как это важно, так?

– Естественно. – Да, я прекрасно понимала серьезность положения. Один неверный шаг – и вся моя жизнь пойдет под откос.

– Ты должна это сделать. И сделать хорошо. Ради всех нас. Ведь жизнь каждого члена нашей семьи посвящена служению нашей стране.

Я отвернулась. Как бы то ни было, все мы – мама, папа и я – были здесь самыми настоящими жертвами, тогда как остальные жили в свое удовольствие.

– Ладно, я тебя не подведу, – пообещала я. – А ты делай то, что должно. Ищи способ умаслить народ. Я постараюсь дать тебе на это достаточно времени.

Папа задумчиво уставился в потолок:

– Значит, три месяца? А ты можешь поклясться, что попытаешься?

Я торжественно подняла правую руку:

– Честное слово. Если хочешь, я готова даже что-нибудь подписать, хотя не могу обещать, что непременно влюблюсь.

– На твоем месте я бы не зарекался, – философски заметил папа.

Но я была на своем месте, не на его и даже не на мамином. И каким бы романтичным папа ни считал предстоящее мероприятие, я могла думать исключительно о тридцати пяти шумных, несносных, непривычно пахнущих парнях, которые вот-вот наводнят мой дом. Да уж, не слишком заманчивая перспектива.

– Договорились.

Я была готова пуститься в пляс:

– Правда?

– Правда.

Я взяла папину руку, скрепив рукопожатием договоренность о своем будущем:

– Спасибо, папа.

И поспешно вышла из комнаты, чтобы он не увидел лукавой улыбки на моем лице. Если честно, я уже начала прикидывать, как заставить бóльшую часть парней добровольно покинуть проект. Ведь при необходимости я кого угодно могла запугать и сделать дворец крайне непри-

ветливой средой обитания. И еще у меня было секретное оружие в лице Остена, самого проказливого из всех нас. Уж его точно не придется два раза просить мне помочь.

Хотя в принципе идея о том, что простые парни способны найти в себе достаточно смелости попробовать себя на роль принца, не могла не вызывать восхищения. Но никто не сможет меня захомутать, пока я не буду морально готова, да и вообще, мне хотелось, чтобы эти бедолаги отдавали себе отчет, на что подписываются.

Когда зажгли софиты, в студии стало жарко, как в адском пекле. Я уже давным-давно усвоила, что для «Вестей столицы» следует одеваться полегче, вот почему мой сегодняшний наряд был достаточно легким. Конечно, я выглядела стильно, как всегда, но, естественно, не стала подвергать себя риску получить тепловой удар.

– Чудесное платье, – заметила мама, разглаживая едва заметные морщинки на рукавах. – Выглядишь прелестно.

– Спасибо. Ты тоже.

Улыбнувшись, она продолжила поправлять мое платье:

– Спасибо тебе, моя дорогая. Понимаю, ты сейчас в легком шоке, но уверена, что Отбор всем нам пойдет на пользу. Ты очень одинока, и об этом нам следует рано или поздно подумать, и…

– И это осчастливит наш народ. Знаю.

Я попыталась скрыть унылые нотки в голосе. Ведь формально мы уже миновали печально известный этап распродажи королевских дочерей, но… у меня почему-то возникло такое чувство, будто с тех пор мало что изменилось. Неужели мама ничего не понимает?

Она перевела сочувственный взгляд с платья на мое лицо:

– Уверена, тебе кажется, будто ты приносишь себя в жертву, и тут есть доля правды. Ведь когда ты посвящаешь свою жизнь служению, приходится поступать не как хочется, а как должно. – Она тяжело сглотнула. – Но благодаря Отбору я нашла твоего отца, а еще верных друзей и поняла, что я гораздо сильнее, чем думала. Мне известно о соглашении, которое ты заключила с отцом, и если в результате ты не сможешь найти подходящего человека, быть по сему. Но, пожалуйста, не лишай себя возможности приобрести новый опыт. Попробуй расширить свои горизонты. И постарайся не возненавидеть нас за то, что втянули тебя в эту авантюру.

– Я вас не ненавижу.

– Что ж, по крайней мере, ты не отказалась подумать над нашим предложением, – ухмыльнулась мама. – Ведь так?

– Мне восемнадцать. Но в моем генетическом коде заложено, что я должна сражаться плечом к плечу с родителями.

– Ну-ну, я не против хорошего сражения, если в результате ты поймешь, как сильно я тебя люблю.

Я протянула к маме руки:

– И я тоже тебя люблю. Честное слово.

Она обняла меня, затем отстранилась, разгладила мое платье, окинула меня критическим взглядом – убедиться, что я по-прежнему выгляжу безупречно, – и пошла искать папу. А я направилась к своему месту рядом с Ареном, который, увидев меня, насмешливо поднял брови:

– Выглядишь классно, сестренка. Хоть сейчас под венец.

Присев, я грациозно расправила юбку:

– Еще одно слово – и я обрею тебя налысо, когда будешь спать.

– Я тоже тебя люблю.

Как ни старалась я сохранять серьезный вид, у меня ничего не получалось. Ведь брат знал меня как облупленную.

Студия стала постепенно заполняться домочадцами. Мисс Люси скучала в одиночестве, поскольку генерал Леджер был на обходе, а мистер и миссис Вудворк сидели вместе с Кайлом и Джози позади кинооператоров. Я знала, что мисс Марли очень много значила для мамы, поэтому не стала говорить ей, что не в восторге от детей ее ближайшей подруги. Кайл все же был лучше, чем Джози, хотя за все годы нашего знакомства нам так и не удалось по-настоящему пообщаться. Если, не дай бог, у меня вдруг случится бессонница, лучшим средством будет пригласить к себе Кайла в качестве собеседника. И никаких проблем. А вот что касается Джози, то мне просто не хватит слов, чтобы описать, насколько она противная.

Тем временем в студию, низко кланяясь, начали входить советники отца. Среди них была только одна женщина. Леди Брайс Мэннор. Миловидная и миниатюрная. Если честно, то я никогда не могла понять, как столь застенчивая женщина умудрилась так долго держаться на плаву в политике. Я ни разу не слышала, чтобы она рассердилась или повысила голос, но ее мнение высоко ценилось. А вот мне вечно надо было показывать характер, чтобы заставить себя слушаться.

И тут у меня неожиданно возник вопрос. А что, если я, став королевой, укомплектую штат своих советников исключительно женщинами?

Вот был бы интересный эксперимент!

Ведущий программы «Вести столицы» Гаврил Фадей и советники рассказали о последних новостях, а затем Гаврил повернулся ко мне. У него были прилизанные седые волосы и очень красивое лицо. В последнее время он поговаривал об отставке, но ему еще рано было уходить на покой.

– В заключение нашей вечерней программы у нас есть для жителей Иллеа экстренное сообщение. Слово предоставляется нашей будущей королеве, прекрасной Идлин Шрив.

Он сделал широкий жест в мою сторону, и я, широко улыбаясь, под вежливые аплодисменты прошлась по устланной ковром сцене.

Гаврил наградил меня коротким объятием и расцеловал в обе щеки.

– Милости просим, принцесса Идлин.

– Благодарю, Гаврил.

– Должен признаться, у меня такое чувство, будто я только вчера сообщал о вашем с братом рождении. Поверить не могу, что с тех пор прошло целых восемнадцать лет!

– Ваша правда. Мы все повзрослели. – Я с нежностью посмотрела на свою семью, а они – на меня.

– Еще немного – и вы будете вершить историю. Не сомневаюсь, всем жителям Иллеа не терпится узнать, как вы проявите себя, когда через несколько лет станете королевой.

– Безусловно, следующий этап станет для меня знаменательным, но мне не хочется так долго ждать, чтобы делать историю. – Я игриво пихнула его локтем в бок, а он изобразил удивление:

– Тогда почему бы вам, ваше высочество, не рассказать нам, что у вас на уме?

Я расправила плечи и улыбнулась в камеру:

– В последние годы в нашей великой стране произошло множество изменений. За время правления моих родителей очаги восстаний в Иллеа практически потухли, и хотя монархии по-прежнему приходится отвечать на определенные социальные вызовы, кастовая система больше не разделяет людей воображаемыми границами. Мы живем в эпоху беспрецедентной свободы и с нетерпением ждем, когда наша нация получит все те блага, которых по праву заслуживает. – Я не забывала улыбаться и говорить отчетливо. Годы муштры по части ораторского искусства не прошли для меня даром, и я знала, что доходчиво излагаю каждый пункт своего сообщения. – И это прекрасно… Однако я все еще восемнадцатилетняя девушка. – (Аудитория, состоящая из гостей и советников, сдержанно засмеялась.) – И мне, естественно, немного скучно прово-

дить бóльшую часть дня с папой в его кабинете. Без обид, ваше величество, – повернувшись к папе, добавила я.

– Какие могут быть обиды? – ответил папа.

– Итак, я решила, что настало время изменить свою жизнь. И заняться поисками, скорее, не сотоварища в выполнении крайне ответственной работы, а партнера, с которым мы могли бы пойти дальше по жизни рука об руку. И я искренне надеюсь, что жители Иллеа простят меня за горячее желание устроить Отбор. – (Советники дружно выдохнули и начали перешептываться. Я увидела ошеломленные лица слуг. Значит, Гаврил был единственным человеком, посвященным в наши планы, что меня немало удивило.) – Завтра мы разошлем письма всем подходящим молодым людям в Иллеа. У вас будет две недели на размышление, принимать ли участие в борьбе за мою руку. Естественно, я прекрасно понимаю, что это необычная и новая для вас ситуация. Ведь за всю историю королевства особа женского пола еще ни разу не устраивала Отбора. И хотя у меня есть три брата, я горю желанием найти еще одного принца Иллеа. Смею надеяться, что все жители нашей страны отпразднуют со мной столь знаменательное событие.

Я сделала реверанс и вернулась на место. Папа с мамой сияли от гордости, а я отчаянно пыталась убедить себя, что их реакция – лучшая награда, но у меня дрожали поджилки. А что, если я упустила нечто важное и в сети, которую сама для себя расставила, зияет огромная дыра?

Но ничего не поделаешь. Я уже бросилась в омут с головой.

Глава 5

Я знала, что во дворце на нас работает целый штат обслуги, но смогла убедиться в этом только сейчас, поскольку большинство из них до сегодняшнего дня старались оставаться незаметными. По мере распространения новостей о внезапном Отборе вокруг меня засуетились не только служанки и лакеи, но и люди, которых я раньше в глаза не видела.

Подготовка к Отбору сделала меня центром всеобщего внимания, что нарушило мой привычный распорядок дня, включавший в основном ознакомление с отчетами и присутствие на совещаниях.

– Ваше высочество, вот этот образец чуть дешевле, но превосходного качества, к тому же он будет отлично сочетаться с уже имеющимся декором. – Мужчина развернул отрез ткани, положив ее поверх двух предыдущих образцов.

Я потрогала материю, меня всегда завораживала фактура ткани, хотя именно эта явно не предназначалась для носки.

– Вот только я не совсем понимаю, к чему такие изыски, – призналась я.

Мужчина, а он был одним из придворных декораторов, обиженно поджал губы.

– Дело в том, что отделка некоторых гостевых комнат слишком женственная и претендентам на вашу руку будет комфортнее в более сдержанной обстановке, – произнес он, разворачивая следующий образец. – Ведь даже новое покрывало может совершенно изменить внешний вид комнаты, – заверил он меня.

– Отлично, – сказала я, хотя, по-моему, замена покрывал была явным перебором. – Но нельзя ли освободить меня от решения второстепенных вопросов?

Он ответил мне доброжелательной улыбкой:

– Отпечатки ваших пальчиков, мисс, будут на всем, так или иначе связанном с Отбором. Даже если вы и останетесь в стороне от решения, так сказать, второстепенных вопросов, люди будут свято верить, что вы вникаете в каждую мелочь. Поэтому нам не обойтись без вашего одобрения.

Я уныло уставилась на отрез ткани, с ужасом представляя, что меня ждет впереди. Честно говоря, я уже была сыта всем этим по горло.

– Тогда пусть будет эта. – Я выбрала самую дешевую ткань насыщенного зеленого цвета, которая за три месяца не успеет испачкаться.

– Очень мудрое решение, ваше высочество, – похвалил меня декоратор. – А теперь, быть может, посмотрим подходящую живопись для украшения интерьера?

Он хлопнул в ладоши, и в комнате появилась вереница служанок с картинами в руках. Я тяжело вздохнула. Ну все, день теперь напрочь потерян.

На следующее утро меня пригласили в обеденный зал. Мама пошла вместе со мной, а вот папу задержали неотложные дела.

Человек, который, по моему разумению, был нашим шеф-поваром, поклонился в меру своих скромных возможностей, ограниченных объемистым животом. Лицо его было багровым, правда, кланяясь, он даже не вспотел, из чего я сделала вывод, что за долгие годы кухонный жар выпарил всю жидкость из его организма.

– Ваше величество, ваше высочество, благодарю за то, что почтили нас своим присутствием. Кухонный персонал день и ночь трудится над составлением оптимального меню первого обеда в честь приезда Избранных. Мы собираемся сделать семь перемен блюд, само собой разумеется.

– Ну конечно! – бодро откликнулась мама.

Шеф-повар наградил ее широкой улыбкой:

– И мы, естественно, хотели бы получить ваше одобрение окончательного меню.

Я даже застонала про себя. Ведь полноценный обед из семи блюд с первого глотка коктейля и до последнего кусочка шоколада может занять часов шесть, не меньше. Интересно, а сколько времени уйдет на то, чтобы попробовать несколько вариантов одной перемены блюд?

Как оказалось, восемь часов. Под конец у меня дико разболелся живот, в результате чего напрочь отпало всякое желание обсуждать музыкальное сопровождение первого обеда.

В коридорах было людно, точно на улицах, и в каждом уголке дворца кипела подготовительная деятельность. Я стоически выносила весь этот бедлам, но только до тех пор, пока буквально на следующий день меня не остановил папа:

– Мы подумываем о том, чтобы отвести специальную комнату для Избранных. Как насчет того, чтобы…

– Довольно, – устало вздохнула я. – Мне наплевать. Я понятия не имею, какие вещи нужны мальчикам для отдыха, а потому спроси того, у кого имеется тестостерон. Если я понадоблюсь, то буду в саду.

Папа сразу понял, что я на грани нервного срыва, и не стал со мной пререкаться. Что ж, спасибо хотя бы за временную передышку.

Я легла в одном бикини на одеяло, расстеленное на лужайке, за которой начинался лес. И в очередной раз пожалела об отсутствии у нас плавательного бассейна. В принципе я всегда добивалась своего, но в том, что касается бассейна, папа оставался непреклонен. Ладно, когда дворец будет моим, бассейн станет первым пунктом повестки дня.

Чтобы хоть чуть-чуть расслабиться, я принялась за наброски новых моделей платьев. Солнце приятно пригревало спину, а скрип карандаша вкупе с шелестом листьев были для меня словно чарующая мелодия. Моя жизнь потеряла покой, и теперь я оплакивала эту утрату. «Три месяца, – повторяла я, как заклинание. – Три месяца, а потом все будет по-прежнему».

Внезапно сонную тишину сада разорвал пронзительный смех.

– Джози, – пробурчала я себе под нос.

Я прикрыла глаза ладонью и, повернувшись, увидела, что она направляется прямо ко мне. С ней была одна из подружек, девушка из высшего общества. Бедняжке Джози явно не хватало компании во дворце.

Поспешно закрыв тетрадь с набросками, я перевернулась на спину, подставив лицо солнцу.

– Отличный опыт для всех нас, – говорила Джози подруге. – Ведь при дворе почти нет мальчиков, так что надо ловить момент. Должна же я знать, как поддержать разговор, когда в один прекрасный день ко мне кто-нибудь посватается.

У меня глаза полезли на лоб. Хорошо, что я в гробу видала всех этих парней, а не то жутко разозлилась бы на маленькую нахалку. Можно подумать, их пригласили специально для нее! Хотя Джози действительно считает, будто она пуп земли. А мысль о том, что ей, как важной особе, станут специально подбирать жениха, просто смехотворна. Она может выйти замуж за первого встречного, и всем в любом случае будет до лампочки.

– Надеюсь, ты пригласишь меня в гости во время Отбора, – ответила Джози подруга. – Вот уж повеселимся!

– Конечно, Шаннон! Я постараюсь, чтобы мои подруги приезжали почаще!

До чего же великодушно с ее стороны приглашать в мой дом подружек набираться опыта! Я сделала глубокий вдох. Мне срочно надо было расслабиться.

– Идлин! – заметив меня, воскликнула Джози.

Я застонала и приветственно подняла руку в надежде, что она проявит деликатность и не станет меня донимать.

– Ой, а как там твой Отбор? Ты небось сильно волнуешься? – не меняя направления движения, крикнула Джози.

У меня не было ни малейшего желания драть глотку, поэтому я промолчала. В результате Джози с подружкой нависли прямо надо мной, заслонив солнце.

– Идлин, ты что, не слышала? Признавайся, ты переживаешь из-за Отбора?

Джози никогда не обращалась ко мне как положено.

– Естественно.

– И я тоже! Наверное, ужас до чего волнительно оказаться в такой компании.

– Даже и не мечтай, – одернула я Джози. – Эти парни – мои гости.

Она наклонила голову, словно я говорила прописные истины:

– Я знаю! Но ведь так приятно встретить новых людей!

– Джози, а сколько тебе лет?

– Пятнадцать, – гордо ответила она.

– Так я и думала. Если тебе так приспичило, ты наверняка можешь выйти в город и познакомиться с подходящими людьми. Ты уже достаточно взрослая.

– Не уверена, – улыбнулась она. – Нам нельзя нарушать приличия.

Я решила не вступать с ней в дальнейшие пререкания. Ведь это я не могла просто так взять и без предупреждения покинуть дворец. Прочесывание местности службой безопасности, необходимые заявления и проверка на соответствие протоколу – без этого нельзя было и помыслить о том, чтобы выйти в город.

А еще приходилось постоянно следить за тем, чтобы, боже упаси, меня не увидели в неподобающем обществе. Нелицеприятные снимки всегда делались с дальним прицелом: для публикации сенсационного критического материала. В нужный момент их извлекали на свет божий и подкрепляли фактическими данными. Поэтому мне следовало постоянно быть начеку, чтобы, паче чаяния, не скомпрометировать себя, свою семью и даже свою страну.

А вот Джози была самой обыкновенной девушкой. И на нее не распространялись столь строгие ограничения.

Что не мешало ей вести себя так, будто она об этом не знает.

– Ладно, по крайней мере, на сегодня у тебя уже есть компания. И если вы двое не возражаете, я хотела бы немного отдохнуть.

– Конечно, ваше высочество, – склонила голову подружка Джози, оказавшаяся, к моему удивлению, не совсем безнадежной.

– Увидимся за обедом! – И откуда у Джози столько энтузиазма?

Я попыталась снова расслабиться, но пронзительный голос Джози продолжал сверлить мозг. И я, взяв одеяло и наброски, вернулась в дом. Если уж не суждено насладиться одиночеством, надо срочно поискать себе другое занятие.

После яркого анджелесского солнца коридоры дворца показались мне слишком темными, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Я отчаянно заморгала, пытаясь разглядеть лицо вихрем несшегося мне навстречу парня. Остен. В руках он держал две тетрадки, которые тут же поспешно всучил мне.

– Спрячь в своей комнате, хорошо? А если кто будет спрашивать, ты меня не видела, – прошептал он и мгновенно исчез.

Я тяжело вздохнула, понимая, что искать объяснения его действиям – пустая трата времени и сил. В иные моменты я, будучи наследницей трона, и сама с трудом несла взваленную на меня ношу, но Остена это, слава те господи, никаким боком не касалось. Всякий раз, как я пыталась представить его у руля государства, у меня схватывало голову.

Мучимая любопытством, я сунула нос в тетрадки. Интересно, что он опять задумал? Оказалось, тетрадки принадлежали не ему, а Джози. Я сразу узнала ее детский почерк, хотя мне и без того все стало ясно. Целые страницы были исписаны их с Ареном именами и окружены сердечками. Правда, были там и другие имена. Уже через пару страниц она была по уши влюблена в членов популярной рок-группы «Choosing Yesterday» [1], а затем – в какого-то актера. Похоже, Джози в качестве предмета воздыханий годилась любая знаменитость.

Я решила испортить задумку Остена, оставив тетрадки на полу у дверей в сад. Пожалуй, не вредно лишний раз проучить Джози. Ей явно будет не слишком приятно наткнуться на них по возвращении в дом. Пусть помучится, гадая, откуда они там взялись и кто успел их пролистать.

Самое время поставить ее на место. Джози, конечно, особа, приближенная к королевской семье, но уж больно много она о себе стала понимать.

Когда я наконец добралась до своей комнаты, Нина поспешно забрала у меня одеяло, чтобы отправить его в стирку. Я набросила на себя первое, что попалось под руку, поскольку сегодня мне было не до чего. И уже начала приводить в порядок волосы, как вдруг мое внимание привлекли лежавшие на столе папки.

– Леди Брайс оставила это для вас, – объяснила Нина.

Я окинула взглядом папки. За текущую неделю мне впервые подкинули работу, но я не могла позволить себе отвлекаться.

– Позже посмотрю, – пообещала я, прекрасно понимая, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Нет, сегодняшний день был моим, и только моим.

Заколов узлом волосы и проверив макияж, я отправилась искать маму. Я нуждалась в компании, а на маму всегда можно рассчитывать. Она наверняка не станет просить меня выбирать мебель или дегустировать еду.

Она сидела в одиночестве в Женском зале. Табличка на двери гласила, что сия комната получила название библиотеки имени Ньюсома, но я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь, кроме мамы, ее так называл. Тут собирались в основном женщины, поэтому прежнее название было, по-моему, гораздо точнее.

Еще не успев открыть дверь, я поняла, что мама уже там. Она играла на фортепьяно, манеру ее игры было невозможно не узнать. Мама любила рассказывать, как после свадьбы папа заставил ее выбрать четыре новеньких инструмента, причем каждый со своей характерной особенностью. Фортепьяно расставили по всему дворцу. Одно – в маминых покоях, второе – в папиных, третье – здесь, а четвертое – в пустовавшей гостиной на четвертом этаже.

---

[1] Здесь обыгрывается название рок-группы «Chasing Yesterday». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Мамины руки легко и свободно порхали по клавиатуре. Мне стало немного завидно. Правда, она постоянно сетовала на то, что рано или поздно пальцы утратят гибкость и тогда она не сможет брать больше одной октавы. Однако пока время было над мамой невластно.

Я старалась ступать бесшумно, и все же мама меня услышала.

– Здравствуй, дорогая. – Мама моментально сняла руки с клавиатуры.

– Извини, что помешала, – устроившись рядом с ней на скамеечке, ответила я.

– А ты и не мешаешь. Я просто хотела немного отвлечься. Но сейчас я чувствую себя гораздо лучше.

– Что-то не так?

Мама рассеянно улыбнулась и погладила меня по спине:

– Нет. Просто издержки нашей работы.

– Как я тебя понимаю! – воскликнула я, пробежав пальцами по клавишам.

– Иногда мне кажется, что я уже все знаю и все повидала. Словом, достигла вершин совершенства. Но стоит мне на этом успокоиться, как обстоятельства резко меняются. И сейчас… Ладно, у тебя и так хватает поводов для волнения. Давай не будем о грустном.

Она заставила себя улыбнуться, и хотя меня в принципе интересовала причина маминого беспокойства, ведь рано или поздно ее заботы лягут на мои плечи, я поняла, что мама права. Меньше знаешь, крепче спишь, а я уже и так на грани нервного срыва.

Как, впрочем, и мама.

– Скажи, а ты ни разу не пожалела об этом? – заметив плохо скрытую грусть в ее глазах, спросила я. – О том, что прошла через Отбор и стала королевой?

Мама не стала с ходу говорить «да» или «нет», а тщательно взвесила ответ, за что я была ей крайне признательна.

– Я не жалею о том, что вышла за твоего отца. Да, иногда я задумываюсь над тем, что стало бы со мной, если бы я не решилась пройти через Отбор или затерялась бы во дворце. Полагаю, у меня все было бы хорошо. Возможно, я осталась бы в счастливом неведении. Однако дорога навстречу твоему отцу оказалась тернистой, и в основном потому, что я не желала по ней идти.

– Совсем-совсем?

– Идея принять участие в Отборе принадлежала отнюдь не мне.

У меня буквально отвисла челюсть. Об этом она никогда не рассказывала.

– А кому?

– Не важно, – отмахнулась мама. – И, честно признаться, я понимаю твои сомнения. Но считаю, что Отбор поможет тебе лучше узнать себя. Надеюсь, ты мне поверишь.

– Я бы с радостью тебе поверила, если бы знала, что вы затеваете это ради меня, а не для того, чтобы такой ценой купить себе немного спокойствия. – Мои слова прозвучали чуть резче, чем хотелось бы.

Мама сделала глубокий вдох:

– Ты наверняка считаешь нас эгоистами, но когда-нибудь ты поймешь. Когда судьба нашего королевства окажется в твоих руках, ты тоже будешь готова пойти на все ради его спасения. Мне и в голову не могло прийти, что снова придется устраивать Отбор. К сожалению, планы изменились, и нам пришлось попросить тебя пойти на столь серьезный шаг.

– А вам не кажется, что вы слишком много от меня хотите? – огрызнулась я.

– Во-первых, следи за языком, – одернула меня мама. – А во-вторых, ты видишь только часть общей картины. Ты и понятия не имеешь, как тяжело сейчас приходится твоему отцу. – (Я сразу притихла. Теперь мне уже не терпелось уйти. Если ей не нравится мой тон, зачем тогда меня заводить?) – Идлин, так уж вышло, что тянуть с этим нельзя. Но, положа руку на сердце, рано или поздно нам все равно пришлось бы что-то предпринять.

– Что ты имеешь в виду?

– Со стороны ты кажешься чересчур замкнутой, слишком далекой от народа. Конечно, я понимаю, ты постоянно волнуешься из-за вызовов, которые ждут тебя впереди, когда ты взойдешь на трон. Вот почему сейчас самое время подумать о нуждах других.

– Неужели ты считаешь, будто я этого не делаю? И чем, по-твоему, я целый день занимаюсь?

Мама поджала губы:

– Нет, солнышко. Не делаешь, если это мешает твоей комфортной жизни.

Меня так и подмывало на нее наорать. Впрочем, и на папу тоже. Ну да, иногда я пытаюсь уйти от проблем, принимая ароматные ванны или выпивая бокал вина за обедом. Но с учетом того, чем приходится жертвовать, можно было бы и простить мне маленькие слабости.

– Вот уж никогда бы не подумала, что ты считаешь меня такой испорченной. – Я встала, собираясь уйти.

– Идлин, я совсем не то имела в виду.

– Именно то. Вот и отлично. – Я направилась к двери. Ее обвинения меня настолько разозлили, что перехватило дыхание.

– Идлин, дорогая! Мы лишь хотим, чтобы ты стала образцовой королевой, только и всего, – умоляюще произнесла мама.

– И стану. – Одной ногой я уже была в коридоре. – И я определенно не нуждаюсь в том, чтобы какой-то парень с улицы стал меня учить, как это делается.

Я попыталась успокоиться. Мне вдруг показалось, будто весь мир ополчился против меня и теперь наносит удар за ударом. Я продолжала мысленно повторять, что надо потерпеть только три месяца, только три месяца… И тут до моих ушей внезапно донесся чей-то плач.

– Ты уверена? – Голос вроде бы генерала Леджера.

– Я говорила с ней сегодня утром. Она решила его оставить, – всхлипнула мисс Люси.

– А ты сказала, что мы сможем дать ребенку абсолютно все? Что у нас больше денег, чем мы сможем потратить? Что мы будем его любить, невзирая на изъяны? – торопливым шепотом говорил генерал Леджер.

– Ну да. И даже больше того, – вздохнула мисс Люси. – Ведь это такой редкий шанс для ребенка с нарушением умственного развития. Я сказала ей, что мы в состоянии удовлетворить его потребности, что сама королева позаботится о нем. А она ответила, что говорила со своими родственниками, и что те согласились ей помочь, и что ей вообще не хотелось отдавать ребенка. А на усыновление согласилась исключительно из страха остаться одной. Она извинялась, словно это может хоть как-то исправить дело.

Мисс Люси втянула носом воздух, пытаясь остановить рыдания. Я подошла поближе к повороту коридора и прислушалась.

– Люси, прости.

– Мне не за что тебя прощать. Тут нет твоей вины, – ласково сказала она. – Думаю, нам надо смириться и понять, что все кончено. Годы лечения, выкидыши, три несостоявшихся усыновления… Пора отпустить ситуацию.

Повисла длинная пауза. Затем генерал Леджер нарушил молчание:

– Хорошо, если ты считаешь, что так будет лучше для всех.

– Да, считаю, – отрезала мисс Люси и снова разрыдалась. – У меня до сих пор не укладывается в голове, что мне не суждено стать матерью.

И уже через секунду плач ее стал звучать глуше. Генерал Леджер наверняка прижал мисс Люси к своей широкой груди.

Все эти годы я считала, что Леджеры просто не хотят иметь детей. При мне никто ни разу не заводил разговоров об отчаянных попытках мисс Люси стать матерью, а она, казалось, с удовольствием играла с нами, когда мы были детьми, но не более того. В жизни не подумала бы, что их семья стала жертвой столь прискорбных обстоятельств!

Быть может, мама права? Быть может, я не такая заботливая и внимательная, какой себя мнила? Ведь мисс Люси была одной из тех, кого я любила больше всех на свете. Тогда почему я оказалась настолько черствой, что не смогла понять всей глубины ее страданий?

Глава 6

В кабинете стояло тридцать пять огромных корзин с десятками тысяч заявлений, оставленных ради сохранения конфиденциальности в конвертах. Перед камерами я попыталась напустить на себя вид счастливого предвкушения, хотя, по моему ощущению, меня в любую минуту могло вырвать прямо в одну из этих корзин.

Что ж, неплохой способ уменьшить число кандидатов.

Папа положил мне руку на спину:

– Ладно, Иди. Просто подойди по очереди к каждой корзине и вытяни конверт. Я подержу их, чтобы у тебя были свободными руки. Сегодня вечером мы вскроем конверты в прямом эфире студии «Вестей». Все просто как дважды два.

Если все так просто, то почему я совсем пала духом? Хотя, с другой стороны, чему удивляться? Ведь на меня столько всего свалилось после объявления об Отборе.

Я надела свою любимую тиару и расправила переливающееся серое платье. Сегодня мне хотелось быть особенно ослепительной, но, увидев девушку, смотревшую на меня из зеркала, я даже немного опешила.

– Итак, я в прямом смысле слова смогу сама выбирать каждого претендента? – прошептала я в надежде, что на звукозаписи этого не будет.

– Да, такой привилегии у меня не было, – тонко усмехнулся папа. – Дерзай, родная!

– Что ты хочешь сказать?

– Потом объясню. А теперь вперед. – И он махнул рукой в сторону бесконечных кип писем с заявками.

Я глубоко вдохнула. Я сделаю это. И пусть себе бедняги надеются. У них свои планы, у меня – свои. Причем железобетонные. Надеюсь, мне удастся выйти сухой из воды. Всего-навсего несколько месяцев жизни – капля в реке времени, – а затем я снова вернусь к своей основной работе – учиться править страной. В одиночестве.

Тогда почему ты трясешься как овечий хвост?

Заткнись!

Я подошла к первой корзине с заявками, если верить наклейке, из Клермонта. Под вспышки кинокамер вытащила с краю первое попавшееся письмо, и все присутствующие в комнате зааплодировали. Мама обняла Арена за плечи, а тот исподтишка состроил мне рожу. Мисс Марли восторженно вздохнула, но мисс Люси почему-то рядом с ней не было. Остена, само собой, тоже не было, а вот Кейден с интересом следил за происходящим.

Из разных корзин я вынимала письма по-разному. Из второй корзины я взяла верхний конверт. Из третьей выудила заявку из самой глубины, пошарив хорошенько рукой. Зрители пришли в крайнее возбуждение, когда я подошла к корзине с заявками из Каролины, маминой родной провинции, вытащила два конверта и, демонстративно взвесив их в руках, положила один назад.

И вот под шумные аплодисменты и фотовспышки я вручила папе последнюю порцию писем. Затем наградила наводнивших комнату репортеров чем-то вроде восторженной улыбки, и те радостно отправились делать эксклюзивные репортажи. Арен и Кейден удалились с шуточками и прибауточками, а мама, на ходу чмокнув меня в лоб, последовала за ними. Мы с ней снова разговаривали, хотя нам нечего было сказать друг другу.

– Ты была великолепна, – когда мы остались одни, заявил папа с искренним восхищением в голосе. – Я ведь отлично понимаю, какая это нервотрепка, но ты держалась замечательно.

– Откуда тебе знать о нервотрепке, если тебе не пришлось собственноручно вытаскивать заявления?

Папа проглотил ком в горле.

– Ты уже в основных чертах знаешь историю того, как я встретил твою маму. Но есть мелкие детали, о которых лучше не вспоминать. И я говорю тебе это сейчас только для того, чтобы ты наконец поняла, насколько тебе повезло. – Интересно, куда это он клонит? Тем временем папа сделал глубокий вдох и продолжил: – Мой Отбор не был фарсом, но он был и далеко не таким, как у тебя. Отец лично отбирал конкурсанток, отдавая предпочтение молодым женщинам из влиятельных семей с хорошими политическими связями или настолько привлекательным, чтобы страна потом могла боготворить землю, по которой они ступают. Для придания этой процедуре хотя бы видимости законности отец разбавил группу знатных претенденток тремя Пятерками, вот, пожалуй, и все. Пятерки явно рассматривались им как нечто одноразовое, предназначенное на выброс, но их миссия состояла в том, чтобы усыпить подозрения публики.

У меня отвисла челюсть.

– Мама?

– Она должна была вылететь одной из первых. Положа руку на сердце, она с большим трудом отразила попытки отца повлиять на мое мнение и, более того, собственноручно удалить ее. И посмотри на маму сейчас. – У папы просветлело лицо. – Я тогда и представить себе не мог, что народ будет любить ее больше, чем мою покойную мать. Она подарила мне четверых красивых, умных, сильных детей. И всю нашу совместную жизнь я не уставал благодарить свою счастливую звезду. – Папа принялся машинально перебирать конверты, которые держал в руках. – Я не знаю, существуют ли такие вещи, как рок или судьба. Но я точно могу сказать, что если ты чего-то очень сильно хочешь, то не сразу, но рано или поздно это получишь. И тогда поймешь, что о большем и не мечтаешь.

До сих пор у меня не имелось оснований сомневаться в том, что я хорошо знаю историю любви своих родителей. Но после папиного признания, что мама была первой кандидаткой на отсев, и маминых откровений о нежелании участвовать в Отборе у меня, естественно, возник вопрос, а как им вообще удалось найти друг друга.

Хотя, судя по выражению папиного лица, он и сам до сих пор не переставал удивляться.

– А знаешь, у тебя все великолепно получится.

– С чего ты взял?

– Ты очень похожа на свою мать и на мою тоже. Ты целеустремленная. И что самое главное, ты не любишь проигрывать. Не сомневаюсь, все это прекрасно сработает, хотя бы потому, что ты не допустишь отклонения от намеченного плана.

Я чуть было не призналась папе, что пришла к нему со свежими идеями, как отшить всех этих парней. Ведь он был абсолютно прав: я терпеть не могла проигрывать. Но для меня проиграть – это позволить посторонним руководить мной и вмешиваться в мою жизнь.

– Не сомневаюсь, все пойдет своим чередом, – произнесла я с едва заметным сожалением в голосе.

Папа погладил меня по щеке:

– Именно так всегда и бывает.

Глава 7

В студии немного изменили декорации. Обычно перед камерами рядом с родителями сидели только мы с Ареном, но сегодня на сцену пригласили и Кейдена с Остеном.

Папины советники восседали напротив. Посреди сцены был установлен сосуд с конвертами, которые я вытянула, а возле него – еще один сосуд, для вскрытых конвертов. Мне поста-

вили условие лично озвучивать все имена. Это, по крайней мере, создавало видимость, будто я контролирую ситуацию. Что и требовалось доказать.

За кинооператорами толпились придворные. Генерал Леджер тоже присутствовал. Он что-то нашептывал мисс Люси, целуя ее в лоб. С тех пор как я случайно подслушала их разговор, прошло уже несколько дней, и тем не менее я не переставала переживать за мисс Люси. Леджеры, как ни одна другая семья, заслуживали того, чтобы стать родителями. А Шривы, как ни одна другая семья, умели улаживать дела.

И все же я не знала, как помочь.

Мисс Марли пыталась утихомирить Джози, смеявшуюся над собственной плоской шуткой. У меня просто в голове не укладывалось, как у такой замечательной женщины мог родиться такой жуткий ребенок. Взять, к примеру, мою любимую тиару. Ту, что сейчас на мне. Так вот, она стала моей любимой исключительно потому, что Джози погнула мою первую любимую тиару и потеряла два камня из второй. Хотя она вообще не имела права прикасаться к ним. Никогда.

Кайл, сидевший рядом с сестрой, читал книжку. Ну конечно же, ведь все, что происходит в нашей стране и при дворе, нагоняет на него тоску. Какой же он все-таки неблагодарный человек!

Внезапно он поднял голову, перехватил мой взгляд и снова уткнулся в книгу с кислой миной. Господи, и что он вообще здесь забыл?

– Как ты себя чувствуешь? – Мама положила руку мне на плечо.

– Прекрасно.

– Не верю, – улыбнулась мама. – Это ведь просто тихий ужас какой-то.

– Ну да. Да, так оно и есть. Как мило с твоей стороны втянуть меня в такую восхитительную авантюру.

Мама тихонько хихикнула. Она явно проверяла, помирились мы наконец или нет.

– Я вовсе не считаю тебя испорченной, – прошептала она. – Я считаю, что ты у меня замечательная. В один прекрасный день ты узнаешь, что значит волноваться за своих детей. А за тебя я волнуюсь больше, чем за других. Идлин, ты ведь для меня не просто девочка. Ты моя девочка. И я хочу, чтобы ты получила все самое лучшее.

Я не знала, что говорить. И вообще, мне не хотелось сейчас ссориться. Тем более в преддверии столь знаменательного события. Поэтому я обняла маму за талию, а она поцеловала меня в лоб.

– Я чувствую себя ужасно неловко, – призналась я.

– Тогда подумай о том, как должны себя сейчас чувствовать эти мальчики. Для них это судьбоносный момент. А жители страны будут очень довольны.

Я постаралась выровнять дыхание. Три месяца. Свобода. Плевое дело.

– Знаешь, я горжусь тобой, – сказала мама.

Мама отошла от меня, чтобы поздороваться с папой, а в мою сторону стремительно направился, поправляя костюм, Арен.

– Поверить не могу, что это происходит на самом деле. – Судя по его тону, Арен был искренне взволнован. – Значит, теперь у меня будет компания.

– А Кайла тебе что, уже недостаточно? – Я в очередной раз бросила убийственный взгляд на Кайла, который продолжал сидеть, уткнувшись в книгу.

– Не понимаю, что ты имеешь против Кайла. Он действительно очень умный.

– Это что, эвфемизм такой для слова «скучный»?

– Нет! Но я рад, что смогу познакомиться с новыми людьми.

– А я нет. – Я сердито скрестила руки на груди.

– Расслабься, сестренка! Будет весело. – Он обвел глазами комнату и понизил голос до шепота. – Мне остается только догадываться, какую засаду ты приготовила для этих бедолаг!

Я попыталась спрятать улыбку, уже предвкушая, как они у меня тут еще попрыгают.

Арен взял один из конвертов и хлопнул меня им по носу:

– Ну все, готовься. Если у тебя есть хотя бы базовые знания английского, то с этой частью ты вполне справишься.

– Надо же, как больно! – ущипнула я брата за руку. – Я тоже тебя люблю.

– Знаю. Не переживай. Это будет совсем несложно.

Нам велели занять свои места, и Арен, швырнув конверт обратно, взял меня за руку, чтобы усадить на стул. Камеры заработали, и папа начал программу «Вести» с отчета о готовящемся торговом договоре с Новой Азией. В последнее время между нашими странами наладилось очень тесное сотрудничество, и сейчас было трудно представить себе, что в свое время мы находились с ними чуть ли не в состоянии войны. Папа коснулся иммиграционных законов, и в разговор вступили все его советники, включая леди Брайс. Казалось, эти разговоры займут целую вечность, но для меня все пролетело как одно мгновение.

Когда Гаврил объявил мое имя, я не сразу сообразила, что должна делать. И все же я поднялась, прошла по сцене и остановилась перед микрофоном.

Изобразив лучезарную улыбку, я посмотрела прямо в камеру – ведь сегодня все жители Иллеа прильнули к телевизорам.

– Вы наверняка сейчас волнуетесь не меньше моего, а потому давайте отбросим церемонии и сразу приступим к оглашению того, что вы все умираете от желания услышать. Дамы и господа, вот имена тридцати пяти молодых людей, приглашенных принять участие в нашем революционном Отборе.

Я сунула руку в сосуд и достала первый конверт.

– Из Лайкли, – прочла я и после паузы вскрыла конверт. – Мистер Маккендрик Шепард. – Я продемонстрировала его фотографию, затем, получив свою порцию аплодисментов, положила письмо во второй сосуд и потянулась за следующим конвертом. – Из Зуни… Мистер Уинслоу Филдз.

Каждое имя сопровождалось шквалом аплодисментов.

Холден Мессенджер. Кесли Тимбер. Хейл Гарнер. Эдвин Бишоп.

А когда я дошла до последнего письма, у меня вдруг возникло такое чувство, будто я вскрыла не меньше сотни конвертов. И вообще, от постоянных улыбок у меня уже дико болели щеки. Надеюсь, мама на меня не рассердится, если я пропущу обед и поем в одиночестве у себя в комнате. Ведь как-никак я это сегодня заслужила.

– Ага! Из Анджелеса. – Я разорвала бумагу, чтобы достать последнее заявление. Моя улыбка сразу увяла, но, честное слово, я ничего не могла с собой поделать. – Мистер Кайл Вудворк.

Я хорошо слышала реакцию зала. Кто-то ахнул, кто-то рассмеялся, но самой неожиданной была реакция Кайла. Он уронил книгу.

Задержав дыхание, я наконец сказала:

– Вот и все. Завтра наши советники начнут готовить этих тридцать пять счастливчиков к увлекательному приключению, которое ждет их впереди. И уже через неделю они прибудут во дворец. А пока давайте все дружно поздравим Избранных.

Я захлопала в ладоши, присутствовавшие в студии меня поддержали, и я вернулась на свое место, стараясь не показывать, что меня вот-вот стошнит.

Тот факт, что Кайл оказался в числе Избранных, в принципе, не должен был меня так уж сильно взволновать. Ведь уже к вечеру ни у кого из этих парней не останется ни малейшего шанса. Но что-то во всей этой истории было неправильно.

И не успел Гаврил закончить передачу, как все в зале словно взорвались. Мама с папой подошли к Вудворкам, я поплелась за ними, ориентируясь, как на луч маяка, на пронзительный смех Джози.

– Я этого не делал! – настаивал Кайл.

Наши глаза встретились, и я поняла, что он расстроен не меньше моего.

– Да какая, собственно говоря, разница? – удивилась мама. – Любой, достигший брачного возраста, вправе подать заявление.

– Все верно, – подтвердил папа. – Ситуация, конечно, несколько странная, но тут нет ничего противозаконного.

– Но я вовсе не хочу в этом участвовать! – умоляюще посмотрел на папу Кайл.

– Тогда кто внес твое имя?

– Без понятия, – нахмурился Кайл. – Здесь, должно быть, какая-то ошибка. С какой стати подавать заявку, если мне это неинтересно?

Мама посмотрела на генерала Леджера, и они обменялись улыбками. Хотя я не видела тут ничего смешного.

– Прошу прощения! – возмутилась я. – Так дело не пойдет. И что вы собираетесь предпринять?

– Возьмите на мое место кого-нибудь другого, – предложил Кайл.

Генерал Леджер покачал головой:

– Идлин объявила твое имя на всю страну. Ты кандидат от Анджелеса.

– Совершенно справедливо, – поддержал его папа. – После оглашения имен отобранных кандидатов они получают официальный статус. Мы не можем тебя заменить.

Кайл закатил глаза. Причем уже не в первый раз.

– Тогда пусть Идлин в первый же день выведет меня из игры.

– Интересно, и куда я тебя отправлю? – поинтересовалась я. – Ведь ты у себя дома.

Арен громко хмыкнул.

– Простите, – сказала он, заметив наши негодующие взгляды. – Вам этого не понять.

– Тогда отошлите меня куда-нибудь, – с надеждой в голосе предложил Кайл.

– Кайл, в сотый раз тебе говорю, ты никуда не уедешь!

Еще никогда в жизни я не слышала у мисс Марли таких железных ноток в голосе. Она прижала руку к виску, а мистер Картер, обняв ее за талию, принялся что-то нашептывать ей на ухо.

– Ты что, хочешь нас покинуть? – с недоверием спросила я. – А что, дворец уже недостаточно хорош для тебя?

– Дворец не мой, – отрезал Кайл. – И если честно, он мне уже порядком надоел. Мне осточертели ваши правила. Мне осточертело быть гостем. И мне осточертели твои капризы.

Пока я приходила в себя, мисс Марли успела залепить сыну здоровую оплеуху.

– Извинись! – приказала она.

Кайл, стиснув зубы, уставился себе под ноги. Я воинственно скрестила на груди руки. Он никуда не уедет, пока не принесет мне свои извинения. Так или иначе, но я своего добьюсь.

Наконец Кайл сердито помотал головой, пробормотав невнятные извинения.

Я отвернулась: его усилия меня явно не впечатлили.

– Все пойдет, как запланировано, – положил конец спорам отец. – Это Отбор, такой, как и все прочие. Его суть в том, чтобы сделать выбор. Кайл лишь один из множества претендентов, и Идлин вполне способна выбрать того, кто похуже.

Спасибо тебе, папа. Я покосилась на Кайла. Он стоял набычившись, вид у него был донельзя смущенный.

– А теперь, полагаю, нам следует поесть и отпраздновать это событие. Сегодня очень волнующий день.

– И то верно, – согласился генерал Леджер. – Давайте поедим.

– Вы как хотите, а я иссякла, – поворачиваясь к двери, заявила я. – Останусь у себя в комнате.

Я не стала ждать разрешения. С сегодняшнего дня я больше никому ничего не должна. Ведь я дала им все, что они хотели.

Глава 8

На протяжении всего уик-энда я старательно избегала общения с домочадцами, но их это, похоже, нимало не встревожило, даже маму. После оглашения имен кандидатов Отбор стал для меня грозной реальностью, и я сокрушалась по поводу скоротечности дней моего одиночества.

И вот в понедельник, накануне прибытия кандидатов, я наконец решила вернуться к людям и отправилась в Женский зал. Там я застала мисс Люси, к которой, похоже, вернулась былая жизнерадостность. Мне по-прежнему хотелось ей помочь. Но дальше щенка мои фантазии не шли, хотя щенка, как ни крути, при всем желании нельзя назвать человеческим существом.

Мама беседовала с мисс Марли. Обе дружно помахали, заметив меня в дверях.

Когда я села, мисс Марли накрыла мою руку своей:

– Я хотела объясниться по поводу Кайла. Он хочет уехать вовсе не из-за тебя. Он уже давно поговаривает об отъезде, и я надеялась, что семестр учебы вдали от дома положит конец этим разговорам. Ведь мне не пережить расставания с ним.

– Рано или поздно тебе придется позволить ему самому делать выбор, – наставительно сказала мама.

И это говорит человек, который вынуждает родную дочь выйти замуж за незнакомца!

– Нет, я решительно отказываюсь понимать. Вот Джози, например, отнюдь не рвется уехать.

Я сделала большие глаза. Естественно, не рвется. Куда уж ей!

– Тут ничего не поделать. Ты же не можешь удерживать его силком! – Мама налила чашку чая и села напротив меня.

– Я собираюсь нанять другого учителя. У него есть практический опыт, и он может дать Кайлу больше, чем любая книжка. Так мне удастся выиграть немного времени. Я еще не теряю надежды…

И в этот момент в комнату ворвалась тетя Мэй. Выглядела она так, будто сошла с обложки журнала. Я ринулась к ней, сжав ее в объятиях.

– Ваше высочество, – поздоровалась она.

– Заткнись!

Она рассмеялась, схватила меня за плечи и, притянув к себе, заглянула в глаза:

– Я хочу услышать все подробности об Отборе. Как ты себя чувствуешь? Некоторые снимки были чудо как хороши. Ты уже влюблена?

– Даже близко нет, – рассмеялась я.

– Ну дай им хотя бы пару дней.

И в этом она вся. Каждые несколько месяцев новая любовь. Она относилась к нам четверым и к нашим кузенам, Астре и Лео, как к собственным детям, поскольку ей так и не удалось устроить свою личную жизнь. Я ее обожала, и, когда она приезжала нас навестить, дворец буквально оживал.

– Ты надолго приехала? – поинтересовалась мама, и тетя Мэй, взяв меня за руку, потащила к ней.

– До четверга. – (Я грустно вздохнула.) – Да, я понимаю. Я пропущу все самое интересное! Но у Лео в пятницу днем игра, а у Астры в субботу репетиция танцев, и я обещала, что буду. Она реально делает успехи. – И, повернувшись к маме, тетя Мэй добавила: – Сразу видно, что ее мать была артисткой.

– Жаль, что я не смогу приехать, – посетовала мама.

– А почему бы и нет? – взяв несколько печенюшек к чаю, предложила я.

Тетя Мэй удивленно на меня посмотрела:

– Ты ведь не забыла, что у тебя уже есть планы на этот уик-энд? Грандиозные планы? Жизненно важные?

– Тоже мне большое дело. Невелика беда, если что и пропущу, – пожала я плечами.

– Идлин! – одернула меня мама.

– Извини! Просто так много всего сразу навалилось. Меня вполне устраивает теперешнее положение дел.

– А где фотографии? – спросила Мэй.

– У меня в комнате, на письменном столе. Я пытаюсь выучить имена, но не слишком-то преуспела.

Мэй махнула рукой служанке:

– Милочка, будь добра, сходи в комнату принцессы и возьми на письменном столе анкеты Избранных.

Служанка, просияв, присела в реверансе, и у меня возникли смутные подозрения, что по дороге она непременно сунет нос в анкеты.

Мама наклонилась поближе к сестре:

– Я только хочу напомнить тебе, что, во-первых, они даже если и есть, да не про твою честь, а во-вторых, ты по крайней мере вдвое старше их.

Мы с мисс Марли расхохотались, а мисс Люси лишь слабо улыбнулась. Она гораздо снисходительнее относилась к тете Мэй, чем все остальные.

– Зачем вы ее дразните? – возмутилась мисс Люси. – Не сомневаюсь, у нее самые хорошие намерения.

– Спасибо тебе, Люси. Конечно, это не для меня, а для Идлин! – сказала тетя Мэй. – Мы объясним ей, как правильно начать.

– Ну, тут все устроено немножко по-другому. – Мама откинулась на спинку стула и с важным видом принялась за чай.

Мисс Марли громко расхохоталась:

– Кто бы говорил! Нам что, напомнить тебе, с чего ты тогда начала?

– Что? – Я была потрясена. Какие еще подробности истории своей любви скрыли от меня родители? – О чем она говорит?

Мама поставила чашку и предупреждающе подняла руку.

– Я совершенно случайно наткнулась на твоего папу в ночь накануне начала Отбора, и, к твоему сведению, – сказала она, обращаясь скорее к мисс Марли, чем ко мне, – меня вполне могли за это выгнать взашей. И вообще, первое впечатление было отнюдь не таким, на какое я рассчитывала.

– Мама, а сколько правил ты умудрилась нарушить? – растерянно спросила я.

Мама закатила глаза, словно пытаясь подсчитать:

– Знаешь что, не поленись, просмотри все фотографии – и ты выиграла.

Тетя Мэй восторженно рассмеялась, и я попыталась запечатлеть в памяти ее изящно склоненную набок голову и сияющие глаза. Она обладала прирожденным шиком, я обожала ее почти так же, как свою маму. Я чувствовала себя слегка обделенной из-за того, что моей единственной подругой детства была Джози, но мамины друзья с лихвой компенсировали мне нехватку ровесников. Жизнерадостность тети Мэй, доброта мисс Люси, оптимизм мисс Марли, мамина сила духа – все это оказалось просто бесценным, и общение с этими замечательными женщинами стало для меня отличной школой жизни.

Тем временем успевшая вернуться служанка вывалила передо мной ворох анкет и фотографий. К моему величайшему удивлению, именно мисс Марли первой схватила пачку фотографий, чтобы получше их рассмотреть. Тетя Мэй стояла у нее за спиной, а так как мама не

взяла ни одной фотографии, тетя перегнулась через плечо мисс Марли, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком. Мисс Люси поначалу пыталась напустить на себя индифферентный вид, но очень скоро и у нее на коленях лежала кипа анкет.

– Ой, вот тот выглядит весьма многообещающе. – Тетя Мэй сунула мне под нос фотографию. Я увидела темнокожее лицо с глубоко посаженными карими глазами. Коротко подстриженные волосы, ослепительная улыбка.

– Бейден Трейнс, девятнадцать лет, родом из Самнера.

– Очень привлекательный, – сказала мама.

– Несомненно, – согласилась тетя Мэй. – Судя по его фамилии, их род наверняка относился к касте Семерок. В анкете сказано, что он на первом курсе, изучает рекламное дело. Значит, у него или у кого-то из членов его семьи имеются высокие амбиции.

– Верно, – согласилась мисс Марли. – Рекламное дело не из легких.

Вытащив парочку анкет, я мельком их просмотрела.

– Итак, как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась тетя Мэй. – Все готово для старта?

– Думаю, да. – Я вгляделась в анкету, пытаясь найти хоть что-нибудь интересное. Хотя, в сущности, какая разница?! – Поначалу мы жутко психовали. Мне казалось, этому не будет конца. А теперь вроде бы все комнаты готовы, меню разработано. Можно привозить сюда кандидатов.

– Оно и видно, как ты взволнована, – подкусила меня тетя Мэй.

Я вздохнула, выразительно посмотрев на маму:

– Ты ведь, наверное, уже знаешь, что весь этот балаган устраивается отнюдь не для меня.

– Что ты имеешь в виду, моя милая? – Мисс Люси поправила стопку анкет на колене, тревожно переводя взгляд с меня на маму.

– Мы, конечно, надеемся, что Идлин рано или поздно найдет себе достойного спутника жизни, – без обиняков заявила мама. – Но случилось так, что пришлось несколько ускорить события, поскольку сейчас наша страна переживает тяжелый период. И нам необходимо срочно погасить тлеющие очаги недовольства вследствие отмены каст.

– Америка! – возмутилась тетя Мэй. – Так твоя дочь что, типа подсадной утки?

– Нет!

– Да, – пробурчала я, и тетя Мэй погладила меня по спине, отчего мне сразу полегчало.

– Рано или поздно вопрос поклонников непременно возник бы, и вообще, Отбор ее ни к чему не обязывает. У Идлин имеется договоренность с Максоном, что если она никого не полюбит, то все отменяется, – возразила мама. – Тем не менее, да, Идлин выполняет свою работу как член королевской семьи, внося… некоторое разнообразие. Население немного остынет, а мы тем временем успеем разработать план дальнейших действий. И кстати, должна сказать, это работает.

– Неужели? – удивилась я.

– А ты разве не видела газет? Ты теперь в центре внимания. Местные газеты публикуют интервью кандидатов, в некоторых провинциях устраиваются праздники. Ведь люди надеются на победу именно своего кандидата. В журналах приводятся рейтинги претендентов, а прошлым вечером я видела в новостях сюжет о том, что девушки организуют фан-клубы и надевают футболки с именами фаворитов.

– Что есть, то есть, – подтвердила мисс Марли. – И больше ни для кого не секрет, что Кайл живет во дворце.

– А газетчики уже раскопали, что он не хочет участвовать в Отборе? – Я не могла скрыть свое раздражение, хотя мисс Марли тут вообще ни при чем.

– Нет, – рассмеялась она. – Но, повторяю еще раз, это не имеет к тебе никакого отношения.

– Мисс Марли, – улыбнулась я, – вы ведь слышали, что сказала мама. У него нет ни малейшего повода для беспокойства. Полагаю, мы с Кайлом оба отлично знаем, что из нас не получится хорошей пары. И скорее всего, я вообще не найду себе жениха. – Тут я была уверена на все сто процентов, если уж быть точной. – И не стоит беспокоиться, что он может хоть как-то задеть мои чувства. Ведь я прекрасно понимаю, что меня ждет впереди, – ответила я, словно мне не впервой выбирать одного из множества юношей. – И я ни капельки не расстроена.

– Ты сказала, что все это блеф, – озабоченно начала тетя Мэй. – Как думаешь, а сколько продлится Отбор?

– Столько, сколько понадобится, чтобы люди успокоились, а мы успели разработать план действий, если вдруг возникнут новые вызовы. – Мамин голос звучал довольно уверенно.

– Когда они снова возникнут, – поправила я маму. – Да, какое-то время людей будет волновать моя жизнь, но рано или поздно они вернутся к своим проблемам. – Я снова посмотрела на фотографии. Мне даже стало немного жаль этих юношей. У них не было ни малейшего шанса победить. Они понятия не имели, что Отбор – просто отвлекающий маневр. – Надо же, как странно, – взяв одну из анкет, продолжила я. – Не судите и не судимы будете, но вот тут, например, три орфографические ошибки.

Мама взяла у меня анкету:

– Возможно, он просто нервничал.

– Или он клинический идиот, – рискнула предположить я.

Тетя Мэй хихикнула.

– Не будь такой жестокосердной, моя сладкая. Им ведь тоже безумно страшно. – Мама вернула мне анкету, и я прикрепила обратно фотографию блондинчика с невинным личиком и буйными кудрями.

– Постой-ка, неужели тебе тоже страшно? – В голосе тети Мэй звучала плохо скрытая тревога.

– Нет, нисколечко.

И тетя Мэй, мгновенно расслабившись, заговорщицки мне подмигнула:

– Чтобы ты, да чего-то боялась?! Это невозможно по определению.

Мне бы ее уверенность!

Глава 9

Когда они начали прибывать, я ушла в свою комнату, чтобы заняться эскизами моделей одежды на залитом солнцем балконе. Надо же, сколько громкого смеха и шумных приветствий! Интересно, как долго им удастся сохранять свое мужское братство? Ведь как-никак, но это соревнование. И я мысленно взяла себе на заметку, что не мешало бы попытаться найти способ столкнуть их лбами.

– Нина, мне кажется, что сегодня стоит убрать волосы наверх. Мне хочется выглядеть постарше.

– Прекрасный выбор, миледи, – ответила Нина, возившаяся с моими ногтями. – А насчет платья какие-нибудь идеи имеются?

– Наверное, надену вечернее. Черное подойдет идеально.

– Что, хотите запугать их? – хихикнула Нина.

– Ну, если только слегка, – лукаво улыбнулась я.

Мы обе рассмеялись, и я подумала, как хорошо, что у меня есть Нина. Ведь ближайшие несколько недель мне наверняка понадобятся ее успокаивающие прикосновения и слова поддержки.

Высушив мои волосы, Нина заплела их в косы и уложила короной на голове. Я нашла черное платье, которое надевала на празднование прошлого Нового года. Отделанное круже-

вом платье до пола сужалось в коленях, а ниже расширялось колоколом. Овальный вырез на спине и рукавчики крылышками. И я не могла не признать, что на солнце платье смотрелось гораздо лучше, чем при свете свечей.

Часы пробили один раз, и я спустилась вниз. Мы переоборудовали библиотеку на четвертом этаже в Мужскую гостиную, чтобы Избранные имели возможность собраться вместе и немного расслабиться. В гостиной того же размера, что и Женский зал, были удобные диваны, а еще множество книг и два телевизора.

Мы решили, что претенденты сперва по одному поприветствуют меня, а затем их проводят в Мужскую гостиную, чтобы дать им возможность познакомиться.

Увидев среди толпившихся в коридоре людей родителей и генерала Леджера, я сразу направилась к ним, изо всех сил стараясь скрыть свое нервозное состояние. Папа был просто потрясен моим видом, а мама прижала руку к губам.

– Идлин… ты выглядишь такой взрослой. – Она со вздохом коснулась моей щеки, затем плеч и волос, словно желая проверить, не обманывают ли ее глаза.

– Наверное, потому, что так оно и есть.

Мама кивнула, в ее глазах блеснули слезы.

– Ты оделась очень уместно. Я никогда не была похожа на настоящую королеву, но вот ты… само совершенство.

– Мама, прекрати сейчас же! Тебя все обожают. Вы с папой принесли мир нашей стране. А я еще ничего героического не сделала.

Мама приподняла пальцем мой подбородок:

– Пока не сделала. Ты такая целеустремленная, что добьешься всего, чего пожелаешь.

Я только было собралась ответить, но тут к нам подошел папа:

– Готова?

– Да. – Я отнюдь не нуждалась в духоподъемных беседах. – И расслабься, сегодня я не собираюсь никого отсеивать. Полагаю, каждый из них заслуживает получить шанс хотя бы на один день.

– По-моему, очень мудро, – улыбнулся папа.

– Ну ладно, пора начинать, – с тяжелым вздохом сказала я.

– Нам уйти или остаться? – спросила мама.

– Уйти. По крайней мере, сейчас.

– Как пожелаешь, – бросил папа. – Генерал Леджер со своими гвардейцами будет поблизости. Если тебе что-нибудь понадобится, только попроси. Желаем тебе удачного дня.

– Спасибо, папочка.

– Нет, это тебе спасибо, – обнял меня папа.

Папа отпустил меня и предложил руку маме. Я смотрела им вслед и видела, насколько они счастливы.

– Ваше высочество, – с улыбкой окликнул меня генерал Леджер. – Волнуетесь?

Я едва заметно покачала головой, пытаясь убедить скорее себя, нежели его.

– Вводите первого.

Генерал Леджер подал знак глазами лакею в конце коридора. Из библиотеки, поправляя манжеты, вышел юноша. Худой и несколько маловат ростом, но лицо приятное.

Он остановился прямо передо мной:

– Фокс Уэсли, ваше высочество.

– Очень приятно, – приветственно склонила я голову.

– Вы такая красивая! – восхищенно выдохнул он.

– Мне это уже говорили. А теперь можете идти.

Фокс нахмурился и, еще раз поклонившись, вышел.

И вот передо мной уже склонился в поклоне следующий юноша:

– Хейл Гарнер, ваше высочество.

– Добро пожаловать, сэр.

– От всей души благодарю вас за то, что пригласили меня в свой дом. Я надеюсь каждый день доказывать вам, что достоин вашей руки.

– Неужели? – удивилась я. – И как вы собираетесь сделать это сегодня?

– Например, сегодня я собираюсь сообщить вам о том, что происхожу из очень хорошей семьи, – улыбнулся он. – Мой отец в свое время был Двойкой.

– Ну и что с того?

Он как ни в чем не бывало продолжил:

– Полагаю, это не может не произвести впечатления.

– Но только не на девушку, у которой отец в свое время был Единицей. – Забавно было смотреть на его вытянувшуюся физиономию. – Вы свободны.

Он поклонился и направился к выходу, но на полпути остановился и, оглянувшись, сказал:

– Прошу прощения, ваше высочество, что оскорбил вас.

У него был такой печальный вид, что мне захотелось его успокоить. Но сегодня это никак не входило в мои планы.

Передо мной нескончаемой вереницей тянулись самые разные парни. Кайл оказался где-то в середине очереди. Он наконец-то удосужился пригладить волосы, и я получила возможность увидеть его глаза.

– Ваше высочество, – произнес он.

– Для тебя не ваше высочество, а королевский гвоздь в заднице, – поправила я Кайла, встретив его скептическую усмешку. – И как они к тебе отнеслись? По словам твоей мамы, в газетах судачат о том, что ты живешь во дворце.

Кайл растерянно покачал головой:

– Я боялся, что кучка ревнивых остолопов наверняка захочет хорошенько отмутузить меня, но оказалось, они искренне считают, что от меня больше пользы, чем вреда.

– Да неужели?

– Они думают, будто я уже знаю о тебе все. И все утро бомбардировали меня вопросами.

– А что именно ты им сказал?

Кайл криво усмехнулся:

– Что ты просто прелесть, само собой.

– Хорошо. – Я округлила глаза, не поверив ни единому слову. – Можешь продолжать.

– Послушай, я хотел бы еще раз извиниться за то, что назвал тебя капризулей.

– Ну, ты был в расстроенных чувствах, – передернула я плечами.

Он кивнул, согласившись с таким объяснением.

– И тем не менее это несправедливо. Я хочу сказать, не пойми меня превратно, но ты реально ужасно испорченная, – покачал головой Кайл. – И все же твое упрямство объясняется тем, что тебе приходится быть такой. Ведь рано или поздно ты станешь королевой. И я прекрасно вижу, как разворачиваются события во дворце. А поскольку на меня никогда не ложилось такой огромной нагрузки, не мне тебя судить.

Я вздохнула. Конечно, не мешало бы поблагодарить его, хотя бы из вежливости. Что ж, отлично, я буду вежливой.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

Повисла длинная пауза.

– Э-э-э… Мужская гостиная там. – Я ткнула пальцем в сторону коридора.

– Ладно. Полагаю, увидимся позже.

Я усмехнулась себе под нос, заметив у него в руке тетрадь, которую он прятал за спиной. Да, приодетый и причесанный, Кайл выглядел вполне привлекательно и тем не менее оставался занудным книжным червем.

А вот вошедший после него юноша явно нет.

Его волосы цвета карамели были аккуратно зачесаны назад; он вошел, держа руки в карманах, словно чувствовал себя как дома в дворцовых покоях. Меня даже несколько ошарашили его самоуверенные манеры. Словно это не он, а я пришла на аудиенцию.

– Ваше величество, – обволакивающим голосом произнес он, склонившись в поклоне.

– Высочество, – поправила я его.

– Нет, зовите меня просто Ин. – Уголки его губ приподнялись в лукавой улыбке.

– Вы ужасны! – рассмеялась я.

– Пришлось пойти на риск. Тут ведь еще тридцать четыре парня. И как иначе добиться того, чтобы вы меня запомнили?

Он не сводил с меня горящих глаз. И только богатый опыт общения со сладкоречивыми политиками помог устоять против его чар.

– Рада познакомиться с вами, сэр.

– А я с вами, ваше высочество. Надеюсь, скоро увидимся.

Ина сменил парень с такой тягучей речью, что я ни слова не поняла. Следующий поинтересовался, когда ему заплатят. Еще один так сильно потел, что после его ухода пришлось попросить лакея принести полотенце вытереть руку, а другой на протяжении всей аудиенции тупо пялился на мой бюст. Словом, настоящее шоу уродов.

Ко мне подошел генерал Леджер:

– Если вы вдруг сбились со счета, то сейчас будет последний.

– Слава богу! – облегченно вздохнула я.

– Ваши родители просили зайти к ним, когда закончите.

– Если вы настаиваете. – Я выразительно посмотрела на генерала Леджера.

– Не сердитесь на них, – хмыкнул генерал Леджер. – У вашего отца сейчас и так полно забот.

– Это у него-то полно забот? А вы видели того потного парня?

– Но кто его осудит? Вы ведь принцесса. И в вашей власти приговорить его даже к смерти, если вам так будет угодно.

В блестящих зеленых глазах генерала Леджера плясали озорные огоньки. Он, несомненно, принадлежал к той категории мужчин, которые с годами становились только интереснее. Мисс Люси как-то показала мне их свадебную фотографию, и я могу смело сказать, что генерал Леджер с тех пор стал еще красивее. Правда, иногда в плохую погоду или минуту усталости он слегка прихрамывал, но это его нисколько не портило. Возможно, все объяснялось моей привязанностью к мисс Люси, которая его обожала, но генерал Леджер всегда был для меня вроде безопасной гавани. Если бы не присутствие папы с мамой, я наверняка спросила бы совета генерала, как отправить парней по домам. Ведь его глаза ясно говорили мне, что он найдет выход из любого положения.

– Кое-кто из этих ребят меня реально смутил, – призналась я.

Красивые слова, плотоядные взгляды… Нет, мне совершенно не нравилось, когда на меня смотрели как на ценный приз.

– Понимаю, очень странная ситуация, – сочувственно произнес генерал. – Но вам нет нужды оставаться наедине с тем, кто явно не приглянулся. Более того, вы со спокойной душой можете вывести из игры любого. И даже у самых тупоголовых хватит ума не обидеть вас. Пусть только посмеют – и я лично прослежу за тем, чтобы духу их здесь не было.

Он заговорщицки подмигнул мне и дал знак запускать последнего кандидата.

Я здорово удивилась, когда передо мной появился не один человек, а сразу двое. Первый был в строгом костюме, а вот второй – просто в застегнутой на все пуговицы рубашке. Тот, что попроще, шел в нескольких шагах позади первого, не поднимая глаз от пола. У парня в костюме была буйная шевелюра и улыбчивое лицо.

– Здравствуйте, ваше высочество. – Он говорил с сильным незнакомым акцентом. – Как поживаете?

Обезоруженная его теплой улыбкой, я смущенно ответила:

– Хорошо. Вот только день выдался слишком длинным. Полагаю, и для вас тоже.

Парень за спиной моего собеседника наклонился к нему и прошептал на непонятном языке что-то такое, чего я не смогла разобрать.

Лохматый кивнул:

– О да, да… но мне приятно познакомиться с вами. – При разговоре он усиленно помогал себе руками, наверное считая, что так будет доходчивее.

Я наклонилась вперед, поскольку из-за сильного акцента теперь вообще ничего не понимала. Быть может, если сократить расстояние между нами, беседа пойдет более гладко.

– Простите?

И тут в разговор вмешался парень в рубашке:

– Он говорит, что счастлив познакомиться с вами.

Я растерянно прищурилась.

– Меня зовут Генри. – Патлатый поклонился, и я сразу поняла, что он собирался сделать это раньше, но забыл.

Мне вовсе не хотелось быть неучтивой, поэтому я вежливо кивнула:

– Привет, Генри.

Услышав свое имя, он просиял, перевел взгляд с меня на своего спутника и обратно.

– Я не могла не заметить ваш акцент, – стараясь говорить дружелюбно, произнесла я. – Откуда вы приехали?

– Э-э-э… Свенд… – начал он и беспомощно оглянулся на своего спутника.

Тот с готовностью кивнул и поспешил на помощь Генри:

– Сэр Генри родом из Свендвея, поэтому у него очень сильный финский акцент.

– О… – растерянно протянула я. – А он, вообще-то, говорит по-английски?

Генри тотчас же воспрянул духом.

– Английский – нет, нет. – Он ничуть не смутился и даже весело рассмеялся.

– Интересно, и как тогда мы сможем узнать друг друга поближе?

Переводчик повернулся к Генри:

– Miten saat tuntemaan toisensa?

Генри ткнул пальцем в переводчика, который сказал:

– Видимо, через меня.

– Ну ладно. Хорошо. Хм.

Нет, это выше моих сил. А что, если сразу отсеять его? Очень неприлично с моей стороны? Боже, общение с этими людьми с глазу на глаз становилось ужасно утомительным. А к присутствию третьего я вообще оказалась не готова.

И тут я вспомнила анкету Генри. Ага, вот откуда там орфографические ошибки. Похоже, он пытался угадать, как правильно писать.

– Благодарю, Генри, мне тоже было приятно с вами познакомиться.

Услышав свое имя, он улыбнулся, и я поняла, что слова не имеют значения. Нет, я никак не могла отослать его домой.

– Мужская гостиная дальше по коридору.

Переводчик что-то пробормотал, Генри поклонился, и они вместе вышли из комнаты.

– Генерал Леджер! – закрыв лицо руками, позвала я.

– Да, ваше высочество?

– Передайте папе, что я встречусь с ним через час. Мне необходимо прогуляться.

Глава 10

Итак, первый день, первый званый обед и первый вечер прошли без особых происшествий. Все камеры были направлены на обеденный зал, и я слышала тоскливые вздохи кинооператоров. Я не общалась с Избранными, а юноши так нервничали, что даже не переговаривались между собой.

Мне казалось, что я слышу папины мысли так же отчетливо, как если бы они были моими собственными.

Тоска зеленая! Никто не захочет это смотреть! И как такая скукотища поможет нам получить хоть секундную передышку, уж не говоря о трех месяцах!

Я несколько раз ловила на себе папин взгляд, умолявший сделать хоть что-нибудь, что угодно, лишь бы разнообразить вечер. Но я была в растрепанных чувствах. Мне не хотелось подводить папу, но любое проявление участия с моей стороны станет нехорошим прецедентом. Они должны знать, что я не собираюсь рассыпаться перед ними в любезностях.

И я велела себе расслабиться. Утро вечера мудренее.

На следующий день парадно одетые юноши собрались для торжественного шествия. На передней лужайке целая армия зевак была готова криками поддержать нас, когда мы выедем из ворот.

Папа очень гордился этой задумкой, которая была моим единственным вкладом в проведение Отбора. Я решила, что торжественное шествие внесет некоторую новизну. И уж точно даст пищу для разговоров.

– Доброе утро, ваше высочество, – поздоровался со мной один из кандидатов.

Я мгновенно вспомнила Ина и нашу вчерашнюю беседу. Ничего удивительного, что именно он стал первым, кто со мной заговорил.

– И вам того же. – Я, не замедляя шага, прошла мимо, не обращая внимания на парней, которые усердно кланялись или выкрикивали мое имя.

– Нам предстоит сделать короткий круг, ваше высочество. При скорости десять миль в час на все про все уйдет минут двадцать-тридцать. На протяжении всего пути выстроены гвардейцы. Народ ликует, должно получиться очень весело.

Я невозмутимо сложила перед собой руки:

– Благодарю вас, офицер. Я ценю ваш вклад в проведение мероприятия.

Он крепко сжал губы, пытаясь скрыть счастливую улыбку:

– Рад стараться, ваше высочество.

Гвардеец собрался было отойти, но я подозвала его к себе. И он, крайне довольный, что я нуждаюсь в его услугах, гордо выпятил грудь. Я оглядела толпу молодых людей, огорошенная их количеством, и попыталась сделать правильный выбор.

Увидела развевающуюся на ветру непокорную шевелюру Генри и улыбнулась про себя. Он стоял несколько поодаль группы парней, прислушивался к тому, что они говорят, и охотно кивал, хотя, голову даю на отсечение, ничегошеньки не понимал из происходящего вокруг. Переводчика рядом не было. Очень странно. Неужели Генри отпустил его на сегодняшний день?

Я продолжила выискивать жертвы… И неожиданно для себя обнаружила парня, который реально умел носить костюм. Не то чтобы он был похож на модель, однако, несомненно, знал секреты хорошего кроя. Более того, он явно усадил своего слугу за шитье костюма специально

для этого случая. И конечно, я не могла обойти вниманием его двуцветные туфли. Слава богу, что я запомнила имя этого парня.

– Пожалуйста, когда я к ним присоединюсь, то хотела бы, чтобы по левую руку от меня стоял мистер Гарнер, а по правую – мистер Йакоппи.

– Будет сделано, ваше высочество. Я лично прослежу.

Я отвернулась и бросила взгляд на платформу на колесах. Они взяли раму от рождественской платформы и украсили ее тысячами цветов. Получилось очень нарядно и красочно, а воздух был напоен сказочным благоуханием. Я сделала глубокий вдох – и чистый, сладкий запах мгновенно проник буквально в каждую клеточку тела.

Из-за стен до меня донеслись радостные крики собравшихся поглазеть на невиданное зрелище людей. Если вчера я и оплошала, то сегодня все мои ошибки будут с легкостью забыты.

– Ну ладно, джентльмены. – Звучный голос генерала Леджера перекрыл стоящий во дворе шум. – Я хочу, чтобы вы выстроились вдоль дорожки, и мы поможем вам забраться наверх.

Мама стояла в сторонке рядом с папой. Он поднял несколько упавших цветков, вставил ей в волосы и отошел на пару шагов снять происходящее на камеру, а она с обожанием посмотрела ему вслед.

Он сделал множество снимков парней, затем сфотографировал фонтан, потом запечатлел и меня тоже.

– Папа! – одернула я его.

Он смущенно заморгал, но продолжил снимать, хотя и не так открыто.

– Ваше высочество, – генерал Леджер положил руку мне на плечо, – вы подниметесь последней. Я слышал, вы хотели, чтобы возле вас стояли Генри и Хейл. Все верно?

– Да.

– Хороший выбор. Очень воспитанные юноши. Ну ладно, через секунду нам пора идти.

Затем он подошел к маме и что-то ей сказал. Мама явно была чем-то смущена, и, судя по выразительной жестикуляции, генерал Леджер пытался ее разубедить. Папину реакцию разобрать оказалось гораздо сложнее. Или он вообще не волновался, или очень грамотно скрывал свои чувства.

Юноши поднялись по лестнице на платформу, а я в ожидании своей очереди нетерпеливо расхаживала взад и вперед. Внезапно я заметила среди гвардейцев и гостей переводчика Генри, который, скрестив руки на груди, наблюдал за происходящим. Заметив, что он нервно грызет ноготь, я осуждающе покачала головой.

– Этого не следует делать, – проходя мимо, строго сказала я. – Вы ведь не хотите, чтобы вас сняли на камеру с пальцем во рту?

Он послушно опустил руки:

– Простите, ваше высочество.

– А разве вы с нами не подниметесь? – кивнула я на массивную платформу.

– Нет, ваше высочество, – улыбнулся он. – Полагаю, помахать публике можно и без переводчика.

И тем не менее он явно нервничал.

– Генри будет стоять рядом со мной, – решила успокоить я парня. – А уж я постараюсь объяснить ему, что к чему.

Переводчик облегченно вздохнул:

– Тогда все не так страшно. Ему понравится. И вообще, он только о вас и говорит с утра до вечера.

– Больше чем на один день его наверняка не хватит. Все проходит, и это пройдет, – рассмеялась я.

– Ну, не скажите. Он от вас без ума. Правда-правда. Знакомство с вами целое событие для него. Его семья упорно трудилась, чтобы встать на ноги, и уже одно то, что он оказался

во дворце, где вы можете подарить ему хотя бы секунду вашего драгоценного внимания… Он так счастлив.

Я бросила взгляд в сторону Генри, который, поправляя галстук, топтался возле платформы:

– Это он сам вам говорил?

– В общих чертах. Хотя все понятно без слов. Он понимает, как ему повезло, и видит ваши несравненные достоинства. О чем не устает мне твердить.

Я грустно улыбнулась. Как жаль, что Генри не способен выразить мне свои чувства.

– А вы тоже родом из Свендвея?

– Нет, – покачал головой переводчик. – Я представитель первого поколения, родившегося в Иллеа. Однако родители пытаются сохранять традиции и придерживаться прежних обычаев, поэтому мы живем в небольшой свендвейской общине в Кенте.

– В такой же, как и Генри?

– Да, сейчас такие общины очень распространены. Когда Генри стал Избранным, его родственники кинули клич, что требуется надежный переводчик, я представил свое резюме, прилетел в Соту – и вот, пожалуйста, получил работу.

– Выходит, вы знакомы с Генри всего лишь…

– Одну неделю. Но мы так отлично поладили, что мне уже начинает казаться, будто мы знакомы тысячу лет. – Он говорил о Генри чуть ли не с братской любовью.

– Я чувствую себя такой невежей – ведь я даже не спросила ваше имя.

– Меня зовут Эрик, – поклонился он.

– Эрик?

– Да.

– Надо же! А я ожидала услышать что-то более непривычное слуху.

– Имя Эрик ближе всего к моему настоящему имени.

– Ваше высочество?! – окликнул меня генерал Леджер, и я поняла, что мой выход следующий.

– Я присмотрю за ним, – пообещала я Эрику и поспешила к платформе.

Подниматься по лестнице в туфлях на высоком каблуке оказалось задачкой не для слабонервных. А поскольку мне надо было придерживать подол платья, то, прежде чем цепляться за следующую перекладину, приходилось на время отпускать руку, однако я справилась без посторонней помощи, чем страшно гордилась.

Пригладив волосы, я заняла свое место на платформе. Генри мгновенно повернулся в мою сторону:

– День-день, ваше высочество. – Его белокурые волосы развевались на ветру, улыбка была сияющей.

Я тронула его за плечо:

– Доброе утро, Генри. Зовите меня просто Идлин.

Он недоуменно поморщился:

– Говорить вам Идлин?

– Да.

Он восторженно поднял вверх большой палец, и я мысленно похвалила себя за предусмотрительность. И уже через несколько секунд я тоже улыбалась. Перегнувшись через плечо Генри, я отыскала в толпе Эрика и подняла, в свою очередь, большой палец. Эрик расплылся в счастливой улыбке и приложил руку к сердцу. Затем я решила уделить внимание стоявшему по другую руку Хейлу:

– Ну как дела?

– Хорошо, – осторожно ответил он. – Послушайте, я хочу еще раз извиниться за вчерашнее. Я вовсе не хотел…

Я остановила его взмахом руки:

– Ничего страшного. Ведь для меня это тоже жуткий напряг.

– Не хотел бы я оказаться на вашем месте.

– Да уж, ваше место куда лучше моего! Кстати, мне нравятся ваши туфли.

– Спасибо. Как думаете, а галстук я правильно подобрал? Вообще-то, я люблю экспериментировать, но сейчас почему-то засомневался.

– Нет, вы здорово потрудились.

Хейл широко улыбнулся, явно довольный тем, что ему удалось произвести на меня благоприятное впечатление.

– Итак, это ведь вы, кажется, говорили, будто собираетесь каждый день доказывать мне, что достойны моей руки?

– Так точно. – Ему было явно приятно, что я запомнила.

– А что вы сегодня намерены предпринять?

Он задумался.

– Если вы вдруг почувствуете, что можете потерять равновесие, вот вам моя рука. Обещаю, что не дам вам упасть.

– Что ж, я согласна. Если уж вы, парни, не совсем твердо стоите на ногах, то представляете, каково мне на высоких каблуках?

– Мы открываем ворота! – выкрикнул кто-то. – Держитесь крепче!

Я помахала рукой папе с мамой и вцепилась в поручень. В принципе, падать было не слишком высоко, но для нас пятерых, находившихся впереди, имелась реальная опасность погибнуть под колесами платформы. Хейл и Генри стояли как каменные, а вот остальные хлопали в ладоши и подбадривали себя громкими криками. Бурк, например, вопил: «Мы сделали это!» – хотя все, что от него требовалось, – это махать рукой.

Ворота распахнулись, и толпа буквально взорвалась. Когда мы завернули за угол, я увидела кинооператоров, снимавших все на камеру. У зрителей в руках были таблички с именами их фаворитов или флаги Иллеа.

– Генри, посмотрите! – Я показала на транспарант с его именем.

Он не сразу сообразил, в чем дело, но, увидев свое имя, радостно выдохнул:

– Ух ты!

Он был настолько взволнован, что снял со своего плеча мою руку и поцеловал ее. Будь на его месте любой другой, ему попало бы по первое число, но жест Генри показался мне настолько невинным, что я была даже тронута.

– Мы любим тебя, принцесса Идлин!

– Да здравствует король!

– Благослови тебя Бог, принцесса!

Я произносила слова благодарности, чувствуя себя окрыленной. Ведь я впервые предстала одна перед своими подданными, слышала их голоса и ощущала, как все эти люди нуждаются во мне. Конечно, я знала, что они меня любят. Ведь когда-нибудь я стану их королевой. Но, как правило, когда наша семья покидала дворец, основное внимание было приковано к моим родителям. И сейчас я была буквально потрясена обрушившейся именно на меня волной народной любви. Возможно, подобно папе, я смогу стать в свое время любимицей нации.

Праздник продолжался, люди выкрикивали наши имена и бросали цветы. Все шло идеально, именно так, как я и рассчитывала. И даже более того. Правда, только до последнего отрезка пути.

В меня что-то полетело, причем явно не цветок. Я вдруг обнаружила, как по платью и голым ногам растекается яичный желток. Затем в меня запустили половинкой помидора, а потом чем-то еще – чем именно, я точно не поняла.

Я присела, прикрыв голову руками.

– Нам нужна работа! – пронзительно вопил кто-то.

– Касты все еще живы!

Выглянув из-под руки, я увидела кучку манифестантов, швырявшихся в платформу гнилыми продуктами. Некоторые развернули спрятанные от гвардейцев транспаранты с гневными надписями, другие осыпали меня отвратительной бранью, обзывая так, что язык не поворачивается это повторить.

Хейл присел передо мной, положив руку мне на плечо:

– Не волнуйтесь, я вас держу.

– Ничего не понимаю, – жалобно пробормотала я.

Генри, опустившись на одно колено, пытался дать сдачи каждому, кто к нам приближался. Хейл, стиснув зубы, бесстрашно закрыл меня своим телом, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда в него попали чем-то тяжелым.

Я услышала, как генерал Леджер приказал Избранным пригнуться. Платформа набрала скорость, двигаясь явно быстрее, чем планировалось. Пришедшие поглазеть на парад были явно разочарованы, они свистели и улюлюкали нам вслед.

Услышав наконец хруст гравия центральной аллеи дворца, я оторвалась от Хейла, вскочила на ноги и, пробравшись к лестнице, торопливо спустилась.

– Идлин! – закричала мама.

– Я в порядке.

Папа стоял, оцепенев от ужаса.

– Дорогая, что произошло?

– А черт его знает! – выпалила я, сгорая от унижения.

Мало того что вся наша затея с треском провалилась, так еще все эти сочувственные взгляды кругом! У меня на душе стало совсем паршиво.

Бедняжка – словно было написано на лицах окружающих. И их жалость была мне ненавистна даже больше, чем злоба испортивших процессию хулиганов.

Опустив голову, я стремглав помчалась по дворцовым коридорам в надежде, что меня никто не остановит. Но сегодня удача явно от меня отвернулась: оказавшись на площадке второго этажа, я нос к носу столкнулась с Джози.

– Ой! А что с тобой приключилось?

Я не ответила, а лишь прибавила шагу. За что? Неужели я это заслужила?

Когда я вошла к себе, Нина убирала комнату.

– Мисс?

– Помоги! – простонала я и разразилась слезами.

Она, не побоявшись испачкать свою безупречную униформу, нежно меня обняла:

– Все. Успокойтесь. Сейчас мы вас отмоем. Вы пока раздевайтесь, а я наполню ванну.

– Почему они так со мной обошлись?

– А кто это сделал?

– Мой народ! – с горечью воскликнула я. – Мои подданные. За что?!

Нина нервно сглотнула:

– Не знаю.

Когда я стерла косметику с лица, руки у меня оказались в чем-то зеленом. Из глаз снова ручьем хлынули слезы.

– Все, я пошла наполнять ванну, – сказала Нина, а я осталась стоять в полной растерянности.

Конечно, вода смоет грязь, да и вонь тоже исчезнет, но, как ни отдраивай тело, воспоминания стереть не удастся.

Несколько часов спустя я, одетая в свой самый уютный свитер, сидела, скорчившись, на кресле в папиной гостиной. Несмотря на жару, одежда сейчас была моим единственным

защитным слоем, создавала ощущение безопасности. Папа с мамой пили что-то явно покрепче вина – небывалый случай в их практике, – хотя даже это не помогало им успокоить нервы.

Арен постучал в дверь и, не дождавшись ответа, вошел в комнату. Наши глаза встретились, и я бросилась к нему на грудь.

– Мне очень жаль, Иди, – произнес он, целуя меня в висок.

– Спасибо.

– Арен, я рад, что ты пришел. – Папа рассматривал снимки парада, лежавшие поверх сегодняшних газет.

– Нет проблем. – Арен обнял меня за плечи и усадил в кресло, где я снова свернулась калачиком, а сам остался стоять рядом с папой.

– Ума не приложу, как такое могло произойти, – осушив бокал, сказала мама. Она явно боролась с искушением выпить еще, но вовремя остановилась.

– Я тоже. – Мне казалось, что я до сих пор чувствую на себе волны ненависти этих людей. – Что плохого я им сделала?

– Ничего, – заверила меня мама, устроившись рядом со мной. – Они ненавидят монархию, а отнюдь не тебя. Сегодня они видели в твоем лице представителя этой самой проклятой монархии и именно потому с такой яростью и набросились на тебя. На твоем месте мог оказаться любой из нас.

– А я-то, дурак, был уверен, что Отбор поднимет им настроение. Мне казалось, они будут в восторге. – Папа, по-прежнему в шоке, бросил взгляд на фото.

На секунду все словно притихли. Надо же, как жестоко он заблуждался!

– Ну, – начал Арен, – все могло пойти именно так, как задумано, если бы не Идлин.

Мы удивленно уставились на него.

– Прошу прощения? – Меня настолько задели его слова, что я чуть было не разрыдалась снова. – Ведь мама сама только что сказала, что на моем месте мог оказаться любой из нас. Тогда при чем здесь я?

Арен плотно сжал губы и задумчиво оглядел комнату.

– Отлично. Давайте обсудим. Если бы Идлин была обычной девушкой, не стремящейся все контролировать, такого никогда не случилось бы. Но возьмите любую из этих газет, – произнес брат, ткнув пальцем в лежавшую возле отца кипу. – Она словно ставит себя выше других, а снимки со вчерашнего обеда говорят сами за себя. Идлин смотрит чуть ли не волком на бедных парней.

– Тебя бы на мое место. Вот тогда ты бы понял, насколько мне тяжело.

Арен вытаращил на меня глаза. Он лучше других знал, что я не собираюсь искать себе суженого, по крайней мере в ближайшие несколько месяцев.

Мама отошла от меня и заглянула в газету через папино плечо:

– Он прав. Ты сама по себе. Ты как айсберг в океане. Никакой химии, никакой романтики.

– Послушайте, я не собираюсь ничего изображать. Ради забавы публики строить из себя дурочку, млеющую от внимания кучки парней? Нет уж, увольте! – И я решительно скрестила на груди руки.

Прошло всего два дня – и такой сокрушительный провал. А ведь я заранее знала, что это дохлый номер, но теперь по уши увязла в их унизительной затее. Неужели они осмелятся просить меня и дальше выставлять себя на посмешище ради того, что наверняка не сработает?

В комнате стало тихо, и я, наивная, на секунду подумала, что выиграла.

– Идлин. – Папа бросил на меня умоляющий взгляд, но я решила не поддаваться на провокации. – Ты обещала мне три месяца. Мы здесь и так устроили мозговой штурм, но нам не удастся погасить пламя, если будут возникать новые очаги возгорания. Ты должна хотя бы попытаться.

И тут я вспомнила о том, о чем раньше как-то не задумывалась: о папином возрасте. Папа не был старым в прямом смысле слова, но за свою жизнь он сделал столько, о чем люди вдвое старше его и мечтать не могли. Он постоянно приносил себя в жертву – ради мамы, ради нас, ради своего народа – и теперь преждевременно согнулся под бременем забот.

Я нервно сглотнула. Нужно дать им как-то понять, что я тоже всей душой переживаю из-за Отбора. Хотя бы ради папы.

– Полагаю, ты знаешь, что делать с газетчиками.

– Да. У нас есть надежные фотографы и журналисты, – кивнул папа.

– Тогда завтра утром пригласи репортеров в Мужскую гостиную. А я постараюсь быть на высоте.

Глава 11

На следующее утро я решила пропустить завтрак с семьей. Мне необходимо было сосредоточиться. Ужасно не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, как сильно напугал меня вчерашний день, и сейчас я с каждым вдохом окружала себя непробиваемой броней.

Нина убирала комнату, беззаботно мурлыча себе под нос, что было бальзамом на мои раны. Ведь Нина не только успокоила меня после вчерашнего фиаско, но и не стала ни о чем спрашивать, решив не касаться болевых точек. Насчет нее я могла быть абсолютно спокойна. А вот насчет себя – это вопрос.

– Нина, полагаю, сегодня – самый подходящий день, чтобы надеть штаны, – заявила я.

– Еще больше черного? – поинтересовалась она.

– Немного черного сейчас точно не помешает.

Мы обменялись улыбками, и она вручила мне пару черных штанов в облипку. Я всегда носила их с высокими каблуками, которые к полудню меня наверняка доконают.

Потом я надела цветастую блузку, жилет и тиару с камнями в тон блузке. Наконец я была в полной боевой готовности.

Я решила последовать папиному примеру и поступить так же, как и он во время своего Отбора. В первый же день он отправил домой шесть девушек. Что ж, придется как минимум в два раза превысить его результат. Да и вообще, отсев нежелательных кандидатов должен продемонстрировать, что я крайне серьезно отношусь к данному мероприятию и мне важен конечный результат.

Естественно, хотелось бы, чтобы все происходило не на камеру. Ну да бог с ним, камеры в этом деле – неизбежное зло. Я уже заранее составила список, обозначив основные пункты, и теперь самое главное было не сбиться в присутствии журналистов, чтобы не опозориться во второй раз. Словом, нужно было оставаться на высоте.

Женский зал считался епархией королевы, и мужчины не имели права входить туда без разрешения. А вот Мужская гостиная была создана исключительно для моего удобства, а потому можно было обойтись без формальностей. Появление получилось весьма эффектным: я настежь распахнула двустворчатые двери, а порыв ветра разметал мои волосы.

Избранные моментально встрепенулись: кто-то вскочил на ноги, кто-то прервал беседу с телерепортерами.

Поравнявшись с Пейсли Фишером, я остановилась и услышала, как тот шумно сглотнул. Тогда я с улыбкой положила ему руку на плечо:

– Вы свободны.

Он растерянно посмотрел на окружавших его парней:

– Свободен?

– Ну да, я вас больше не задерживаю. Кстати, спасибо за участие в Отборе, но ваше присутствие во дворце больше не требуется. – Он замешкался, и я наклонилась к его уху. – Не тяните резину, чтобы не ставить себя в дурацкое положение. Вы должны уйти.

Он медленно покинул комнату, в его глазах я увидела неприкрытую злобу. Хотя, если честно, я не совсем понимала, с чего вдруг он так разозлился. Я ведь не ругалась, да и вообще была спокойной как танк. Мысленно поздравив себя, что избавилась от склонного к ребячеству парня, я стала вспоминать свой список. Итак, кто следующий? О… этот сейчас точно получит по заслугам.

– Блейкли, не так ли?

– Д-д-да… – Его голос сорвался. – Да, ваше высочество.

– Во время нашей первой встречи вы беспардонно пялились на мой бюст. – (Парень побелел, словно не ожидал от меня такой наблюдательности.) – Хочу дать вам возможность полностью удовлетворить свое любопытство. Когда будете уходить, можете посмотреть на мою задницу.

Я специально произнесла это достаточно громко, чтобы слышали кинооператоры и все остальные. Надеюсь, такая показательная порка заставит других задуматься о своем поведении. Низко склонив голову, он поспешно покинул помещение.

Затем я остановилась перед Джамалом:

– Вы свободны.

Стоявший рядом с Джамалом Коннор снова начал усиленно потеть.

– А вы можете присоединиться к своему товарищу.

Они обескураженно переглянулись и вышли из комнаты.

Следующим на очереди был Кайл. В отличие от других, Кайл не стал отворачиваться. Наоборот, он твердо смотрел мне прямо в глаза, словно умоляя положить конец мучениям и отпустить его на все четыре стороны.

Что я, возможно, и сделала бы, если бы не знала, что его мать меня тогда точно убьет. Более того, вчера его имя чаще других встречалось на самодельных транспарантах. Хотя что ж тут удивительного: он ведь кандидат от нашей провинции и толпа вполне могла быть предвзята! Значит, мне от него не избавиться. По крайней мере, пока.

Рядом с Кайлом стоял Хейл. Я вспомнила, как он самоотверженно защищал меня вчера, приняв на себя предназначавшиеся мне удары, и некоторые весьма болезненные.

Я подошла к нему и тихо сказала:

– Спасибо за вчерашнее. Вы вели себя очень отважно.

– Ерунда, – отмахнулся Хейл. – Хотя костюм теперь придется пустить на тряпки.

Он произнес это шутливым тоном, словно желая показать, что ему все нипочем и вообще это мелочи жизни.

– Какой ужас!

Опустив глаза, я продолжила обход. Не думаю, что кинооператоры слышали наш разговор, но они явно видели наши улыбки. Интересно, как они преподнесут это публике?

– Иссир… – обратилась я к долговязому молодому человеку с прилизанными волосами. – Нет. Благодарю.

Он даже не стал задавать лишних вопросов. Покраснел и пулей вылетел из комнаты.

Услышав какое-то невнятное бормотание, я, естественно, задалась вопросом, кто это осмелился при мне открывать рот. Я резко развернулась и обнаружила, что переводчик Генри что-то быстро-быстро нашептывает ему на ухо, явно пытаясь объяснить происходящее. Взгляд у Генри стал растерянным, однако, когда переводчик закончил, Генри посмотрел на меня и улыбнулся. У него была такая обезоруживающая улыбка, а кудрявые волосы так смешно топорщились, что мне на миг показалось, что он играет в незнакомую мне игру.

Уф! Вообще-то, я собиралась положить конец его мучениям и отослать домой, но Генри явно не был похож на страдальца. Ладно, пусть живет! Ведь в любом случае кого-нибудь придется оставить, а Генри казался вполне безобидным.

Проходя мимо Нолана, я просто взмахнула рукой, а вот Джейми я без околичностей заявила, что просьба заплатить денег – не самый удачный способ представиться будущей королеве.

Я продолжила хищно рыскать по комнате в поисках заранее намеченных жертв. На что оставшиеся парни реагировали самым неожиданным и причудливым образом. Холден в ожидании разорвавшей бомбы продолжал шумно сглатывать, Джек как-то чудно́ улыбался, словно находил все это невероятно забавным. И наконец я добралась до Ина. Он не стал отворачиваться, а игриво мне подмигнул. Он сидел в гордом одиночестве; я заметила у него в руках переплетенный в кожу дневник и пишущую ручку. Похоже, он прибыл сюда вовсе не для того, чтобы заводить друзей.

– Что-то вы больно уж осмелели, приятель, – сказала я.

– Неужели принцесса предпочитает видеть рядом с собой мужчину, лишенного смелости?

Я заинтригованно подняла брови:

– А вам не кажется, что вы слишком много на себя берете?

– Нет. Я такой, какой есть. И не собираюсь ничего скрывать.

Если честно, то он начинал уже немного пугать меня, хотя мне нравилось, что у него хватает выдержки ничего из себя не строить. Но тут я заметила камеру за его спиной. Кинооператор явно пытался поймать выражение моего лица, поэтому я просто покачала головой, спрятав подальше непрошеную усмешку. Затем ряды кандидатов на вылет пополнили Аризона, Брейди, Поли и Маккендрик. Если я не ошиблась в подсчетах, то уже успела отсеять одиннадцать человек.

Когда проигравшие покинули комнату, я подошла к двери, повернувшись лицом к остальным:

– Внимание! Если вы до сих пор здесь, это означает, что после нашей первой встречи вы сумели совершить нечто достойное моего внимания или хотя бы умудрились сохранить остатки здравого смысла, чтобы не оскорбить меня. – (Одни улыбались, возможно вспоминая Блейкли, но другие были явно обескуражены.) – И я хочу попросить вас быть осмотрительнее, поскольку отношусь к Отбору со всей серьезностью. Ведь это не игра, джентльмены. Это моя жизнь.

Закрыв за собой двери, я услышала за спиной тихий гул. Кто-то смеялся, кто-то вздыхал, а кто-то непрестанно твердил: «Боже мой, боже мой!» Голоса репортеров, призывавших поделиться впечатлениями о первом туре, перекрывали невнятное бормотание кандидатов. Я облегченно вздохнула и пошла прочь, чувствуя, как во мне крепнет уверенность. Что ж, я сделала решительный шаг, папа теперь может быть уверен, что я его не подведу, а Отбор пойдет по накатанным рельсам.

Чтобы исправить впечатление от унылого первого вечера и моего исчезновения после вчерашнего парада, мальчиков пригласили на предобеденный чай, дабы они смогли поближе познакомиться с обитателями дворца, ну и конечно, пообщаться с принцессой. Папа с мамой, а также Арен, Кейден и Остен уже были в обеденном зале. Джози Вудворк пришла вместе с родителями, которые изо всех сил старались держаться подальше от сына. Мисс Люси, как всегда прелестная, одиноко кружила по комнате. Толпа моих поклонников, похоже, ее не интересовала.

Я переоделась в вечернее платье и надела туфли на убийственной шпильке. Если честно, я еще не отошла от процедуры отсева, но при этом страшно гордилась собой: ведь я уже сделала

первый шаг, чтобы помочь папе. Но моя уверенность моментально испарилась, когда я увидела в глазах Арена обличительный блеск.

– Что, черт возьми, ты вытворяешь? – набросился на меня брат.

– Ничего, – искренне удивилась я. – Отсеяла лишних, только и всего. Должна же я была показать, что это не игрушки.

Арен прижал руку ко лбу:

– Ты что, весь день копалась в своих отчетах?

– Естественно. Возможно, ты не в курсе, но это, типа, моя работа.

Арен наклонился поближе ко мне:

– В новостях тебя расписали почище любой черной вдовы. Видела бы ты свою самодовольную физиономию, когда вышвыривала их вон! Идлин, ведь ты уже успела избавиться от трети претендентов. Что, прямо скажем, не на пользу оставшимся. Все это, скорее, похоже на утилизацию отходов. – Я почувствовала, как кровь отливает у меня от лица. Арен тем временем продолжал трагическим шепотом: – Более того, двое из них уже поинтересовались, не предпочитаешь ли ты, случайно, женщин.

Я издала странный звук, мало похожий на смех:

– Ну вот еще! Неужели, чтобы доказать свою традиционную ориентацию, я должна пресмыкаться перед мужчинами?

– Идлин, сейчас не время вставать в позу. Ты должна быть милосердной.

– Простите, ваше высочество?

Услышав свой титул, мы с Ареном обернулись, и я столкнулась лицом к лицу с репортершей, смотревшей на меня с хищной улыбкой.

– Простите, что вклиниваюсь в разговор, но я хотела бы взять у принцессы короткое интервью. А то уже сроки поджимают. – Репортерша снова показала крупные зубы, и у меня вдруг возникло неприятное чувство, будто меня буквально или фигурально сейчас съедят живьем.

– Она будет счастлива это сделать. – Арен поцеловал меня в лоб и мгновенно исчез.

Кровь бросилась мне в голову. Что называется, приехали! Но, так или иначе, я не могла позволить себе потеть на глазах у других.

– Ваше высочество, сегодня вы отсеяли одиннадцать претендентов. А вы не находите такое сокращение числа Избранных слишком уж радикальным?

Я расправила плечи, наградив ее сладкой улыбкой:

– Конечно, я понимаю, почему некоторые восприняли все именно так. Но я не уверена, что стоит тратить время на молодых людей, которые ничего собой не представляют да к тому же дурно воспитаны. Полагаю, что, ограничив круг претендентов, я гораздо лучше смогу их узнать.

Я еще раз прокрутила все сказанное в голове. Вроде бы ничего такого, что можно было бы мне инкриминировать.

– Да, но чем объясняется ваша резкость? Некоторым вы просто сказали «нет» или вообще махнули рукой.

Я постаралась принять безмятежный вид. Боже ты мой, это ведь просто смешно!

– Иногда папе тоже приходится быть суровым, но кто его осудит! По-моему, не слишком справедливо обвинять меня в излишней жестокости, когда я беру пример со своего отца. Мне предстоит принять судьбоносное решение, и я пытаюсь подойти к этому со всей ответственностью. – Мне хотелось рвать и метать, но я говорила ровным голосом, именно так, как меня научили говорить во время интервью. Более того, я даже умудрялась вежливо улыбаться.

– Да, но один из них разрыдался после вашего ухода, – сообщила мне репортерша.

– Что?! – Я испугалась, что на моем лице может проступить предательская бледность.

– Один из Избранных разрыдался после отсева. Как думаете, это нормальная реакция или она так или иначе спровоцирована вашей суровостью?

Я нервно сглотнула, лихорадочно подыскивая нужные слова:

– У меня три брата. И все они иногда плачут, хотя мне это трудно понять.

– Значит, вы не считаете себя виноватой в слишком жестоком обращении? – хмыкнула она.

Я прекрасно понимала, что у нее на уме. Она целенаправленно била в одну точку, ожидая, когда я наконец взорвусь. Причем была довольно близка к цели.

– Видите ли, мне не пришлось быть на месте Избранных, и поэтому я не могу знать, что они испытывают, когда их отсеивают. Но, с другой стороны, никто из присутствующих, кроме, пожалуй, моего отца, не был на моем месте, и им не понять, что сейчас чувствую я. Более того, я приложу максимум усилий, чтобы найти себе достойного мужа. И если этот человек будет страдать, как красна девица, из-за парочки резких слов, то ему не дано справиться с ролью принца. Уж можете мне поверить! – Я доверительно дотронулась до ее руки, словно хотела поделиться сплетней или смешной шуткой. Испытанный способ обезоружить противника. – Кстати о претендентах. Надеюсь, вы меня извините, но пора уделить им немного внимания.

Она собралась было задать очередной вопрос, но я уже повернулась к ней спиной и отошла с гордо поднятой головой. По правде говоря, я чувствовала себя загнанной в угол. Я не могла направиться к столу с напитками, не могла прямо озвучить все известные мне нецензурные слова, не могла броситься в родительские объятия. Нет, я должна была делать вид, будто вполне довольна жизнью. Поэтому пришлось обойти комнату, улыбаясь и строя глазки претендентам.

Насколько я успела заметить, даже такие мелкие знаки внимания буквально окрыляли парней. И мимолетные проявления доброты с моей стороны стирали у них воспоминания о холодном душе, устроенном утром в Мужской гостиной. Я от всей души надеялась, что публика забудет об этом так же легко, как и Избранные.

Кстати, может, кто-нибудь из них все же наберется смелости и заговорит со мной? И такой смельчак вскоре нашелся. Им оказался Хейл.

– Значит, у нас сейчас чайная вечеринка, – поравнявшись со мной, произнес он. – И какой именно сорт чая предпочитает принцесса?

Хейл обладал природным теплом и обаянием, совсем как мисс Марли. Беседовать с ним было одно удовольствие. Более того, он и не подозревал, насколько я была ему благодарна, что он рискнул подойти ко мне. Хейл выручал меня уже во второй раз.

– Все зависит от настроения. Или от времени года. Зимой совсем не хочется пить белый чай. А вот черный – самое то.

– Полностью с вами согласен, – кивнул Хейл.

– До меня дошли слухи, что после моего ухода кое-кто даже заплакал. Это правда?

Хейл сделал удивленные глаза и слегка присвистнул:

– Ага, это был Лиланд. Я, грешным делом, решил, что у него сломана кость или вроде того. Мы потом битый час его успокаивали.

– Что случилось?

– Вы, ваше высочество! Вы рыскали по комнате и наугад выбирали жертву. А у него, полагаю, слишком тонкая душевная организация, и вы буквально потрясли его.

Обшарив глазами обеденный зал, я обнаружила Лиланда, одиноко стоявшего в дальнем углу. Если бы я действительно искала себе мужа, то Лиланда уже давно здесь не было бы.

– Честно говоря, я отнюдь не такая безжалостная.

– Вам и не надо быть безжалостной, – коротко хохотнул Хейл. – Мы все прекрасно понимаем, кто вы и кто мы. И что вы можете сделать. Поэтому и относимся к вам со всем нашим уважением.

– Скажите это парню, спросившему, когда ему заплатят, – пробормотала я.

Тут ему нечем было крыть. Я даже немного огорчилась, что завела наш разговор в тупик.

– Итак, что у нас на сегодня? – решила я сменить тему.

– Простите?

– Как вы собираетесь услужить мне на сей раз?

– Дать торжественное обещание никогда не подавать вам зимой белый чай, – улыбнулся Хейл и, не поклонившись, покинул меня.

И тут я поймала взгляд Бейдена. Если честно, я плохо помнила нашу ознакомительную беседу. Но он был тем парнем, которого тетя Мэй назвала весьма перспективным.

Бейдена явно мучили сомнения, подходить или нет. Скромно потупившись, я стрельнула в его сторону глазами. Конечно, я чувствовала себя ужасно глупо, но так или иначе это сработало, и Бейден направился прямо ко мне. Тут мне на память снова пришла настырная репортерша. Да, я знала массу приемов нейтрализации интервьюеров и переговорщиков, а вот когда дело касалось мальчиков, приходилось изворачиваться прямо на ходу.

Бейден только было собрался заговорить со мной, как ко мне подошел другой парень, тем самым застав меня врасплох.

– Ганнер, – обратился к нему Бейден, – ну и как тебе вечеринка?

– Замечательно. Мне хочется поблагодарить ее высочество за превосходный прием. Я получил огромное удовольствие от знакомства с вашими младшими братьями.

– Боже мой. А что они на этот раз натворили?

Бейден расхохотался, а Ганнер с трудом подавил улыбку:

– Остен очень… энергичный.

– Если честно, тут виноваты родители, – вздохнула я. – Похоже, к моменту появления в семье четвертого ребенка желание прививать ему основы поведения почему-то пропадает.

– А мне он понравился. Жаль, что он не с нами.

– Он у нас личность непредсказуемая. И за ним невозможно уследить. Даже его няне, которую он, кстати, ни в грош не ставит, с ним не сладить. Он или прячется ото всех, или устраивает кавардак.

Тут в разговор вклинился Бейден. Уж не знаю, то ли он собирался со мной пофлиртовать, то ли продемонстрировать свою смелость.

– Надо же, какое интересное сочетание! А у вас в семье есть еще кто-нибудь, похожий на него?

Я прекрасно поняла, о чем он. Ему хотелось узнать, свойственны ли мне подобные крайности. Быть нежной и удивительной, но одновременно наводить шороху.

– Несомненно.

– Хорошо, что предупредили. Придется обзавестись щитом и, наверное, биноклем.

И тут я, черт подери, не выдержала и хихикнула. Чего вовсе не собиралась делать, но тем не менее сделала. Да, я, конечно, утратила бдительность, но нет худа без добра. Репортеры получат несколько хороших снимков. Я сделала реверанс и продолжила обход гостей.

На другом конце комнаты я увидела Генри и тенью следовавшего за ним Эрика. Поймав мой взгляд, Генри расплылся от уха до уха:

– Привет! Hyvää iltaa! – Он поцеловал меня в щеку, чего я в жизни не допустила бы, будь на его месте любой другой.

– Он говорит: «Добрый вечер».

– Ой… э-э-э… heevat eelah? – промямлила я, коверкая слова Генри.

Но Генри только добродушно хмыкнул:

– Отлично, отлично!

Интересно, он всегда такой жизнерадостный?

Я повернулась к Эрику:

– А как на самом деле? Насколько плохо все прошло?

Эрик говорил доброжелательно, но довольно откровенно:

– К моему величайшему сожалению, я и представить не мог, что все так обернется.

Я улыбнулась, причем на сей раз вполне искренне. Генри наверняка чувствовал себя здесь чужаком, и мне все было ясно без слов.

Но не успела я открыть рот, чтобы продолжить разговор, как рядом со мной возникла Джози.

– Классная вечеринка, Идлин. Ты Генри, да? Я видела твою фотографию, – выпалила Джози, протягивая Генри руку. – А я Джози. Мы с Идлин почти как сестры.

– Ну, если не считать того, что мы вообще не связаны родственными узами, – добавила я.

Но Джози уже переключила внимание на Эрика, переводившего Генри наш разговор:

– А ты кто такой? Твоей фотографии я вроде не видела.

– Я переводчик сэра Генри. Он говорит только по-фински.

У Джози сразу вытянулось лицо. Ага, выходит, ей приглянулся Генри. Потому-то она и решила к нам подойти. Что ж, Генри действительно выглядел моложе других, да и вообще с виду был рубаха-парень. В связи с чем Джози и решила, что ей он подойдет больше, чем мне.

– Итак… – начала она. – Ну и как он, типа, осваивается?

И тут Эрик, даже не спросив разрешения у Генри, разразился целой тирадой:

– Если вы действительно с ее высочеством практически сестры, то, несомненно, получили во дворце первоклассное образование. В таком случае вы, конечно, знаете, что Иллеа и Свендвей имеют между собой давние и весьма прочные отношения. В связи с чем многие граждане Свендвея переселяются в вашу страну, образовывая небольшие общины, и наоборот. Поэтому здесь нет ничего сложного.

Я плотно сжала губы, чтобы не ухмыльнуться. Молодец Эрик. Виртуозно поставил Джози на место.

– Ой, ну да, конечно, – кивнула Джози. – Хм… – Но как ни старалась, больше ничего умного придумать не могла. – Извините, мне пора.

– Только без обид, – шепнула я, когда она отошла на приличное расстояние. – Вы здесь вообще ни при чем. Она невыносима.

– Да какие там обиды! – отмахнулся Эрик. Он перебросился с Генри парой фраз на финском, должно быть вводя того в курс дела.

– А теперь прошу меня извинить. Я должна вас покинуть. Мне надо еще кое с кем переговорить. Увидимся за обедом. – Я присела в реверансе, попутно прокручивая в уме пути отхода.

И хотя интервью с настырной репортершей напрочь выбило меня из колеи, я все же сумела взять себя в руки, чем немало гордилась. Однако у Джози был особый дар моментально выводить меня из себя.

Заметив, что мама сейчас одна, я устремилась к ней в поисках утешения. Но вместо ласковых слов получила сердитый взгляд вроде того, каким в начале вечера наградил меня Арен.

– Почему ты не поставила нас в известность о том, что собираешься делать? – тихо спросила мама, продолжая улыбаться.

Я с такой же безмятежной улыбкой ответила:

– Мне казалось, это будет полезно. К тому же я последовала папиному примеру.

– Да, но он сделал это с меньшим размахом и не настолько демонстративно. Ты подвергла их публичному унижению. Очень некрасиво с твоей стороны.

– Мне страшно жаль. Правда, жаль. Я не отдавала себе отчета, что поступаю неправильно, – вспыхнула я.

Мама обняла меня за плечи:

– Я вовсе не собираюсь читать тебе нотации. Мы ведь понимаем, что ты стараешься.

Тем временем к нам подскочил фотограф – запечатлеть идиллическую картинку разговора матери с дочерью. Интересно, а как они озаглавят эту фотографию? Типа «Избранная учит распорядительницу Отбора»?

– Ну и что теперь мне прикажешь делать?

Мама оглядела комнату проверить, нет ли рядом чужих ушей.

– Просто внеси в это дело… немного романтики. Только, ради бога, естественно, в рамках приличия, – поспешно добавила она. – Люди желают видеть, как ты… постепенно влюбляешься.

– Но я не могу ничего гарантировать. Действительно не могу…

– Америка, дорогая, – окликнул ее папа.

Похоже, Остен опять что-то на себя опрокинул, и мама поспешила его увести.

Спорим, Остен сделал это специально, лишь бы поскорее отсюда убраться.

Итак, я стояла в одиночестве, незаметно оглядывая комнату. Слишком много посторонних людей. Слишком много глаз, следящих за каждым моим движением. А ведь еще четыре часа назад я была готова закончить Отбор. Я сделала глубокий вдох. Три месяца – вот цена моей свободы. Я сделаю это. У меня нет выхода.

Я целеустремленно прошла через зал, уже твердо зная, с кем стоит поговорить. Обнаружив нужного мне человека, я шепнула ему на ухо:

– Приходи в мою комнату. Ровно в восемь вечера. И никому ни слова.

Глава 12

Я нервно мерила шагами комнату в ожидании стука в дверь. Кайл был единственным человеком, которому я могла доверить выполнение этого задания, хотя, если честно, мне ужасно не хотелось у него одалживаться. В принципе я даже готова была пойти на сделку, но не знала, что ему предложить. Хотя наверняка у него найдутся и собственные идеи.

В дверь осторожно постучали, и в этом стуке я почти уловила вопрос: «Интересно, а что я здесь забыл?»

Я распахнула дверь, и на пороге минута в минуту появился Кайл.

– Ваше высочество, – шутливо поклонился он, – я пришел вскружить вам голову.

– Очень остроумно. Входи.

Кайл вошел и сразу обвел глазами полки:

– Последний раз, когда я был в твоей комнате, у тебя там стояла коллекция деревянных лошадок.

– Я выросла из детских игрушек.

– Ты уже не властная повелительница?

– Нет. А вот ты, смотрю, не избавился от детских привычек. Как был, так и остался несносным книжным червем.

– Ты всегда так третируешь своих поклонников?

– В зависимости от настроения, – усмехнулась я. – Присаживайся. У меня к тебе деловое предложение.

Кайл увидел приготовленное мною вино и, недолго думая, наполнил бокал.

– Тебе налить?

– Пожалуйста, – вздохнула я. – Нам обоим сейчас явно не помешает выпить.

Кайл замолчал, окинув меня пристальным взглядом, и только потом продолжил:

– Ну вот. Теперь уже я начинаю нервничать. Чего ты от меня хочешь?

Взяв бокал, я принялась вспоминать заготовленное объяснение:

– Кайл, ты меня хорошо знаешь. Причем буквально с пеленок.

– Так и есть. По правде говоря, я не далее чем вчера вспоминал, как ты бегала по дворцу в одних подгузниках. Чудесное зрелище.

Я выкатила на него глаза, стараясь сохранять серьезность.

– Ладно, проехали. И ты в определенной степени понимаешь, что я за человек на самом деле. Ну, я хочу сказать, когда на меня не направлены объективы камер.

Кайл лениво потягивал вино, явно пытаясь переварить услышанное.

– Пожалуй, я тебя понимаю, если ты об этой игре, но, ради бога, продолжай.

Я никогда не задумывалась о том, какой меня видел Кайл на разных этапах моего взросления, на публике и в домашней обстановке. Ведь, образно говоря, при появлении на широком экране я щелкала переключателем, и Кайл это знал.

– Отбор был не моей идеей, но сейчас мне надо очень постараться. По-моему, я просто обязана это сделать. Но публика хочет видеть меня легкомысленной девчушкой рядом с крутыми парнями, и я не уверена, что у меня получится. Роль дурочки явно не для меня.

– Ну, на самом деле…

– Заткнись! – (Кайл озорно улыбнулся и снова принялся за вино.) – Ты прямо заноза в заднице. И почему я на тебя реагирую?! – возмутилась я.

– Ладно, продолжай. Понятно. Ты не хочешь играть роль дурочки. – Он поставил бокал и наклонился ко мне поближе.

Я перевела дух, пытаясь найти нужные слова.

– Они хотят романтики, но я не готова вести себя так на людях, по крайней мере до тех пор, пока у меня с кем-нибудь действительно не завяжутся романтические отношения. И все же нельзя обманывать ожидания публики. Мне надо что-то им предложить. – Я склонила голову, бросив на Кайла быстрый взгляд из-под опущенных ресниц.

– И что именно?

– Поцелуй.

– Поцелуй?

– Один крошечный поцелуйчик. И ты единственный человек, которого я могу попросить. Ведь ты будешь знать, что все это понарошку, и наши отношения от этого не станут запутанными. Более того, я готова дать тебе что-нибудь взамен.

– Интересно что? – поднял брови Кайл.

– Да что угодно, – передернула я плечами. – Но, естественно, в пределах разумного. Могу предложить тебе какую-нибудь страну или типа того.

– А ты не могла бы поговорить с моей мамой? Помочь мне отсюда уехать.

– И куда именно уехать?

– Да куда угодно, – обреченно вздохнул Кайл. – Моя мама… Я правда не знаю, почему она так безумно предана твоим родителям, но она вбила себе в голову, что дворец – наш дом на веки вечные. Знаешь, каких трудов стоило уговорить ее отпустить меня на эти самые ускоренные курсы? Я хочу путешествовать, хочу строить, хочу делать гораздо больше, чем только читать о разных вещах. Иногда мне начинает казаться, что еще один день в этих стенах меня просто убьет.

– Понимаю, – прошептала я и, выпрямившись, добавила: – Я тебе поспособствую. При первой удобной возможности постараюсь убедить твоих родителей, что ты должен покинуть дворец.

Он задумался и, допив вино, спросил:

– Один поцелуй?

– Да, только один.

– Когда?

– Сегодня вечером. В девять часов в холле уже будет ждать фотограф. На наше счастье, съемка будет вестись скрытой камерой, потому что мне хотелось сделать вид, будто я не в курсе, что он там.

– Договорились. Один поцелуй, – кивнул Кайл.

– Спасибо тебе.

Мы замолчали и просто остались сидеть, наблюдая за тем, как движутся стрелки часов. Но больше чем на три минуты меня не хватило.

– А что ты имел в виду, когда говорил, что тебе хочется что-то строить?

У Кайла сразу же загорелись глаза.

– Именно это я и изучаю. Архитектуру и дизайн. Мне нравится представлять необычные конструкции и придумывать, как сделать их по-настоящему красивыми.

– Кайл, это… действительно очень интересно.

– Знаю. – Он улыбнулся мне слегка кривоватой улыбкой, совсем как у его отца. Да, похоже, Кайла не на шутку волновала затронутая тема. – Хочешь посмотреть?

– Что именно?

– Мои проекты. Они у меня в комнате. В моей прежней комнате, дальше по коридору. Не в той, в которой я живу на период Отбора.

– Конечно. – Я допила вино и проследовала за ним.

Мы с Кайлом прошли по коридору до его комнаты, не встретив по пути никого, кроме парочки гвардейцев.

Кайл открыл дверь, включил свет – и я тихо ахнула.

Боже, какой бардак!

Кровать не застелена, в углу свалена куча одежды, на маленьком столике гора грязных тарелок.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. И как это ему удается поддерживать такую идеальную чистоту?

– Ты буквально прочел мои мысли, – ответила я, стараясь не показывать своего отвращения. По крайней мере, в комнате ничем не пахло.

– Около года назад я попросил прислугу не убирать мою комнату. Я делаю это сам. Но Отбор, типа, застал меня врасплох, и я оставил все как есть.

Он принялся запихивать вещи под кровать, лихорадочно создавая видимость порядка.

– А почему ты не позволяешь им убирать свою комнату?

– Я уже большой мальчик. И вполне могу сам о себе позаботиться. – (Не думаю, что он хотел меня подколоть, хотя все равно было неприятно.) – В любом случае это мое рабочее пространство.

Дальний угол комнаты был сплошь увешан фотографиями и постерами самых разных зданий: от небоскребов до деревенских мазанок. На столе – множество набросков и моделей зданий из обрезков дерева и полосок металла.

– Неужели ты сам все это сделал? – осторожно прикоснувшись к хрупкой конструкции, поинтересовалась я.

– Угу. Концепция и дизайн мои. И мне ужасно хочется когда-нибудь начать проектировать дома. Да, конечно, я продолжаю учиться, но, видишь ли, без практического опыта на одной теории далеко не уедешь.

– Кайл… – Я по достоинству оценила и уровень его мастерства, а именно точность линий и цвета, и то, сколько времени и работы мысли у него ушло на создание каждой вещи. – Это потрясающе.

– Да ладно тебе, я просто валял дурака.

– Нет, не смей так говорить. Не надо приуменьшать свои заслуги. Вот мне, например, ничего подобного в жизни не сделать.

– Спорим, что это не так. – Кайл подошел к столу и, вытащив линейку в форме буквы «Т», наложил ее на что-то, над чем он сейчас работал. – Видишь, все проще простого: надо смотреть на линии и производить соответствующие вычисления.

– Фу! Очередные вычисления. Я уже сыта по горло вашей математикой.

– Но тут занимательная математика.

– Занимательная математика – это оксиморон.

Мы с Кайлом переместились на диван и принялись рассматривать книги об архитекторах, работающих в различных стилях. Причем особенно интересно было сравнивать использование ими элементов ландшафта. Ведь некоторые проектировщики вписывали архитектурный ансамбль в общий ландшафт, а некоторые, наоборот, использовали принцип контраста.

– Вот, ты только посмотри! – буквально на каждой странице с жаром восклицал Кайл.

Я не могла поверить, что была такой слепой. Только сейчас, спустя много лет, я по-настоящему узнала Кайла. Ведь он закрылся от всех в своей раковине, потому что дворец стал для него самой настоящей ловушкой. Книги и колючие реплики служили ему своеобразным щитом, но за этим щитом, как оказалось, прятался любознательный, занимательный и удивительно обаятельный человек.

У меня возникло такое чувство, будто меня обвели вокруг пальца. А вдруг сейчас кто-нибудь выскочит, как черт из табакерки, и объявит, что Джози просто святая.

Тем временем Кайл бросил взгляд на часы:

– Десять минут десятого.

– Ой! Тогда нам пора.

Хотя ужасно не хотелось вставать. Комната Кайла неожиданно показалась мне самым уютным местом на свете.

– Да. – Кайл закрыл книгу и положил ее обратно на полку.

На полках действительно царил чудовищный кавардак, но с книгами, как я успела заметить, Кайл обращался на редкость бережно.

Уже возле двери я вдруг почувствовала, что нервничаю.

– Ну, – сказал он, предлагая мне руку, – вот и подошло к концу наше свидание, да?

Я доверчиво вложила ладонь в его руку:

– Спасибо. За то, что показал свои работы, и за то, что делаешь это для меня. Обещаю, я в долгу не останусь.

– Знаю.

Он открыл дверь и проводил меня в конец коридора.

– Как думаешь, когда мы с тобой в последний раз держались за руки? – громко спросила я.

– Быть может, когда в детстве играли в салочки или типа того.

Притихшие и задумчивые, мы наконец оказались у дверей моей комнаты. Я повернулась к Кайлу и услышала его тяжелое дыхание.

– Волнуешься? – прошептала я.

– Не-а, – ухмыльнулся он, но по глазам было видно, что ему не по себе. – Итак… спокойной ночи.

Кайл наклонился ко мне и поцеловал. Его губы раскрылись, закрылись и снова раскрылись. После каждого поцелуя я, затаив дыхание, ждала следующего. И слава богу, так оно и было, потому что меня еще никогда в жизни так не целовали и мне хотелось еще.

Да, пару раз я целовалась с мальчиками, спрятавшись в гардеробной или за статуей, но их поцелуи были торопливыми и слюнявыми. Но сейчас все изменилось. Никто меня не одергивал, и нам не приходилось прятаться.

Я прильнула к Кайлу, а он, взяв свободной рукой меня за подбородок, снова впился мне в губы. И мы, похоже, целую вечность стояли, слившись в объятиях.

Потом он слегка отстранился, но наши лица были так близко, что, когда он открыл рот, я уловила в его дыхании запах вина.

– Как думаешь, этого достаточно? – прошептал Кайл.

– Мм… Я… Я не знаю.

– Ну ладно. Тогда давай еще. Чтобы уж наверняка.

Он снова прижался ко мне губами, и от его поцелуя все мое тело будто превратилось в желе. Я запустила пальцы ему в волосы и, к своему смятению, поняла, что готова стоять так хоть всю ночь.

Кайл снова отстранился и заглянул мне в глаза. Я заметила, что его взгляд стал другим. А что, если он так же, как и я, чувствует это странное тепло, постепенно разливающееся в груди?

– Спасибо тебе, – прошептала я.

– Обращайся в любое время. То есть я хочу сказать… – Он со смехом покачал головой. – Ну, в общем, ты поняла.

– Спокойной ночи, Кайл.

– Спокойной ночи, Идлин. – Он чмокнул меня в щеку и поспешил вниз по лестнице, ведущей в его временное жилье.

Я смотрела ему вслед, уговаривая себя, будто моя блаженная улыбка объясняется исключительно тем, что я нахожусь под прицелом скрытой камеры, а вовсе не тем, что Кайл Вудворк меня поцеловал.

Глава 13

– Итак, по-моему, мне удалось отвлечь всех на какое-то время. – Я дотронулась до руки Арена, с которым гуляла по саду.

– Да уж, нечего сказать. – Арен бросил на меня многозначительный взгляд, и я с трудом удержалась, чтобы не надавать ему по шее. – Ну и как это было?

Тут я не выдержала и действительно его стукнула.

– Ну ты и свинтус! Разве можно задавать дамам подобные вопросы?

– А разве настоящая дама позволит снимать то, как она в темноте целует своего поклонника?

– Так или иначе, но это сработало, – пожала я плечами.

Как я и предполагала, люди с удовольствием проглотили наживку в виде наших фотографий. Правда, мне было немного странно, что публика охоча именно до таких вещей. Впрочем, какая разница, если все довольны. Реакция на наш поцелуй расходилась, точно круги по воде. Некоторые газетчики нашли это весьма трогательным, однако большинство из них были явно недовольны тем, что я решилась подарить поцелуй в самом начале Отбора.

Так, два ведущих репортера из желтого журнала активно обсасывали тему: типа, умри, но не давай поцелуй без любви, или, быть может, ничего криминального, поскольку я знаю Кайла с детства. Я пыталась не обращать внимания. Ведь очень скоро найдутся другие темы для разговора.

– Я просмотрела газеты, – сказала я Арену. – Ни звука о посткастовой дискриминации.

– Ну и какие планы на завтра? Опять будешь доводить этих бедняг до слез?

– Ну, если уж быть точной, то я довела до слез только одного, – сделала я большие глаза. – И я пока не знаю. Может, сегодня вообще не буду с ними встречаться.

– Не выйдет, – выпалил Арен, увлекая меня на боковую дорожку. – Идлин, помоги мне. Ведь если мне придется протащить тебя за волосы через этот Отбор, у меня рука не дрогнет, но тебе реально придется принять самое активное участие.

– Если честно, по-моему, папе тогда было гораздо легче, – вздохнула я.

– А ты его спрашивала?

– Нет, и не уверена, что это прилично. Правда, недавно они с мамой поделились со мной кое-какими подробностями, чтобы немножко помочь. Но вот остальное держат в секрете, и мне вроде как неудобно их спрашивать. Ну а кроме того, сомневаюсь, чтобы люди в аналогичной ситуации вели себя одинаково, да и вообще не желаю знать, что папу мог волновать кто-либо другой, кроме мамы.

– Ну разве это не странно? – Арен присел на ближайшую скамейку. – Ведь нашей матерью могла стать совсем другая женщина!

– Нет, – отрезала я. – Мы существуем именно потому, что они нашли друг друга. При любом другом раскладе нам точно не суждено было бы появиться на свет.

– Иди, не пудри мне мозги.

– Извини. Просто вся эта ситуация выбила меня из колеи. – Я рассеянно провела пальцем по камню. – Словом, до меня только сейчас дошло, почему вся идея кажется такой привлекательной. Ведь, может быть, где-то там меня ждет мой единственный. Я могу наугад вытянуть его имя, познакомиться с ним и безумно влюбиться. Хотя иногда я напоминаю себе призовую лошадь, причем меня оценивают именно с этой стороны. А когда я смотрю на участвующих в Отборе парней, мне начинает казаться, будто они прибыли с другой планеты, и это мне совсем не нравится. Я чувствую себя некомфортно из-за всей этой истории.

Арен молчал. Я понимала, что он сейчас тщательно подбирает слова, и это меня страшно нервировало.

Уж не знаю, может, потому, что мы близнецы, может, потому, что мы были так тесно связаны, но я буквально на физическом уровне ощущала возникший между нами разлад. Будто между нами натянутый резиновый жгут.

– Послушай, Иди. Возможно, мы выбрали не самый удачный способ, но я искренне считаю, что тебе реально пойдет на пользу впустить в свою жизнь другого человека. Мы с Камиллой уже давно вместе, и если завтра между нами все будет кончено, я останусь бесконечно признателен Камилле, так как благодаря ей стал лучше. Есть вещи, которые тебе не дано о себе знать до тех пор, пока ты не впустишь кого-то еще в самые потаенные уголки своего сердца.

– Но как ты с этим справляешься? Ведь бóльшую часть времени вы проводите в разлуке.

– Мы с Камиллой родственные души. И я это знаю, – ухмыльнулся Арен.

– Не уверена, что родственные души действительно существуют, – потупившись, произнесла я. – Тебе удалось познакомиться с французской принцессой, потому что ты встречаешься исключительно с особами королевской крови, да и вообще вы с ней на редкость похожи. А твоя настоящая родная душа, быть может, прямо сейчас доит корову, но тебе не суждено об этом узнать.

– Ты вечно принижаешь Камиллу. – Судя по тону брата, невидимый резиновый жгут между нами снова натянулся.

– Я просто рассматриваю разные варианты.

– У тебя самой сейчас десяток вариантов, но ты категорически отказываешься их рассматривать.

– Это папа тебя накрутил? – фыркнула я.

– Нет! Я считаю, что ты должна посмотреть на это беспристрастно. Во дворце ты изолирована от всех, но это не значит, что наши стены будут вечно отделять тебя от мира. И вообще, тебе пора хоть раз в жизни узнать, что такое романтические отношения.

– Эй! Я уже испытывала романтические чувства!

– Если ты намекаешь на ту фотографию в газете, то это не в счет, – запальчиво произнес брат. – Впрочем, так же как и твой флирт с Лероном Тройесом на рождественском балу в Париже.

– Как ты узнал? – задохнулась я.

– Господи, да об этом все знают!

– Даже папа с мамой?

– Папа не в курсе. Если только мама не успела его просветить, что, скорее всего, именно так.

От унижения я закрыла лицо руками, из груди вырвался похожий на писк странный звук.

– Я только хочу сказать, что тебе это пойдет на пользу.

Ну все, он меня достал. Я даже забыла, что еще секунду назад умирала от стыда.

– Конечно, все только и твердят, что это для моего же блага. Типа, так будет лучше для меня. Но откуда им знать, что для меня лучше, а что хуже? Я умная, красивая и сильная. И не нуждаюсь в том, чтобы меня спасали.

– А вот тут ты сильно ошибаешься. И тебе не дано знать, что, быть может, один из них предназначен тебе судьбой.

Я уставилась на траву, обдумывая его слова. Затем решительно покачала головой:

– Арен, что ты такое говоришь? И почему поменял свои симпатии? Мне казалось, ты на моей стороне.

У Арена в глазах промелькнуло нечто странное, но он быстро опомнился и обнял меня за плечи:

– Так и есть, Идлин. Ты, мама и Камилла – самые главные женщины в моей жизни. Поэтому пусть тебя не удивляет, что я пекусь о твоем благополучии.

– Арен, я вполне счастлива. Ведь я принцесса. И у меня есть все.

– Боюсь, ты путаешь счастье с комфортом.

Все это до боли напомнило мне нашу последнюю беседу с мамой.

Арен похлопал меня по руке и поднялся, одергивая костюм.

– Я обещал Кейдену помочь ему с французским. Просто подумай над моими словами, идет? Возможно, я ошибаюсь. И наверняка не в первый раз.

Мы ласково улыбнулись друг другу.

– Ладно, подумаю, – кивнула я.

– Сходи на свидание или типа того, – подмигнул мне брат. – Тебе надо начать жить полной жизнью.

Я нервно расхаживала под дверью Мужской гостиной, опасаясь, что понапрасну теряю время. Конечно, после беседы с Ареном мне следовало отправиться прямиком в кабинет. Положа руку на сердце, я не могла дождаться, когда вернусь к своей бумажной рутине. Но слова Арена заставили меня еще раз подумать о том, что стоит хотя бы попробовать. Причем не для кинокамер, а вполне искренне.

Я сказала себе, что рано или поздно придется пригласить одного из парней на свидание. По крайней мере, это тот самый минимум, который я обязана сделать. Что, однако, вовсе не означало, будто я непременно кого-нибудь выберу. Я не стану обманывать ожидания публики и сдержу данное папе обещание.

Тяжело вздохнув, я вручила лакею конверт:

– Ладно, действуйте.

Он с поклоном удалился, а я осталась ждать под дверью.

Я решила больше не врываться в Мужскую гостиную. Да, мне хотелось, чтобы Избранные находились в состоянии боевой готовности, но одновременно имели и возможности для отступления. Уж кому, как не мне, было этого не знать.

Лакей вернулся и, придержав дверь, выпустил из комнаты Хейла. При его приближении у меня в голове промелькнули сразу две мысли. Во-первых, я подумала, а как это воспримет Кайл, что, согласитесь, было несколько странным, ну а во-вторых, что Хейл так и не сумел выработать линию поведения. Он осторожно остановился в двух футах от меня и склонился в поклоне:

– Ваше высочество.

Я небрежно сложила руки:

– Зовите меня просто Идлин.

Он улыбнулся одними глазами:

– Идлин.

Нет никого в мире могущественнее тебя.

– Я просто хотела узнать, не составите ли мне компанию за десертом сегодня после обеда?

– Только вы и я?

– А что, вы хотели пригласить кого-нибудь еще? – вздохнула я. – Или вам тоже нужен переводчик?

– Нет-нет! – Теперь он уже улыбался по-настоящему. – Думаю, я… приятно удивлен.

– О… – Слишком короткий ответ на столь галантную речь, но я просто оказалась не готова.

Хейл стоял, руки в карманах, и сиял как медный грош, и я поняла, что не могу вот так взять и отправить его домой.

– Э-э-э… Я зайду к вам минут через двадцать после обеда, и мы пойдем в одну из гостиных на верхнем этаже.

– Звучит заманчиво. Тогда до вечера.

– До вечера, – уже на ходу бросила я.

Теперь я, к своему смятению, почти ждала этой встречи. Его неподдельный восторг был таким трогательным. Меня убивала мысль, что я уже начинаю втягиваться в Отбор, но еще хуже было видеть торжествующее лицо Хейла, когда он поймал мой взгляд ему вслед.

Глава 14

А это не покажется странным, если я перед десертом надену другое платье? Интересно, а он будет переодеваться? Последние несколько дней я постоянно носила тиару, но уместно ли надевать ее на свидание?

На свидание.

Нет, я явно слишком далеко зашла за пределы комфортной зоны. И вообще, я чувствовала себя страшно уязвимой, чего решительно не понимала. Мне приходилось общаться с уймой молодых людей. У меня была весьма романтическая интерлюдия с Лероном на рождественском вечере, а Джеймисон Эйкерс подарил мне пахнущий клубникой поцелуй под деревом на пикнике. А прошлым вечером я отлично поладила с Кайлом, хотя это трудно назвать настоящим свиданием.

Я встретилась со всеми тридцати пятью кандидатами, причем мне постоянно приходилось держать марку. Уж не говоря о том, что я помогала отцу управлять страной. Тогда почему я так нервничала из-за самого обыкновенного свидания с парнем?

И я решила, что да, наверное, стоит переодеться. Пожалуй, надену желтое платье, спереди короткое, а сзади длинное, которое я носила с темно-синим поясом. Слишком простое для приема в саду, но слишком нарядное для появления на людях. И никакой тиары. Как мне вообще могло такое прийти в голову?

Я еще раз посмотрела на себя в зеркало, в очередной раз напомнив себе, что он попытается меня завоевать, ни больше ни меньше.

Услышав стук в дверь, я подпрыгнула от неожиданности. Ведь у меня в запасе еще пять минут! И вообще, по идее я должна была сама к нему выйти! Ну вот, вся моя стратегия коту под хвост. Боже, дай мне силы, если понадобится, отослать его прочь и начать все сначала!

Не дождавшись ответа, в комнату заглянула тетя Мэй, а за ее спиной я увидела улыбающееся мамино лицо.

– Тетя Мэй! – Я бросилась к ней, сжав ее в объятиях. – Что ты здесь делаешь?

– Я подумала, что тебе не помешает дружеское плечо. И вот я здесь.

– Ну а я здесь, чтобы сделать ситуацию еще более неловкой, – пошутила мама.

Я ответила ей нервным смехом:

– Ой, все так непривычно! И я вообще не знаю, что делать.

Тетя Мэй удивленно изогнула бровь:

– Если верить газетам, у тебя все идет отлично.

– Тут совсем другое, – покраснела я. – И вообще, это ненастоящее свидание. Оно ничего не значит.

– А сегодняшнее что-нибудь для тебя значит? – осторожно поинтересовалась тетя.

– Ну, если только чуть-чуть, – пожала я плечами.

– Все так говорят, – начала мама, убирая мне волосы со лба. – Но хочу дать тебе один совет. Будь сама собой.

Да уж, ей легко говорить! Потому что, положа руку на сердце, кто я такая? Половинка от пары близняшек. Наследница трона. Одна из наиболее могущественных особ в мире. И на сегодняшний день призовая лошадь, используемая как отвлекающий маневр.

Но никогда только дочь. Но никогда только девушка.

– Не принимай близко к сердцу. – Тетя Мэй поправила перед зеркалом прическу и повернулась ко мне. – Просто наслаждайся жизнью.

Я молча кивнула.

– Она все делает правильно, – согласилась мама. – Но мы вовсе не ждем от тебя, чтобы ты сделала выбор прямо сегодня. Наслаждайся жизнью, ведь так приятно заводить новые знакомства. Господь свидетель, тебе не часто выпадает такая возможность.

– Верно. Просто немного странно. Мы останемся с ним наедине, он расскажет о нашем свидании парням, ну а затем будет телевизионное ток-шоу.

– Не драматизируй. Как правило, все гораздо забавнее, – заверила меня мама.

Я попыталась представить ее в моем возрасте. Как она, заливаясь краской смущения, рассказывает папе о своих юношеских влюбленностях.

– Значит, в свое время ты тоже была не против?

Она поджала губы и задумчиво уставилась в потолок:

– Ну, поначалу все шло не совсем гладко. Меня тяготило быть в центре внимания. Но ты у нас прирожденная звезда. Поэтому постарайся отнестись к этому как к очередной вечеринке или важному мероприятию, о котором рассказываешь под прицелом камер.

Бросив на маму удивленный взгляд, тетя Мэй повернулась ко мне:

– Нет, от тебя никто не ждет краткого отчета о том, как ты провела День благодарения. Но твоя мать совершенно права. Ты прекрасно смотришься в свете софитов. В твоем возрасте она была куда более стеснительной.

– Ну, спасибо тебе, Мэй, – округлила глаза мама.

– Всегда к твоим услугам.

Я хихикнула. Как жаль, что у меня нет сестры. Вторая мамина сестра, тетя Кенна, умерла много лет назад из-за болезни сердца. Дядя Джеймс был простым человеком, он не хотел воспитывать Астру и Лео во дворце, хотя ему неоднократно предлагали. Конечно, наша семья поддерживала с ними связь, но мы с Астрой были совсем разными. Однако у меня в памяти до сих пор живы воспоминания о том, как после смерти тети Кенны мама неделю пролежала в постели в объятиях тети Мэй и бабушки Сингер. И мне начинало казаться, что для мамы потерять сестру было как потерять частичку себя. И если, упаси господи, что-нибудь случилось бы с Ареном, то я, несомненно, страдала бы точно так же.

Тетя Мэй подхватила маму под руку, и они улыбнулись друг другу. Они никогда по-настоящему не ссорились, тем более по пустякам. Я была благодарна этим замечательным женщинам. Они развеяли мои сомнения.

Мама с тетей были совершенно правы. Это меня ни к чему не обязывает.

– У тебя все получится. Ведь ты не умеешь проигрывать, – подмигнула мне мама, и меня сразу отпустило.

– Мне пора. Спасибо, что приехала, – посмотрев на часы, сказала я тете Мэй.

– Нет проблем.

Уже на пороге я обняла сперва тетю, потом маму.

– Повеселись, – шепнула мне она и, взяв за руку Мэй, удалилась к себе.

Я же поправила платье и спустилась вниз.

Прежде чем постучать в дверь комнаты Хейла, я помедлила и задержала дыхание. Дверь открыл не лакей, а сам Хейл. При виде меня он был явно сражен наповал.

– Выглядите фантастически, – выдохнул он.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Вы тоже.

Хейл также принарядился, что придало мне уверенности, да и вообще мне понравился его стиль. На сей раз он обошелся без галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. А то, что над жилетом… в целом тоже было весьма недурно.

Хейл сунул руки в карманы:

– Итак, нам куда?

Я махнула рукой в конец коридора:

– Нам сюда, а потом на четвертый этаж.

Он стоял, задумчиво раскачиваясь, но затем предложил мне руку:

– Ведите меня.

– Хорошо, – направившись к лестнице, сказала я. – Что ж, я знаю основные факты. Хейл Гарнер, девятнадцать лет, Белкур. Однако все эти анкеты слишком сжатые и сухие. Может, расскажете о себе?

– Ну, я тоже старший ребенок в семье.

– Неужели?

– Да, у нас в семье три мальчика.

– Ух ты! Сочувствую вашей маме.

– Она, в общем, не против, – улыбнулся Хейл. – Мы напоминаем ей о папе. И когда кто-то из нас слишком шумно себя ведет или смеется над тем, над чем смеяться нельзя, мама только вздыхает и говорит, что мы точь-в-точь как папа.

Мне не хотелось спрашивать, но, с другой стороны, надо было понять, что к чему.

– А что, ваши родители в разводе? – бросила я пробный камень.

– Нет. Папа умер.

– Мне жаль. – Получилось ужасно неудобно. Не стоило бередить его раны.

– Ничего страшного. Откуда вам было знать?

– А могу я спросить, когда он умер?

– Почти семь лет назад. Понимаю, звучит несколько странно, но иногда я даже завидую Бо, своему младшему брату, которому было всего шесть, когда это случилось. Да, он помнит папу, но не так, как я. Понимаете? Иногда меня слишком тяготят воспоминания.

– Спорим, он тоже вам завидует, но совершенно по другой причине.

– Никогда об этом не думал, – грустно улыбнулся Хейл.

Затем мы молча поднялись по парадной лестнице. Уже на площадке четвертого этажа я снова продолжила допрос:

– А чем занимается ваша мать?

– Ну, в данный момент она работает секретарем в местном университете. Она… словом, ей было трудно найти хорошую должность, но маме нравится, и вообще, она уже давно там трудится. Я начал свой рассказ словами «в данный момент», потому что раньше мама частенько меняла работу, но сейчас, похоже, вполне довольна. Да, я вроде бы говорил во время нашей первой встречи, что мой папа был Двойкой. Он был известным спортсменом. Ему сделали операцию на колене, потом образовался тромб, и у него отказало сердце. До замужества и при жизни папы наша мама ни дня не работала. Но после папиной смерти оказалось, что она была способна лишь на то, чтобы быть женой баскетболиста.

– Ой нет.

– К сожалению, да.

Я была рада, когда мы наконец оказались в гостиной. И как папе тогда удалось справиться с этим ужасом? Как он смог просеять всех этих девушек и выбрать среди них себе жену? Вот я, например, уже через пять минут была сыта по горло своим первым свиданием.

– Ух ты! – восхищенно присвистнул Хейл, когда мы вошли внутрь.

Из окон гостиной на четвертом этаже открывался потрясающий вид на вечерний Анджелес в мягком закатном свете. Я специально попросила не включать электричество, чтобы мы могли полюбоваться захватывающим зрелищем.

Столик посреди комнаты был уставлен тарелками с самыми разными пирожными и бутылками с десертным вином. Мне еще никогда в жизни не приходилось организовывать романтический вечер, но, по-моему, для первого раза я справилась совсем неплохо.

Хейл галантно отодвинул для меня стул и присоединился ко мне за столом.

– Я не знала, что вы предпочитаете, а потому распорядилась подать пирожные на любой вкус. Шоколадные, естественно, ну а еще лимонные, ванильные и с корицей.

Хейл уставился на тарелки с угощением так, словно не верил своим глазам.

– Послушайте, – начал он, – не хочу показаться невежливым, но если вы уже выбрали себе пирожное, то советую взять его прямо сейчас, так как я способен умять все блюдо за один присест.

– Угощайтесь на здоровье, – рассмеялась я.

Он взял миниатюрное шоколадное пирожное и целиком запихнул себе в рот.

– Мм…

– Попробуйте с корицей. Оно полностью изменит вашу жизнь.

Мы принялись за пирожные и какое-то время молча наслаждались едой. Я уже начала было подумывать, что, возможно, для первого вечера этого более чем достаточно. Сейчас я была на безопасной для себя территории, ведь о десертах я могла рассуждать часами. Но затем Хейл без предупреждения снова заговорил о своей жизни:

– Итак, моя мама работает в университете, ну а я – в городе у одного портного.

– Да неужели?

– Угу. Меня очень интересует одежда. По крайней мере, сейчас. Сразу после папиной смерти у нас возникла напряженка с деньгами, и я научился латать прорехи в куртках братьев и перешивать рубашки, ставшие им малы. А еще у мамы была куча платьев, которые она собиралась продать. Пришлось комбинировать оставшиеся, чтобы обновить ее гардероб. Получилось, конечно, неидеально, но со временем я настолько поднаторел в этом деле, что в результате портной взял меня на работу. Я очень много читаю и потихоньку учусь у Лоренса – это мой босс. Время от времени он разрешает мне осуществлять собственные проекты. И теперь я вполне доволен жизнью.

– Вы определенно один из самых элегантных парней из вашей группы, – усмехнулась я.

Хейл застенчиво улыбнулся:

– Ну, это не так уж и сложно, когда есть из чего выбирать. И у меня отличный слуга, который следит за тем, чтобы все было подогнано идеально. Не уверен, что он одобряет то, как

я составляю комплекты, но мне хочется выглядеть настоящим джентльменом и одновременно оставаться самим собой, если вы понимаете, о чем я.

В ответ я с энтузиазмом кивнула:

– А теперь представьте, каково мне! Ведь я обожаю джинсы, а приходится одеваться так, как подобает настоящей принцессе.

– Но вы на редкость удачно балансируете на столь тонкой грани! – хмыкнул Хейл. – Фото ваших нарядов можно найти во всех глянцевых журналах, и я уже имею некоторое представление. У вас очень индивидуальный стиль.

– Вы находите? – воодушевилась я.

За последние дни на меня обрушился такой поток критики, что похвала была для меня точно глоток воды для усталого путника в пустыне.

– Определенно! – выпалил он. – Вы одеваетесь вроде как принцесса, но и не совсем так. И вообще, я не удивлюсь, если окажется, что на самом деле вы предводитель международной девичьей мафии.

От изумления я даже пролила вино на скатерть, вызвав у Хейла бурный приступ смеха.

– Простите! – покраснела я. – Если бы сейчас меня увидела мама, то непременно устроила бы мне выволочку.

Хейл вытер выступившие на глазах слезы и наклонился вперед:

– Неужели родители действительно читают вам нотации? Ведь вы уже практически руководите страной.

– Не совсем, – отмахнулась я. – Основную работу делает папа. А я пока лишь его бледная тень.

– Но это лишь простая формальность, разве нет?

– Что вы имеете в виду? – Наверняка мои слова прозвучали слишком резко, потому что веселые искорки в глазах Хейла сразу потухли.

– Ну, я вовсе не хотел оскорбить вашего отца или типа того, но люди говорят, что у него усталый вид. И теперь гадают, когда вы смените его на троне.

Я опустила глаза. Неужели люди действительно болтают о том, что у папы усталый вид?

– Эй! – снова привлек мое внимание Хейл. – Простите, ради бога. Я сказал это, только чтобы поддержать беседу. И не собирался вас расстраивать.

– Ничего страшного, – покачала я головой. – Не понимаю, что на меня нашло. Возможно, мне пока трудно представить, как я повезу этот воз без папы.

– Так непривычно слышать, когда короля называют просто папой.

– Так оно и есть! – снова улыбнулась я.

Как ни странно, но Хейл, с его джентльменской манерой говорить, действовал на меня успокаивающе. И мне это нравилось.

– Понял, не дурак. Ладно, давайте вернемся к вам. Когда вам не надо играть роль самой могущественной женщины на земле, что вы делаете для собственного удовольствия?

Я быстро сунула в рот очередное пирожное, чтобы спрятать широкую усмешку.

– Вы не поверите, но я тоже увлекаюсь модой.

– Что?! – удивленно переспросил он.

– Я разрабатываю модели. Постоянно. Ну а кроме того, я пыталась заниматься тем, чем интересуются родители. Я немножко разбираюсь в фотографии, немножко играю на фортепьяно. Но неизменно возвращаюсь к альбому с эскизами платьев.

Тут я не выдержала и улыбнулась. Листы бумаги с карандашными набросками были моим настоящим прибежищем.

– А можно мне посмотреть?

– Что? – Я непроизвольно выпрямилась, скрестив под столом лодыжки.

– Ваши эскизы. Можно когда-нибудь их увидеть?

Практически никто и никогда не видел мои эскизы. Разве что служанки, когда надо было сшить что-нибудь по моей задумке. Но эскизы тех платьев, которые, как я знала, мне не суждено носить, я тщательно прятала. Однако я часто думала о них, бережно храня в памяти или на листах бумаги, словно закрепляя тем самым право собственности.

Конечно, Хейл не понял, почему я внезапно замолчала и вцепилась в ручки кресла. Ведь он задал этот вопрос, искренне считая, что нас объединяет общий интерес к моде, но у меня возникло странное чувство, будто он слишком близко подобрался ко мне – да, слишком близко, – что мне ужасно не понравилось.

– Прошу прощения. – Я встала из-за стола. – Похоже, я выпила слишком много вина.

– Вам помочь? – вскочив с места, спросил он.

– Нет. Оставайтесь и наслаждайтесь жизнью. – Я стремительно двинулась к двери.

– Ваше высочество!

– Спокойной ночи.

– Идлин, постойте!

Оказавшись в коридоре, я еще больше ускорила шаг, но Хейл, слава богу, не стал меня догонять.

Глава 15

Я вполне искренне считала, что в моем нынешнем состоянии нет моей вины. Ни в малейшей степени. Причем я отлично знала, на кого указать пальцем, а именно – на все семейство Шрив. Я винила папу и маму в том, что выпустили страну из-под контроля и загнали меня в угол. Винила Арена за то, что предлагал мне все же рассмотреть одного из этих парней в качестве кандидата.

Я собиралась стать королевой, а у королевы, конечно, могут быть недостатки… Но только не излишняя ранимость.

Вчерашняя встреча с Хейлом помогла мне понять ряд очень важных вещей. Во-первых, я была совершенно права насчет Отбора. В этих условиях просто нереально обрести спутника жизни, и то, что когда-то удалось моим родителям, теперь казалось чудом. Нет ничего более вредного для души, чем открываться совершенно незнакомым людям.

Во-вторых, если я когда-нибудь и выйду замуж, надеяться на реальную любовь явно не приходится. Ведь любовь разрушает барьеры между людьми, чего я по определению не могла себе позволить. Нежная привязанность к своей семье, особенно к папе и Арену, уже и так стала моей ахиллесовой пятой. Но чтобы специально создавать еще одно уязвимое место? Нет уж, увольте!

Арен знал, что может меня уговорить, ведь я его очень любила. Вот почему после этого свидания я была готова его задушить.

Я спустилась к завтраку, уверенно ступая, словно ничего не произошло. Нет, я по-прежнему контролировала свои эмоции, и кучке глупых мальчишек не вывести меня из себя. И вообще, сегодня я твердо решила вернуться к государственным делам. Уж слишком много отвлекающих моментов было в последнее время, а мне необходимо сосредоточиться. Папа советовал взять себе помощника, но от всех этих помощников больше вреда, чем пользы.

Арен с Остеном сидели рядом с мамой, я же заняла место между папой и Кейденом. И даже на другом конце стола мне было слышно чавканье Остена.

– Ты в порядке, сестренка? – поинтересовался Кейден между двумя ложками овсянки.

– Естественно.

– Вид у тебя какой-то вздернутый.

– Хотела бы я посмотреть на тебя, если бы тебе пришлось управлять страной, – подкусила его я.

– Иногда я об этом думаю, – моментально став серьезным, сказал он. – А вдруг на Иллеа нападет мор, а ты, мама, папа и Арен заболеете и умрете. Мне придется взять всю ответственность на себя и самому принимать решения.

Боковым зрением я заметила, что папа, наклонившись вперед, внимательно слушает.

– Кейден, ты говоришь ужасные вещи.

– Ну, я люблю все планировать наперед, – пожал плечами Кейден.

Я задумчиво подперла рукой подбородок:

– И какой же будет первый указ короля Кейдена?

– Естественно, о всеобщей вакцинации.

– Неплохое начало, – хмыкнула я. – Ну а потом?

Кейден задумался.

– Наверное, попытаюсь пообщаться с народом. Я имею в виду тех, кто остался здоровым. Чтобы узнать у них, что именно, по их мнению, я должен сделать. Ведь за стенами дворца все видится несколько иначе, чем здесь.

– Весьма разумно, Кейден, – кивнул папа.

– Знаю. – Кейден подвел черту под своим воображаемым правлением и снова принялся за еду. Счастливчик!

Я лениво ковырялась в тарелке, украдкой поглядывая на папу. Да, позапрошлым вечером у него действительно был усталый вид, но мне казалось, что это временное явление. Конечно, он уже не мог обходиться без очков, а вокруг глаз образовалась сеточка морщин… Но это еще ни о чем не говорит. Да и вообще, откуда Хейлу знать?

Я оглядела комнату. Парни вели тихую беседу. Ин болтал с Бейденом. Бурк чем-то закапал галстук и теперь безуспешно пытался отчистить пятно. Затем я перевела взгляд на Хейла, в глубине души радуясь, что он сейчас на меня не смотрит.

За дальним столом я обнаружила Генри и Кайла. Эрик терпеливо что-то переводил, и, судя по довольному выражению их лиц, разговор у них шел весьма интересный.

Я была даже слегка заинтригована. И даже попыталась представить, о чем они могут разговаривать, но не хватило фантазии. Я смотрела на Кайла и следила за движениями его рук. Вот он отчаянно жестикулирует, пытаясь что-то втолковать собеседнику, вот берет вилку… Я помнила, как эти руки еще вчера держали карандаш, чтобы сделать набросок, но еще лучше я помнила, как они сжимали меня во время того памятного поцелуя.

Наконец Кайл, встретившись со мной глазами, едва заметно кивнул и улыбнулся. Генри проследил направление его взгляда и радостно помахал мне рукой. Я склонила голову, надеясь, что никто не заметил моего румянца. Генри что-то сказал Эрику, тот перевел его слова Кайлу, который в свою очередь поднял брови и снова кивнул. Я знала, что они говорят обо мне, более того, меня мучили опасения, что Кайл может выложить подробности нашего свидания.

Пожалуй, единственным человеком, с которым я могла смело поделиться некоторыми деталями, была тетя Мэй. И вообще, если честно, мысленно я постоянно возвращалась к тому романтическому эпизоду в коридоре.

Арен встал, поцеловал маму в щеку и направился к двери.

– Арен, постой! Мне надо с тобой поговорить. – Я поспешно поднялась из-за стола.

– Ну что, солнышко, когда тебя ждать? – посмотрел на меня папа.

– Я скоро к тебе присоединюсь. Обещаю.

Арен протянул мне руку, и мы вместе вышли из комнаты. Я видела, что на нас обращают внимание. Куда бы я ни шла, я постоянно попадала под прицел чужих взглядов. Я будто оказывалась в сильном энергетическом поле и даже научилась получать от этого удовольствие.

– О чем ты хотела поговорить?

– Скажу, когда мы выйдем в коридор.

– Вот те на! – Арен даже споткнулся.

Когда мы завернули за угол, я остановилась и стукнула брата по плечу.

– Ой!

– Вчера вечером я ходила на свидание. Тихий ужас. И я считаю, что ты лично в этом виноват.

Арен потер ушибленное плечо:

– Что случилось? Он плохо себя вел?

– Нет.

– Неужели он… – Тут Арен понизил голос. – Неужели он воспользовался случаем?

– Нет. – Я воинственно скрестила руки на груди.

– Он что, тебе нагрубил?

– Не совсем так, – вздохнула я. – Но мне было страшно… неловко.

Брат раздраженно вскинул руки:

– Ну, естественно, было. Тебе надо встретиться с ним снова. Ты почувствуешь себя гораздо лучше. По-другому и не бывает. Чтобы узнать кого-то поближе, нужно время.

– Но я не хочу, чтобы он узнавал меня поближе! Ни он, ни кто-либо другой!

Брат недоуменно нахмурился:

– Я всегда считал, что ты единственный человек на земле, которого я всегда смогу понять. И надеялся, что ты тоже меня понимаешь. Но тебя раздражает, что я влюбился, а когда тебе выпадает такой шанс, ты обеими руками от него отмахиваешься.

Я сердито ткнула пальцем Арену в грудь:

– А разве не ты говорил, чтобы я расслабилась? Разве не ты жаждал посмотреть, как я буду мучить Избранных? Мне казалось, мы с тобой договорились, что это просто шутка. Но ты ни с того ни с сего вдруг заделался чуть ли не их главным чирлидером.

В коридоре повисла напряженная тишина. Я ждала, что Арен начнет спорить или, по крайней мере, объяснится со мной.

– Прости, что тебя подвел. Но, думаю, тут дело отнюдь не в свидании. Ты должна понять для себя, что именно так сильно тебя пугает.

Я инстинктивно выпрямилась:

– Эй, я будущая королева Иллеа. И меня ничего не пугает.

– Ладно, блажен, кто верует. Посмотрим, поможет ли тебе это решить проблему.

Арену не удалось уйти слишком далеко. Его окружила стайка подружек Джози. Одну из них я даже узнала. Запомнила по встрече в саду, в основном благодаря тому, что она обратилась ко мне подобающим тоном.

Я смотрела, как девчушки, потупившись, застенчиво улыбались Арену. Правда, мой брат, надо отдать ему должное, был, как всегда, предельно учтив.

– Джози говорила, что вы здорово преуспели в литературе, – сказала одна из девочек.

Арен смущенно отвернулся:

– Она несколько преувеличивает мои заслуги. Да, я люблю читать и немного пописываю, но ничего такого, о чем стоило бы говорить.

– Мне кажется, вы все же скромничаете, – заявила одна из девочек. – Спорим, наш учитель был бы на седьмом небе от счастья, если бы вы как-нибудь провели у нас урок. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу книг, что мы сейчас читаем.

Джози всплеснула руками:

– Ой, ну пожалуйста, Арен! Почему бы тебе не провести у нас урок?

Услышав, что Джози вот так запросто обращается к Арену по имени – хотя что ж тут удивительного, они ведь выросли вместе, – девочки смущенно заулыбались.

– Боюсь, сейчас у меня слишком много дел. Возможно, в другой раз. Дамы, желаю вам приятного дня.

Арен низко поклонился и пошел дальше по коридору, а девчушки, не дожидаясь, пока он отойдет подальше, начали хихикать как идиотки.

– Он такой красавчик, – мечтательно произнесла одна из них.

– Я знаю, – вздохнула Джози. – И всегда такой обходительный. Мы с ним как-то гуляли в саду, и Арен сказал, что я одна из самых красивых девушек, которых он когда-либо встречал.

Ну хватит, всякому терпению есть предел! Поравнявшись с ними, я бросила на ходу:

– Джози, ты еще слишком молода для него. И вообще-то, у него уже есть девушка. Даже и не мечтай.

Я поднялась по лестнице в кабинет. Мне определенно станет легче, если я сделаю хоть что-нибудь полезное из списка государственных дел.

– Вот видите! – Джози даже не потрудилась понизить голос. – Я же говорила, что она мегера!

Глава 16

Но легче почему-то не стало. Меня по-прежнему мучили воспоминания о свидании с Хейлом и ссоре с Ареном, каждая размолвка с которым была для меня точно нож острый. Похоже, мир сошел с ума. А в довершение всего это дурацкое замечание Джози.

В голове роились вопросы, на которые не было ответов, и я поняла, что сегодняшний день пойдет насмарку.

– Знаешь, – оторвавшись от бумаг, начал папа, – я в свое время тоже растерялся. Чем меньше народу, тем легче сделать выбор.

Я улыбнулась. Ладно, пусть себе думает, будто от обилия претендентов у меня голова идет кругом.

– Папа, прости ради бога.

– Ничего страшного. Может, мне сегодня тебя отпустить? Не хочешь взять выходной?

Я аккуратно сложила бумаги.

– Нет, все нормально. Я готова к работе.

– Родная, я в этом не сомневаюсь. Просто я…

– Эта канитель и так отняла у меня слишком много времени. Не хочется пренебрегать своими обязанностями. Я в полном порядке, – резче, чем хотелось бы, ответила я.

– Ну вот и хорошо. – Папа поправил очки и вернулся к бумагам.

Я попыталась последовать его примеру.

И все же, что имел в виду Арен, когда говорил, будто меня расстроило не само свидание, а нечто совсем другое? Я знала, почему так сильно разозлилась. Вот я, например, ни разу не припирала его к стенке по поводу Камиллы. Ну да, я не удостаивала ее разговором, но исключительно потому, что у нас ней не было ничего общего. Но я не испытывала к Камилле неприязни.

Я помотала головой, чтобы сосредоточиться на бумагах.

– Нет, тебе определенно не помешает проветриться, – снова начал папа. – Ты можешь провести время с одним из Избранных и вернуться ко мне после ланча. Ну а кроме того, тебе будет о чем рассказать во время «Вестей столицы».

Я представила, как буду рассказывать о свидании с Хейлом… или о том, как целовалась с Кайлом, и мне стало не по себе. Голова буквально шла кругом от бушевавших в душе противоречивых чувств.

– Папа, я была на свидании вчера вечером. Разве этого не достаточно?

Отец глубоко задумался.

– Рано или поздно тебе придется назначить еще несколько свиданий. Публику вполне устроит парочка снимков твоей встречи с одним из Избранных. По-моему, на этой неделе тебе непременно стоит осчастливить еще кого-нибудь.

– Неужели? – застонала я.

– Попробуй хоть немножко развлечься. Ведь ты смотришь на Отбор как на тяжелую работу.

– Потому что так оно и есть! – скептически усмехнулась я.

– Идлин, это может быть очень даже весело. Попробуй еще раз. – Папа многозначительно посмотрел на меня поверх очков.

– Отлично. Одно свидание. Но о большем и не думай просить, старина, – пошутила я.

– Старина – это ты верно сказала, – хмыкнул он.

Папа, очень довольный собой, снова уткнулся в бумаги. Я же принялась исподтишка за ним наблюдать. Он слишком часто потягивался, периодически потирал затылок и время от времени хватался за голову, хотя ничего экстраординарного у нас не было.

Хейл заронил в мою душу зерно сомнения, и теперь я старалась не выпускать папу из виду.

Своей следующей целью я выбрала Бейдена. Возможно, тетя Мэй действительно разбиралась в людях. Бейден не лез на глаза, но и не уходил в тень. Во время того памятного чаепития он не стал поднимать шума, когда у него перехватили инициативу, но, как только представилась возможность, охотно поддержал разговор.

– Вы ведь играете на фортепьяно? – спросил меня Бейден, когда я пригласила его на свидание.

– Да, действительно. Ну, не так хорошо, как мама, но вполне сносно.

– А я играю на гитаре. Может, попробуем сыграть дуэтом?

Конечно, такое мне и в голову не могло прийти. Хотя чем больше музыки, тем меньше пустой болтовни. Что ж, я обеими руками за.

– Конечно. Я организую для нас Женский зал.

– А меня туда пустят? – смутился Бейден.

– Безусловно. Ведь вы мой гость. А я позабочусь о том, чтобы там не было посторонних. В Женском зале стоит мое любимое фортепьяно. Вам нужна гитара?

– Нет, – усмехнулся он. – У меня своя.

Бейден непринужденно провел рукой по коротко стриженным волосам. Я по-прежнему держалась холодно и неприступно, хотя некоторых парней это не слишком пугало, и Бейден относился к их числу.

– А вдруг Женский зал свободен прямо сейчас? – поинтересовался он.

Его энтузиазм меня умилил.

– Очень может быть, но у меня много дел.

Он поклонился, в его глазах появился озорной блеск.

– Ну, всех дел не переделаешь. Спорим, если потребуется, вы будете работать хоть до зари.

– Все верно, однако…

– Работа никуда не убежит.

Я удивленно всплеснула руками:

– Ведь я действительно не имею права…

Тогда он стал тихо напевать:

– Прогуляй, прогуляй, прогуляй!

Я крепко сжала губы, пряча улыбку. По правде говоря, следовало хоть кому-нибудь сообщить. Ведь это уже второе свидание без кинокамер… Хотя я все-таки в своем праве. На сле-

дующей неделе, пообещала себе я, после ближайшего выпуска «Вестей столицы», непременно подумаю о присутствии кинокамер.

– Ладно, несите свою гитару, – сдалась я.

– Две минуты!

Он вихрем унесся прочь, а я с сомнением покачала головой. Надеюсь, он не станет трепаться, что меня так легко уломать.

Я направилась в Женский зал в тайной надежде, что он свободен. Там действительно не было никого, кроме мисс Марли, сидевшей в углу с книгой в руках.

– Ваше высочество, – приветствовала меня она.

Ужасно забавно. Из уст маминых подруг официальное обращение звучало подобно милому прозвищу типа Тыковки, Малышки или Детки. Я в принципе не возражала, хотя и находила это несколько странным.

– А где мама?

Мисс Марли закрыла книгу.

– У твоей мамы мигрень. Я хотела с ней посидеть, но она меня отослала. У нее от малейшего звука раскалывается голова.

– Ой! А у меня сейчас тут будет свидание, но, может, стоит его отменить и проведать маму.

– Нет, – ответила мисс Марли. – Ей сейчас нужен покой, да и вообще, твои родители только обрадуются, что у тебя впереди еще одно свидание.

Я задумалась. Что ж, если маме на самом деле так плохо, тогда, возможно, действительно лучше переждать.

– Э-э-э… Ну ладно. Вы не возражаете, если я займу эту комнату? Мы с Бейденом хотим немного помузицировать, – сказала я и, покосившись на мисс Марли, добавила: – В прямом смысле слова.

Она захихикала и поспешно поднялась со стула.

– Нет проблем.

– А вам не кажется немного странным, что Кайл тоже во всем этом участвует? – неожиданно вырвалось у меня. – И я иду с кем-то другим на свидание? Как по-вашему, это нормально?

– Меня действительно потрясли ваши фотографии на первых полосах газет, – обескураженно покачала она головой, затем подошла поближе и добавила доверительным тоном: – Но ты, наверное, забыла, что, кроме твоих родителей, в Отборе тогда участвовал еще кое-кто. – (Я вдруг почувствовала себя форменной идиоткой. Ну как, как я могла выпустить такое из головы?!) – Я прекрасно помню, как твой отец в поисках подруги жизни старался уделить внимание каждой девушке и каждую ублажить. А тебе сейчас намного труднее, потому что на карту поставлены гораздо более важные вещи. Ты сейчас творишь историю и одновременно переключаешь на себя внимание населения. Сказать, что это безумно тяжело, – значит ничего не сказать.

– Ваша правда. – Я понуро опустила плечи, в очередной раз ощутив груз возложенной на меня миссии.

– Не знаю, чем там закончится у вас с Кайлом… хм… при нынешнем положении дел, но я буду немало удивлена, если он попадет в начало твоего списка. И тем не менее я тебе очень признательна.

– Но за что? – растерялась я. – Ведь я же ничего такого не сделала.

– Нет, сделала. Ты позволила родителям получить временную передышку, что весьма благородно с твоей стороны. Но ты и мне дала передышку. Ведь я не знаю, как долго мне удастся удерживать Кайла возле себя.

И тут раздался стук в дверь.

– Это Бейден, – объяснила я.

– Сиди. Я его впущу. – Мисс Марли положила руку мне на плечо.

– Ой! – удивился Бейден, когда мисс Марли открыла дверь.

– Не волнуйся, – хмыкнула она. – Я ухожу. Она тебя ждет.

Бейден заглянул через ее плечо и улыбнулся. Он не скрывал своего торжества, что наконец-то останется со мной наедине.

– Так, значит, это оно и есть? – поинтересовался он, махнув рукой куда-то за моей спиной.

Обернувшись, я поняла, что он имеет в виду фортепьяно.

– Да, оно самое. У него великолепный звук, а в комнате прекрасная акустика.

Бейден пошел за мной, и я слышала, как гитара в чехле бьет его по бедру или задевает за мягкую мебель.

Даже не спросив у меня разрешения, Бейден придвинул к фортепьяно табурет. Для разминки я исполнила гамму, пробежав пальцами по клавишам.

Бейден настроил свою гитару, обшарпанную и потемневшую от времени.

– А как давно вы играете? – поинтересовался он.

– Сколько себя помню. Когда я была еще крошкой, мама усаживала меня рядом с собой, и я невольно у нее училась.

– Люди говорят, ваша мама слыла фантастическим музыкантом. Кажется, однажды я видел по телику ее выступление, вроде бы на рождественском концерте.

– Да, она любит выступать с концертами на Рождество.

– Наверное, это ее любимое время года? – догадался Бейден.

– В каком-то смысле да, но не всегда. Вообще-то, она садится за фортепьяно, когда у нее плохо на душе.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, подтягивая последнюю струну.

– Понимаете, – ушла я от прямого ответа, – праздничные дни тоже иногда бывают довольно напряженными.

Я не имела права рассказывать о маминых переживаниях. Ведь именно в Рождество она потеряла отца и сестру, уж не говоря о том жутком вооруженном нападении, во время которого чуть было не погиб папа.

– Поверить не могу, что во дворце кто-то может грустить в Рождество. Вот если бы она была бедной, тогда другое дело.

– А почему?

Он улыбнулся своим мыслям:

– Обидно, когда твои друзья получают горы подарков, а ты ни одного.

– О!..

Бейден походя подчеркнул наше социальное неравенство, но при этом, в отличие от многих, абсолютно беззлобно. Тогда я присмотрелась к нему более внимательно. Да, гитара явно была дешевой и старой, а вот о его финансовом положении оставалось только гадать, поскольку, как и другие Избранные, одет он был в то, что ему выдали во дворце.

– Вы ведь учитесь в колледже, да? – спросила я.

Он кивнул:

– Да, за мной сохранили место. Профессорам еще не приходилось сталкиваться с подобными случаями, но мне разрешили отсылать домашние задания прямо отсюда, чтобы я мог спокойно закончить семестр.

– Что ж, действительно впечатляет.

– Да, я твердо знаю, чего хочу. И сделаю все возможное и невозможное для достижения своей цели.

Я ответила ему удивленной ухмылкой:

– И как тогда в ваши планы вписывается Отбор?

– Эй, давайте замнем для ясности. – Ни раздражения, ни злости. Бейден воспринял это как веселую шутку.

– Полагаю, вопрос вполне закономерный. – Я начала играть одну из тех классических вещей, которой научилась у мамы.

Бейден знал произведение и с удовольствием принялся мне подыгрывать. Я даже представить себе не могла, как здорово оно будет звучать в сопровождении струнного инструмента.

В результате победила музыка, и мы оставили разговоры. Но не перестали общаться. Он следил за моими глазами, я – за его пальцами. Еще никогда в жизни я ни с кем не играла дуэтом, не считая, конечно, мамы, и неожиданно для себя по-настоящему увлеклась.

Мы слаженно сыграли произведение от и до, сфальшивив разве что два или три раза. А когда мы закончили, Бейден просто сиял от восторга.

– Я знаю только несколько классических вещей. В основном это Дебюсси и Бетховен.

– Вы такой талантливый! Я даже не представляла, что классические произведения можно играть на гитаре.

– Благодарю. – Он явно скромничал, но в меру. – А теперь возвращаюсь к вашему вопросу. Я здесь, потому что хочу жениться. У меня практически не было опыта свиданий с девушками, но когда подвернулась такая возможность, я решил, что попытка не пытка. Влюблен ли я в вас? Наверное, еще нет. Но мне интересно узнать, способен ли я влюбиться.

И что-то подсказывало мне, что Бейден говорит вполне искренне. Да, он желал найти себе подругу жизни, а я была именно той, которую он никогда бы не встретил, если бы не поставил свое имя в анкете.

– С вашего разрешения, я хотел бы вам кое-что обещать, – сказал он.

– И что именно?

Он задумчиво перебирал струны.

– Это касается нас.

– Если вы собираетесь клясться в вечной любви, то еще не время.

Бейден покачал головой:

– Нет, я совсем о другом.

– Ну, тогда ладно. Я внимательно слушаю.

Из-под его пальцев вдруг полилась чарующая мелодия, не классическая, но до боли знакомая, хотя я не могла вспомнить названия.

– Если вы поймете, что я вам не пара, отошлите меня домой и займитесь другими кандидатами. А если я увижу, что вы мне не подходите, то сразу так и скажу. К чему нам обоим тратить понапрасну время!

– Буду только рада, – кивнула я.

– Отлично, – сказал он и неожиданно запел: – «Она входит в дом, смеясь и не краснея. И ноги у нее растут практически от шеи! А глаза ищут повод для веселья!»

Я рассмеялась, так как наконец-то узнала мелодию. «Choosing Yesterday», которую я напевала в ванной так часто, что было даже неудобно в этом признаться.

– «Мне не отвести глаз от ее лица, лица, лица, а она танцует, танцует, и так без конца! И я пропал, я сбился с пути, ведь лучше девчонки мне не найти!»

Я принялась подыгрывать ему на фортепьяно, но постоянно сбивалась из-за душившего меня смеха. И вот мы уже орали песню в два горла, нещадно перевирая мелодию. Хотя какая разница, если нам было весело!

– «О, ей не больше семнадцати наверняка, но она уж созрела, если знаешь, о чем это я. Красивей девчонки я не видал, хоть такую всю жизнь, наверно, искал. Смотрел я направо, смотрел я налево, но она моя – бамс! бамс! – королева!»

Я сыграла всю песню до конца, несмотря на то что до сих пор не имела дела с попсой, а исполняла исключительно классику.

– Зачем вам заморачиваться с колледжем? – поддразнила я Бейдена. – Вам надо начать гастролировать.

– Это и есть мой запасной план, если план номер один – стать принцем – провалится. – Бейден был таким естественным, таким простодушным! – И вообще, большое спасибо, что ради меня отложили дела.

– Нет проблем. Хотя сейчас мне и впрямь пора браться за работу.

– Надо же, самое короткое свидание, какое только может быть, – пожаловался он.

– Ну, если бы вы потерпели до вечера, у вас было бы гораздо больше времени.

– Ладно, учту на будущее, – усмехнулся Бейден.

Я опустила крышку фортепьяно, а он убрал гитару в чехол.

– Вы должны научить остальных, – сказала я. – Думаю, им понравится играть.

– Что? На моей гитаре? Нет-нет, ведь она для меня все равно что ребенок! – Он ласково погладил обтрепанный чехол. – Если ее случайно сломают, я просто не переживу. Гитару мне подарил отец. Он заработал на нее тяжелым трудом. И я ее берегу.

– Если честно, у меня та же история с тиарами.

– Ну вы даете! – расхохотался Бейден.

– Что?

Отсмеявшись, Бейден покачал головой:

– Надо же, тиары! Совсем как у настоящей принцессы, а?

– А что, по-вашему, последние восемнадцать лет – всего-навсего розыгрыш?

– Знаете, а мне нравится. Что вы носитесь с тиарами, как я со своей гитарой. Мне нравится, что у вас тоже есть такая вещь, которая только ваша и больше ничья.

Я распахнула дверь, выпроваживая его в коридор.

– И чего же тут странного? Они ведь очень красивые.

– Спасибо, что уделили мне время, – улыбнулся Бейден.

– Вам спасибо. Я получила огромное удовольствие.

Возникла неловкая пауза.

– Ну и что дальше? Обменяемся рукопожатием, обнимемся или как? – поинтересовался Бейден.

– Можете поцеловать мне руку, – предложила я.

– Тогда до следующего раза, – ответил он, приложившись к моему запястью.

Затем он поклонился и направился в свою комнату. Что ж, когда я встречу тетю Мэй, она наверняка скажет: «Вот видишь. А что я тебе говорила?»

Я знала, что буду гвоздем программы «Вести столицы». В принципе, я спокойно произносила речи или делала обзор событий. Но сегодня вечером все должно было быть по-другому. Во-первых, я впервые обращусь к зрительской аудитории после того злополучного парада, а во-вторых, люди непременно захотят узнать о моих взаимоотношениях с Кайлом.

Я решила надеть все красное. Красный цвет придает силы. А еще я зачесала волосы наверх в надежде, что так буду выглядеть взрослее.

Тетя Мэй, державшаяся на заднем плане, весело мне подмигнула. Маме пока было не до меня: она помогала папе завязывать галстук. Неожиданно один из парней громко ойкнул. Обернувшись, я увидела у Алекса в руках какой-то острый предмет, который, судя по всему, бедняге подложили на стул. А в дальнем углу комнаты мне удалось идентифицировать давившегося от смеха Остена.

Студия была забита народом, и мне было крайне некомфортно. Вот почему я буквально подпрыгнула на месте, когда кто-то прошептал мое имя.

– Простите, ваше высочество, – сказал Эрик.

– Не обращайте внимания, я сейчас вся на нервах. Вам помочь?

– Извините за беспокойство, но я не знаю, к кому еще обратиться. Где мне лучше сесть, чтобы было удобнее переводить Генри?

– Боже, как неловко получилось, – сокрушенно покачала я головой. – Ведь я об этом даже не подумала. Ну ладно, следуйте за мной.

Я подвела Эрика к помощнику режиссера, и мы нашли место для Генри на скамье в заднем ряду. Эрика посадили на низкий стульчик рядом с ним, чтобы Генри мог слышать перевод, но при этом сам переводчик в кадр не попадал.

И пока их усаживали, я стояла рядом. Генри в знак благодарности поднял вверх большой палец, а Эрик сказал:

– Еще раз прошу меня извинить. Теперь я буду сразу обращаться к помощнику режиссера.

– Ничего страшного. Все нормально. Я хочу, чтобы вам обоим было комфортно.

Эрик склонил голову и застенчиво улыбнулся:

– Ваше высочество, не стоит обо мне беспокоиться. Я ведь не участник Отбора.

– Идлин! Идлин! Ты где?! – услышала я голос мамы.

Отвернувшись от Эрика, я побежала на мамин зов:

– Ма, я здесь!

Она положила руку на грудь, словно у нее прихватило сердце:

– Я нигде не могла тебя найти. И даже, грешным делом, решила, будто ты ушла в кусты.

– Мамочка, ради бога, успокойся. Я, конечно, не идеальна, но трусихой меня тоже не назовешь.

Гостями сегодняшней программы «Вести» были в основном женщины. Мама сделала обзор программы помощи на уровне провинций и призвала следовать примеру трех северных провинций, которые занимаются обеспечением бездомных продуктами питания, а также проведением бесплатных занятий по финансовому администрированию и навыкам интервьюирования. Леди Брайс рассказала о проекте глубокого бурения, который затронет в первую очередь бóльшую часть центральной Иллеа, а в будущем и всю страну, причем шесть центральных провинций должны будут одобрить, исключительно путем голосования, реализацию данного плана.

Затем на сцену, как всегда стремительно, пружинистым шагом поднялся Гаврил. Это уже был пятый Отбор, проходивший на глазах у всей страны, и третий на памяти Гаврила. Мы знали, что после окончания Отбора Гаврил собирается уйти в отставку, но ему явно хотелось напоследок услужить королевской семье.

– Дамы и господа, мы, естественно, собираемся посвятить бóльшую часть эфирного времени этим очаровательным молодым людям – участникам Отбора. А теперь давайте поприветствуем некоторых из них.

Гаврил прошел по сцене, явно выискивая кого-то конкретного. Неужели он, так же как я, мучился, запоминая имена кандидатов?

– Сэр Харрисон, – начал Гаврил, останавливаясь перед симпатичным парнем с темно-русыми волосами и ямочками на щеках.

– Очень приятно, – ответил парень.

– Ну и как, вам нравится у нас во дворце?

– Здесь очень красиво, – просиял Харрисон. – Мне всегда хотелось побывать в Анджелесе, и приезд сюда уже праздник.

– А с какими трудностями вам пришлось столкнуться? – бросил пробный камень Гаврил.

– Если честно, я боялся, что придется с утра до вечера бороться за внимание принцессы, – кивнул на меня Харрисон, и я тут же изобразила сладкую улыбку. – Но все Избранные оказались отличными ребятами.

Гаврил передал микрофон парню, сидевшему рядом с Харрисоном.

– А как насчет вас? И сделайте одолжение, напомните нам, пожалуйста, свое имя.

– Меня зовут Фокс. Фокс Уэсли. – Фокс выглядел загорелым, но, в отличие от меня, его кожа явно не была смуглой от природы. Должно быть, проводит много времени на свежем воздухе. – По правде говоря – и думаю, здесь я не одинок, – самое тяжелое испытание для меня – завтраки и обеды. Каждому из нас сервируют не меньше десятка разных вилок.

Кто-то в зале хихикнул, а Гаврил глубокомысленно кивнул:

– И вы наверняка задаетесь вопросом, где же они хранят столько столовых приборов, да?

– С ума можно сойти, – пробормотал парень за спиной у Фокса.

– Сэр Айван, если не ошибаюсь? – Гаврил сунул ему под нос микрофон.

– Да, сэр. Рад познакомиться.

– Взаимно. А как вы справляетесь во время приема пищи?

Айван вытянул вперед руки:

– Ну, у меня есть свой метод. Я использую для каждого кусочка отдельную вилку, а затем складываю их в кучу посреди стола. Действует безотказно.

Зал разразился гомерическим смехом, а Гаврил отошел в сторонку и повернулся к камерам:

– Не приходится сомневаться, что ребята у нас подобрались на редкость занятные. Что ж, тогда почему бы нам не улучить минутку и не поговорить с молодой леди, которой придется, так или иначе, сузить их круг до одного человека? Дамы и господа, ее королевское высочество принцесса Идлин Шрив!

– Сделай их, – прошептал мне Арен, когда я поднялась, чтобы подойти к микрофону.

– Мне, как всегда, очень приятно видеть вас, ваше высочество, – начал Гаврил, дождавшись, когда я сяду в кресло напротив него в центре сцены.

– Взаимно, Гаврил.

– Ну, вот и пролетела неделя Отбора, который впервые за всю историю нашей страны проводит женщина. И как, на ваш взгляд, идут дела?

Я наградила его рекламной улыбкой:

– Полагаю, все идет отлично. Конечно, у меня по-прежнему полно работы, поэтому старт был взят не слишком быстрый.

Гаврил обернулся на сидевших на сцене парней:

– Судя по сильно поредевшим рядам кандидатов, я не рискнул бы назвать ваш старт не слишком быстрым.

Я хихикнула, похлопав ресницами:

– Ну да, треть приглашенных во дворец джентльменов пришлось отсеять. Я доверяю своей интуиции. Более того, я основывалась на впечатлениях от первой встречи и полученной информации, а потому не сомневаюсь, что сделала правильный выбор.

Гаврил удивленно склонил голову:

– Похоже, вы больше доверяете разуму, нежели чувствам.

Казалось, еще немного – и я предательски покраснею. Не знаю, удалось ли мне сохранить невозмутимый вид, но меня явно бросило в жар.

– Неужели вы думаете, что можно влюбиться сразу в тридцать пять молодых людей?

Гаврил поднял брови:

– Ну, если вы так ставите вопрос…

– Именно так. У меня только одно сердце, и я берегу его для своего единственного.

Я услышала со всех сторон тяжелые вздохи и поняла, что, кажется, вышла сухой из воды. Интересно, и сколько еще ролей мне придется разыгрывать в предстоящие несколько месяцев для развлечения публики, которую надо держать на крючке? Но тут до меня дошло, что сказанные мною слова не были приготовлены заранее. Они шли от всей души и вырвались случайно.

– Насколько я знаю, однажды вы все-таки позволили сердцу взять верх над разумом, – многозначительно произнес Гаврил. – И в качестве доказательства я могу предъявить вот этот снимок.

На экране появилась гигантская фотография нас с Кайлом. Все в студии сразу оживились и зааплодировали.

– А нельзя ли попросить его выйти к нам на секундочку? Где там у нас сэр Кайл?

Кайл вскочил со своего места и занял стул рядом со мной.

– Что ж, я оказался в крайне непривычной для себя ситуации, – начал Гаврил, – поскольку знаю вас обоих с самого рождения.

– Надо же, у нас с вами мысли сходятся, – рассмеялся Кайл. – Мама рассказывала мне, что как-то раз в раннем детстве я забрался на съемочную площадку, и вам до окончания передачи пришлось держать меня на руках.

– Было дело! – округлил глаза Гаврил. – А я-то, старый дурень, запамятовал!

Я посмотрела на Кайла. Какая смешная история! Должно быть, это случилось еще до моего рождения.

– Итак, судя по снимкам, со временем детская дружба, возможно, переросла в нечто большее? – продолжил допрос Гаврил.

Кайл осторожно покосился на меня, но я энергично затрясла головой. Нет, ни за какие коврижки я не стану первой говорить на эту тему!

Тогда Кайл наконец сдался:

– Положа руку на сердце, я никогда даже не рассматривал такой возможности, пока судьба буквально насильно не свела нас вместе.

Обе наши семьи разразились смехом.

– Хотя если бы Кайл в свое время догадался постричься, то я бы еще подумала, – пошутила я.

Гаврил осуждающе покачал головой:

– Итак, все здесь умирают от желания узнать, что вы можете сказать по поводу того приснопамятного поцелуя.

Да, я знала, что чему быть, того не миновать, и тем не менее была просто убита. Оправдались мои худшие ожидания. И вся моя личная жизнь была выставлена сейчас напоказ.

К счастью, на вопрос ответил Кайл:

– Полагаю, я могу смело ответить за нас обоих, заявив, что это стало большой неожиданностью. И хотя лично у меня остались весьма приятные впечатления, не думаю, что следует придавать происшедшему слишком большое значение. Одним словом, я хочу сказать, что каждый из этих достойных парней способен стать замечательным принцем.

– Да неужели? А вы, принцесса, согласны с мнением Кайла? И встречались ли вы на этой неделе с кем-нибудь еще с глазу на глаз?

До меня не сразу дошел вопрос Гаврила, поскольку я пыталась переварить заявление Кайла. Неужели Кайл говорил искренне? Неужели он вообще ничего не почувствовал? Или он просто хотел избежать вмешательства в нашу личную жизнь?

Включившись наконец в разговор, я энергично кивнула:

– Да, пару раз.

– И?.. – выразительно посмотрел на меня Гаврил.

– Ну, все мальчики оказались на редкость милыми. – Во-первых, я была не в настроении делиться подробностями, а во-вторых, поняла, особенно после слов Кайла, что прямой эфир не место для откровений.

– Хм… – повернувшись к Избранным, задумчиво протянул Гаврил. – Возможно, нам удастся получить чуть-чуть больше информации у джентльменов, о которых только что шла речь? Сэр Кайл, можете занять свое место. Ну-с, и где же наши счастливчики?

И тут Бейден поднял руку, а за ним – Хейл.

– Спускайтесь сюда, джентльмены.

Гаврил громко зааплодировал, зал его охотно поддержал. Хейл с Бейденом вышли на авансцену, и туда принесли еще один стул. И хотя я всегда считала себя достаточно смышленой, теперь не знала, как дать им понять, чтобы держали язык за зубами.

И только сейчас, в этот щекотливый момент, я смогла по достоинству оценить дипломатичность Кайла. Вот что значит быть знакомым с человеком целую вечность!

– Итак, как вас зовут, сэр? – спросил Гаврил.

– Хейл Гарнер. – Хейл поправил галстук, который и так был в полном порядке.

– Ах да. Ну и что вы можете нам рассказать о вашем свидании с принцессой?

Хейл смущенно улыбнулся мне и повернулся к Гаврилу:

– Я могу только сказать, что наша принцесса – очень умная и хорошо воспитанная юная леди, в чем, собственно, я и не сомневался. Хм… В принципе, у нас с ней имеется много общего. Мы оба старшие дети в семье, да и потом мне было интересно беседовать о моей работе портного с такой хорошо одетой молодой леди. Словом, я хочу сказать, что она выглядит на миллион баксов. – (Я опустила голову. Конечно, не мешало бы обратить его комплимент в шутку, но сейчас я была на таком хорошем взводе, что уже ходов не писала.) – Надеюсь, вы меня простите, если остальные подробности я оставлю при себе, – добавил Хейл.

Гаврил сделал удивленное лицо:

– Вы что, не собираетесь нам ничего рассказать?

– Видите ли, свидания и любовные отношения – вещи сугубо личные. И по-моему, несколько странно сообщать об этом всему миру.

– Что ж, надеюсь, следующий джентльмен окажется более разговорчивым, – повернувшись к камерам, игриво произнес Гаврил. – Будьте добры, напомните нам ваше имя.

– Бейден Трейнс.

– Ну так и чем вы занимались наедине с принцессой?

– Музицировали. Принцесса Идлин такая же талантливая пианистка, как и ее мать.

Я услышала, как мама у меня за спиной тихо ахнула.

– И?..

– И она прелестно танцует, даже когда сидит на месте. К вашему сведению, принцесса здорово разбирается в современной музыке. – Бейден рассмеялся, и аудитория его охотно поддержала.

– И?.. – не сдавался Гаврил.

– И я поцеловал ей руку… Хотя в будущем, надеюсь, будут совсем другие поцелуи.

Мне хотелось умереть. Непонятно почему, но от разговоров Бейдена о поцелуях мне стало значительно более неловко, чем от обсуждения романтической встречи с Кайлом.

Зал оживленно загудел, а Гаврил явно решил выжать из ситуации максимум возможного. Но никаких пикантных моментов во время свидания с Бейденом больше не было, а тему нашего с Кайлом шокирующего поведения Гаврил, увы, уже исчерпал.

– Гаврил, по-моему, у вас очень разочарованный вид, – решила подыграть я ему.

Он забавно выпятил губы и с чувством произнес:

– Просто я переживаю за вас, ваше высочество, и хочу быть в курсе происходящего. Более того, я не сомневаюсь, что миллионы наших телезрителей в этом со мной солидарны.

– Не стоит так уж сильно беспокоиться. Хочу с радостью сообщить вам и нашим дорогим телезрителям, что завтра я устраиваю скромный прием для Избранных и придворных. Все мероприятие будет сниматься на камеры, поэтому каждый сможет заглянуть, так сказать, на кухню нашего Отбора.

Зал взорвался аплодисментами. А Джози чуть было не выпрыгнула от восторга из кресла.

Гаврил отправил парней на место и буквально засыпал меня вопросами:

– Ваше высочество, а какой именно прием вы планируете?

– Он будет проходить в саду, где мы сможем насладиться солнечной погодой, ну и конечно, познакомиться друг с другом поближе.

– Звучит очень заманчиво. Прекрасная возможность расслабиться.

– Вы абсолютно правы. Все именно так, за исключением одной крошечной детали, – добавила я, взмахнув рукой.

– И какой же?

– После приема состоится очередной отсев.

По залу пробежал тихий ропот. Не знаю, что подумали обо мне телезрители, но парни уж точно весь вечер будут гадать, кто станет первым кандидатом на вылет.

Я продолжила, и в студии стало тихо.

– Возможно, это будет один человек, а возможно – трое… Поживем – увидим. – Я повернулась к Избранным и сказала: – Итак, джентльмены, готовьтесь.

– Ну что ж, я горю желанием узнать, как все обернется. Не сомневаюсь, это будет грандиозный прием. А теперь, если можно, заключительный вопрос.

Я выпрямилась в кресле:

– Валяйте.

– А какие качества вы хотите найти у вашего будущего мужа?

Какие качества? Главное, чтобы он не ограничивал моей свободы, чтобы жить в мире и согласии… и по возможности счастливо. Раньше я считала именно так, но только до тех пор, пока Арен не заронил в мою душу зерно сомнения.

– По-моему, любой человек сможет понять, что именно он искал, лишь тогда, когда это найдет, – передернула я плечами.

Глава 17

И как это Джози удалось добраться до одной из моих тиар? Я с трудом сдержалась, чтобы не сорвать тиару с ее головы. Эта несносная девчонка собиралась дефилировать перед кинокамерами в своем лучшем платье и моей тиаре, делая вид, причем уже не в первый раз, будто она принадлежит к королевской семье.

Я приветливо улыбалась гостям, но ни с кем не разговаривала, пока не нашла Кайла, рядом с которым снова увидела Генри. Лениво потягивая чай со льдом, Кайл следил за игрой в бадминтон.

– Добрый вам день, ваше высочество, – поклонился Генри; благодаря сильному акценту его слова прозвучали как-то особенно жизнерадостно.

– Здравствуйте, Генри. Кайл!

– Привет, Идлин.

Возможно, мне почудилось, что в голосе Кайла появились новые нотки, и, наверное, впервые в жизни мне захотелось, чтобы он продолжал говорить. Я покачала головой, пытаясь сосредоточиться.

– Кайл, будь любезен, поговори со своей сестрой.

У Кайла сразу же вытянулось лицо.

– Зачем? Что еще она натворила?

– Она опять взяла одну из моих тиар.

– Но у тебя их не меньше тысячи, разве нет?

– Не в этом дело, – фыркнула я. – Тиара моя, и твоя сестра не имеет права ее носить. Когда она разгуливает в ней, то создается впечатление, будто она член королевской семьи, что не соответствует действительности. Такое поведение просто неприлично. Сделай одолжение, проведи с ней беседу.

– Интересно, и с каких это пор я стал человеком, обязанным делать тебе одолжения?

Я опасливо покосилась на Генри с Эриком, ни сном ни духом не ведавших о нашей договоренности насчет поцелуя. Но они, похоже, так толком ничего и не поняли.

– Ну пожалуйста! – понизив голос, попросила я.

Выражение его глаз смягчилось, и он снова стал походить на того милого и занятного парня, каким был тогда в своей комнате.

– Ладно. Но учти, Джози просто любит быть в центре внимания. Не думаю, что она сделала это чисто из вредности.

– Спасибо.

– Ну, я пошел. Скоро вернусь.

Кайл ушел, а Эрик более-менее ввел в курс дела Генри.

Тогда Генри откашлялся и заговорил, заканчивая слова на непривычно высокой ноте:

– Как поживаете, ваше высочество?

Я не знала, следует ли мне общаться с Генри через переводчика или без помощи последнего. И я выбрала второй вариант.

– Прекрасно. А вы?

– Хорошо, хорошо, – жизнерадостно ответил Генри. – Я получать большое удовольствие… э-э-э… – Повернувшись к Эрику, Генри донес до него свою мысль.

– Он считает вечеринку грандиозной, и вообще, ему приятно оказаться в такой компании.

Уж не знаю, кого он имел в виду – меня или Кайла, – но в любом случае очень мило с его стороны.

– И как давно вы переехали к нам из Свендвея?

Генри охотно кивал, словно подтверждая, что да-да, он из Свендвея, но на вопрос так и не ответил. Эрик что-то прошептал ему на ухо, Генри разразился длинной тирадой, которую Эрик потом перевел мне:

– Генри эмигрировал в Иллеа в прошлом году, когда ему было семнадцать лет. Он из семьи поваров, и здесь он тоже занимается стряпней. Его семья готовит блюда национальной кухни и общается в основном с теми, кто также прибыл из Свендвея и говорит преимущественно по-фински. У него есть младшая сестра, которая усердно совершенствует свой английский, но язык этот слишком трудный.

– Ух ты! – сказала я Эрику. – Сколько вам приходится запоминать!

– Я стараюсь, – махнул он рукой.

Да уж, работа у Эрика явно не из легких, и его скромность меня приятно удивила. Затем я повернулась к Генри:

– Скоро нам предстоит провести какое-то время вдвоем. В более непринужденной обстановке.

Эрик перевел мои слова Генри, и тот радостно закивал:

– Да, да!

– Ну, тогда до скорого, – хихикнула я.

На лужайке собрались все обитатели дворца. Генерал Леджер, стоявший под ручку с мисс Люси, беседовал у фонтана с компанией Избранных, а папа обходил гостей, время от времени похлопывая кого-то по спине и здороваясь. Мама сидела в кресле под зонтиком в окружении парней, и я не знала, радоваться мне этому или нет.

Восхитительная вечеринка. Гости играли в игры, столы ломились от угощения, струнный квартет под тентом ласкал слух чарующей музыкой. Все это великолепие снималось на камеру, и я надеялась, что теперь люди уж точно успокоятся. Поскольку я понятия не имела, появился ли у папы наконец план по наведению порядка в стране.

Но сейчас надо было думать о другом. Как ни крути, а придется сегодня отсеять хотя бы одного претендента, причем постараться сделать так, чтобы все выглядело вполне достоверно.

И тут ко мне незаметно подошел Кайл:

– Вот, получай. – В руках он держал мою тиару.

– Поверить не могу, что твоя сестрица так легко сдалась!

– Мне, конечно, пришлось потратить какое-то время на убеждение, но я сказал, что если она устроит сцену на сегодняшнем мероприятии, то на следующее мама ее просто-напросто не пустит. И этого оказалось достаточно, чтобы она сняла чертову тиару. Вот, возьми.

– Я не могу, – ответила я, спрятав руки за спину.

– Но ты же сама просила! – возмутился Кайл.

– Мне просто неприятно было видеть на твоей сестре свою тиару, но не могу же я таскать ее с собой. У меня и без того есть чем заняться.

Кайл раздраженно переминался с ноги на ногу. В глубине души мне было даже приятно, что я сумела довести его до белого каления.

– Так мне что, теперь до конца дня таскаться с ней?

– Ну почему же до конца дня? Только до тех пор, пока мы не вернемся во дворец, а там я ее заберу.

– Нет, ты просто невероятная девушка, – покачал головой Кайл.

– Не шуми. Иди отрывайся на полную катушку. Хотя нет, постой, надо срочно снять вот этот галстук.

– А что не так с моим галстуком? – удивился Кайл, когда я начала развязывать узел.

– Все. С ним все не так. И вообще, я уверена, что если мы его сожжем, то наступит мир на земле. Вот теперь гораздо лучше. – Я сунула скомканный галстук Кайлу в руку и, выхватив у него из другой руки тиару, водрузила ему на голову. – А тебе идет!

Кайл хмыкнул, бросив на меня озорной взгляд:

– Что ж, раз ты сейчас категорически отказываешься брать свою тиару, может, я смогу вернуть тебе ее сегодня вечером? Если хочешь, можем встретиться у дверей твоей комнаты. – Кайл прикусил губу, что внезапно напомнило мне о вкусе его поцелуев.

Я нервно сглотнула, сразу поняв намек.

– Вот и прекрасно, – покраснев, ответила я. – Часов в девять, а?

– Значит, в девять, – подтвердил Кайл и растворился в толпе.

Очень странно. Ведь во время эфира «Вестей» он был таким сдержанным. Я задумчиво нахмурила лоб. А что, если он просто хочет приятно провести время за поцелуями? А что, если он с семи лет был тайно в меня влюблен и только теперь собрался с духом, чтобы перестать меня дразнить и открыто признаться в своих чувствах? А что, если…

Но тут ко мне подошел Ин и галантно взял меня под руку.

– Ой! – вырвалось у меня.

– У вас расстроенный вид. Уж не знаю, чем вас так огорчил этот глупый мальчишка, но мой вам совет: не берите в голову.

– Сэр Ин. – Его хладнокровие определенно произвело на меня впечатление. – Что я могу для вас сделать?

– Согласиться немного прогуляться со мной. Мне так до сих пор и не представилось шанса пообщаться с вами наедине.

Его волосы цвета карамели золотились на солнце, костюм на нем смотрелся элегантнее, чем на других, хотя, конечно, и не так элегантно, как на Хейле. Правда, некоторые мужчины вообще не умеют носить костюмы.

– Ну вот мы и наедине. Так о чем вы хотели бы поговорить?

– О вас, например, – ухмыльнулся он. – Я всегда считал вас очень независимой личностью, и мне показалось странным, что в таком юном возрасте вы вдруг решили искать себе мужа. Если судить по вашим выступлениям в «Вестях» и передачах о вашей семье, то вполне можно было бы решить, что с замужеством вы торопиться не станете.

Значит, он догадался. Его оценка была на редкость трезвой. Значит, он понял, что наш Отбор – просто шоу.

– Вы правы. Я действительно планировала немного подождать с замужеством. Но, видя, как счастливы в браке мои родители, решила попробовать.

Ин пристально посмотрел на меня:

– И вы искренне верите, будто один из этих кандидатов может стать вам достойным спутником жизни?

Я удивленно подняла брови:

– Неужели вы о себе такого невысокого мнения?

Он внезапно остановился и повернулся ко мне лицом:

– Нет, хотя о вас я действительно очень высокого мнения. И мне больно видеть, как вы, еще даже толком не начав жить, стремитесь связать себя брачными узами.

Невероятно, что посторонний человек смог проникнуть в тайны моей души, ведь я привыкла прятать от всех свои мысли и чувства. Неужели Ин все эти годы пристально следил за мной?

– Люди меняются, – решила напустить я туману.

– Полагаю, вы правы, – кивнул он. – Но если вы вдруг почувствуете… что это соревнование засасывает вас, как болото, только позовите – и я с радостью приду вам на помощь.

– Ну и в чем именно будет состоять ваша помощь?

Ин галантно проводил меня к гостям:

– Думаю, нам стоит оставить этот разговор на следующий раз. Но я всегда к вашим услугам, ваше высочество!

Он проникновенно заглянул мне в глаза, словно рассчитывая таким образом узнать все мои секреты. И когда он наконец отвел от меня свой гипнотический взгляд, я вдруг почувствовала, что мне не хватает воздуха.

– Чудесный день, – произнес кто-то прямо над ухом.

Передо мной стоял один из Избранных. Но я напрочь забыла его имя.

– Да, действительно. Ну и как вам здесь? Хорошо проводите время? – Боже, и как все-таки его зовут?!

– Замечательно. – У него было дружелюбное выражение лица и очень теплый голос. – И я только что выиграл партию в крокет. Вам нравится эта игра?

– Да, вполне. – Интересно, как бы ненавязчиво выяснить? – А дома вы тоже играете в крокет?

– Нет. Практически никогда. У нас в Уайтсе в основном распространены зимние виды спорта.

Ага, значит, он из Уайтса… Нет, все равно не помню.

– Если честно, то я домоседка, – призналась я.

– Ну, тогда вам точно понравится в Уайтсе, – рассмеялся он. – Там я выхожу на улицу только в случае крайней необходимости.

– Прошу прощения. – (Так, в нашей компании появился третий лишний. Хотя его я как раз знала.) – Извините, ваше высочество, но не уделите ли вы мне секундочку вашего драгоценного времени?

– Конечно, Холден. – Я взяла его под руку и, повернувшись к мальчику из Уайтса, который казался совершенно раздавленным, добавила: – Было очень приятно поболтать.

– Надеюсь, это не было слишком грубо с моей стороны, – сказал Холден, когда мы отошли подальше.

– Ни капельки.

Мы медленно шли по саду, и он, как ни странно, чувствовал себя вполне непринужденно, словно ему не впервой было прогуливаться под ручку с принцессой.

– Но я вовсе не собираюсь вас задерживать. Я только хотел сказать вам, что меня восхитило то, как вы в прошлый раз отсеяли лишних парней.

– Да неужели? – искренне удивилась я.

– Истинная правда! Меня всегда восхищали женщины, твердо знающие, чего хотят, да и вообще, мне нравится ваша напористость. Моя мама возглавляет лабораторию в Банкстоне. Я хорошо понимаю, как тяжело руководить даже такой маленькой организацией, а ведь вам приходится рулить целой страной. Но вы прекрасно справляетесь. Мне нравится все, что вы делаете. Я просто хочу, чтобы вы знали.

– Спасибо, Холден, – сказала я.

Он кивнул, а я пошла прочь в глубокой задумчивости.

Этот случай в очередной раз подтвердил то, в чем я и так не сомневалась: если я буду слишком обходительной и любезной, меня никто не воспримет всерьез. И вообще, если бы я гладила парней по головке и нежно их обнимала, стал бы Холден так страстно мной восхищаться? Все дело в том…

– Ой! – Неожиданно я в кого-то врезалась и непременно шлепнулась бы, если бы меня вовремя не подхватила пара сильных мужских рук.

– Ваше высочество. – Хейл помог мне устоять на ногах. – Простите. Я вас не заметил.

Услышав неподалеку щелчок камеры, я срочно растянула губы в приветливой улыбке.

– Смейтесь, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

– А?

– Помогите мне подняться и весело улыбнитесь. – Я заливисто рассмеялась, а Хейл после небольшой паузы пару раз мне подхихикнул.

– Ну и что это было? – Он по-прежнему продолжал улыбаться.

Я одернула платье и объяснила:

– Мы сейчас под прицелом у целой съемочной бригады.

Он принялся крутить головой.

– Не смейте! – одернула я Хейла, и он тут же повернулся ко мне:

– Ух ты! Вы что, всегда начеку?

На сей раз мой смех был вполне искренним.

– В основном да.

Его улыбка сразу увяла.

– Вот, значит, почему вы так стремительно убежали прошлым вечером?

Я сделала скорбное лицо:

– Простите. Я неважно себя чувствовала.

– Ага. Сперва убегаете, а потом пудрите мне мозги, – сокрушенно покачал он головой.

– Нет.

– Идлин, – прошептал он, – поймите, мне ведь тоже пришлось очень нелегко. Не слишком приятно говорить о смерти отца, о денежных затруднениях матери, которой даже пришлось устроиться на работу, о потере статуса. Подобными вещами трудно делиться. Но когда мы заговорили о вас, вы тотчас же меня покинули.

И в этот момент у меня снова возникло странное, необъяснимое, острое чувство незащищенности.

– Хейл, примите мои искренние извинения.

Он внимательно вгляделся в мое лицо.

– Я не слишком верю в вашу искренность, – произнес он, и я нервно сглотнула. – Но вы мне все равно нравитесь. Так что, когда будете готовы к разговору – настоящему разговору, – я к вашим услугам. Если вы, конечно, недрогнувшей рукой не прогоните меня прочь, как тех бедолаг.

– Не думаю, что такой масштабный отсев повторится еще раз, – звонко, но не слишком искренне рассмеялась я.

– Будем надеяться. – Хейл окинул меня пристальным взглядом, казалось проникавшим в самые потаенные уголки моей души. – Рад, что вам удалось не испачкать платье. Хорошее платье, было бы жаль.

Он повернулся, чтобы уйти, но я схватила его за рукав:

– Эй! Спасибо вам. За сдержанность во время интервью для «Вестей».

– Удивлять каждый день. Надеюсь, вы не забыли? – ухмыльнулся он.

Глава 18

– Прекрасно, ваше высочество, все готово.

Девушка-визажист в последний раз проверила мой макияж, а я выпрямилась, перебирая в уме имена. Я кивнула, огонек кинокамеры загорелся красным, съемка началась.

– Вы уже видели шикарный прием с чаепитием и умопомрачительными туалетами, а также слышали об изысканной еде. Ну и кого, по вашему мнению, следует отсеять? Да, сэр Кайл, конечно, смотрелся не слишком мужественно в моей тиаре, а сэр Хейл свалил меня с ног… в прямом смысле слова, – добавила я с широкой ухмылкой, – но двое Избранных, которые, увы, должны покинуть нас сегодня, – это Кесли Тимбер из Уайтса и Холден Мессинджер из Банкстона. Ну и как, надеюсь, вам еще не наскучило сидеть у телевизоров? Небось умираете от желания узнать побольше об оставшихся претендентах? Изголодались по новостям об Отборе? Тогда настраивайте телевизоры каждую пятницу на «Вести столицы», и вы получите свежий отчет об Отборе от меня лично и участвующих в нем джентльменов. Ну и конечно, не пропустите посвященные Отбору эксклюзивные программы на Общественном канале. – Я еще на несколько секунд задержала улыбку.

– Снято! – крикнул режиссер. – Отлично. По-моему, все идеально, но давайте для надежности сделаем еще один дубль.

– Конечно. И когда это выйдет в эфир?

– Мы смонтируем материал о сегодняшнем приеме в саду, а в понедельник это пойдет в эфир.

– Здорово, – кивнула я. – Ну что, повторим?

– Да, ваше высочество. Если не возражаете.

Я прочистила горло и, мысленно повторив свою речь, приняла прежнюю позу.

В десять минут десятого я услышала стук в дверь и побежала открывать. Кайл стоял, прислонившись к дверному косяку, в руках у него была моя тиара.

– Насколько мне известно, принцесса, кажется, что-то искала, – шутливо сказал он.

– Ладно, входи давай, неудачник.

Он вошел в мою комнату, озираясь по сторонам, словно за сутки я успела полностью изменить дизайн.

– Ну так что, меня отсеивают или нет?

– И не надейся, – ухмыльнулась я. – Это Кесли и Холден. Но только не проболтайся. Я не могу отослать их прочь до выхода репортажа о вечеринке в саду.

– Нет проблем. В любом случае они со мной не общаются, – заявил Кайл, вручая мне тиару.

– Неужели? – удивилась я.

– По-моему, они считают, будто я не имею права участвовать в Отборе. А после нашего поцелуя эти ребята совсем озверели.

Я положила тиару на полку к остальным.

– Ну, значит, я все сделала правильно. Туда им и дорога.

– Кстати, у меня для тебя еще один подарок.

– Обожаю подарки!

– Правда, я сомневаюсь, что он тебе понравится. – Сунув руку в карман, Кайл вытащил тряпку, которая некогда была его галстуком. – Если у тебя вдруг выдастся тяжелый день, отнеси мой галстук в сад и сожги. Словом, направь свою агрессию на нечто неодушевленное. Не способное плакать. В отличие от Лиланда.

– Я вовсе не хотела, чтобы он плакал.

– Кто бы сомневался!

Улыбнувшись, я взяла из рук Кайла злополучный галстук:

– Мне нравится твой подарок. Теперь я уверена, что ни один человек в здравом уме и твердой памяти его в жизни не наденет.

Кайл скупо улыбнулся – и я вдруг на минуту забыла обо всем. А что, если никакого Отбора нет и мне всего-навсего приснился страшный сон? И я просто девушка наедине с парнем? Причем я твердо знала, чего хочу от этого парня.

Выронив галстук, я положила руку Кайлу на грудь:

– Кайл Вудворк, ты хочешь меня поцеловать?

– Надо же, а прикидывалась такой скромницей! – присвистнул он.

– Прекрати. Так да или нет?

Он надул губы с таким видом, будто пребывает в глубокой задумчивости.

– Ладно, если уж ты так хочешь.

– Только заруби себе на носу: мои поцелуи еще не означают, что ты мне нравишься и я готова выйти за тебя замуж.

– Слава богу! Значит, договорились.

– Хороший ответ.

Запустив руки ему в волосы, я притянула его к себе, и уже через мгновение он обнимал меня за талию. Отличное завершение трудного дня. Поцелуи Кайла были нежными и чувственными, и я сразу потеряла голову.

Затем мы, не разжимая объятий, со смехом рухнули на постель.

– Ведь когда ты назвала мое имя, я даже представить себе не мог, что буду тебя целовать.

– А я даже представить себе не могла, что ты такой спец в этом деле.

– Ну, у меня ведь была какая-никакая, но все же практика, – лукаво ухмыльнулся Кайл.

– И кто же та счастливица, которую ты целовал? – полюбопытствовала я.

– Помнишь, у нас в августе, еще до моего отъезда, гостила семья из Италии? Так вот, это Катерина.

– Что, как ни странно, меня нисколечко не удивляет.

Однако Кайл был явно не из тех, кого легко смутить.

– Ну что мне тебе на это сказать? На редкость приятная семья. Очень дружелюбная, – равнодушно пожал он плечами.

– Да уж, дружелюбная, – сделала я круглые глаза. – Лучшего слова и не подберешь.

– А как насчет тебя?

– Поинтересуйся у Арена. Хотя, думаю, все и так в курсе.

– Лерон Тройес?

– Ты откуда знаешь?

И мы снова покатились от хохота. Я крутила пуговицу на его рубашке, а он между поцелуями играл с локоном моих волос. И весь мир вдруг перестал для меня существовать. Были только я и Кайл.

– Никогда не видел тебя такой, – задумчиво произнес Кайл. – Вот уж не ожидал, что тебя так легко рассмешить.

– Вовсе не легко. Просто ты сегодня в очень хорошей форме.

Обняв меня одной рукой, Кайл приблизил ко мне свое лицо:

– Как ты себя чувствуешь? Я ведь понимаю, что тебе сейчас несладко приходится.

– Не надо, – прошептала я.

– Чего не надо?

– Не надо все портить. Мне, конечно, приятно твое общество, но разговоры в пользу бедных – уже явно лишнее. Так что одно из двух. Или ты продолжаешь меня целовать, желательно молча, или уходишь.

Кайл перекатился на спину и на секунду притих.

– Извини. Я просто хотел поговорить.

– Вот и говори себе на здоровье. Но только не о себе, только не обо мне и, естественно, не о нас обоих.

– Мне почему-то кажется, что ты очень одинока. И как, скажи на милость, ты справляешься со всеми проблемами?

Тяжело дыша, я встала на ноги и заставила подняться Кайла.

– Если мне нужен совет, я обращусь за ним к родителям. Если нужно поплакаться в жилетку, у меня есть Арен. И сейчас я только начала расслабляться, как ты, со своими дурацкими расспросами, все испортил. – Я развернула его к двери и подтолкнула вперед.

– Неужели ты не понимаешь, что это ненормально?!

– А ты у нас что, образец благоразумия? До сих пор не можешь оторваться от мамочкиной юбки!

Кайл резко развернулся, смерив меня странным взглядом. Мне показалось, будто его гнев, словно в зеркале, отразился на моем лице. Я испугалась, что он сейчас, точно в нашем далеком детстве, снова начнет меня отчитывать. Но его глаза неожиданно потеплели, и не успела я опомниться, как он обхватил меня за шею и притянул к себе.

Он жадно впился в меня губами, и в моей душе мгновенно возникла целая гамма противоречивых чувств. Я ненавидела и одновременно безумно любила Кайла. Хотя сейчас я была способна думать лишь о том, что в его сильных руках я ощущала себя хрупкой фарфоровой статуэткой. Тем временем Кайл немного умерил пыл, его поцелуи сделались менее жаркими, но более нежными, почти щекочущими.

Оторвавшись наконец от моих губ, Кайл принялся рассеянно гладить мои волосы кончиками пальцев.

– Ты избалованная и несносная девчонка… Но я буду всегда рядом с тобой. – Он поцеловал меня на прощание и поспешно ушел.

Я растерянно озирала комнату, чувствуя, как кружится голова. И зачем ему моя откровенность, если он меня терпеть не может? Да и вообще, он мне тоже ни капельки не нравится! Иногда он становится таким же невыносимым, как и его сестра Джози.

Когда я подошла к гардеробной, чтобы подготовиться ко сну, то неожиданно обнаружила на полу смятый галстук. Что ж, я окажу всем большую услугу, если незамедлительно выкину его.

А возможно, действительно подожгу этот дурацкий галстук, когда у меня выдастся особенно трудный день. А сейчас, пожалуй, уберу его в ящик.

На следующее утро я проснулась с больной головой. Я по-прежнему пыталась понять, какую цель преследовал прошлым вечером Кайл. Более того, меня обуревали те же чувства, что и во время свидания с Хейлом, когда тот перешел на личности. Кайл и Хейл были полными противоположностями, причем один знал меня лучше, другой – хуже, однако оба они достаточно быстро нащупали мою ахиллесову пяту. Неужели все мальчишки такие? И неужели все мальчишки пользуются этим секретным оружием?

– Нина! – Я провела щеткой по волосам, безуспешно пытаясь привести их в порядок.

Тем временем моя служанка вошла в ванную комнату, всю в клубах пара, и подняла с пола брошенную мной пижаму.

– Да, ваше высочество? – Нина поймала в зеркале мой взгляд.

– Мы, кажется, очень давно не говорили о твоем женихе. Напомни его имя.

Нина расплылась в счастливой улыбке:

– Марк. А почему вы спрашиваете?

– Меня окружает слишком много парней. И мне интересно, каково это – иметь дело только с одним.

– Ну, найти своего единственного, который любит только тебя, – это как подарок судьбы, – заразительно улыбнулась Нина. – У Марка все хорошо. Он поступил в университет и теперь с головой окунулся в учебу. Но пару раз в неделю обязательно звонит. Маловато, конечно, но мы оба сейчас очень заняты.

– Конечно, ведь меня необходимо постоянно контролировать, – подмигнула я.

– Аминь.

– А он не возражает? Ну, словом, что ты так далеко от него и у тебя нет на него времени.

Нина расправила перекинутую через руку одежду.

– Да нет. У него ужасно сложная программа обучения, так что это сейчас даже к лучшему.

– Ой как интересно! А что он изучает?

– Марк – химик.

У меня глаза полезли на лоб.

– Бывает же такое! Совсем разные сферы деятельности.

– В стране, слава богу, больше нет каст, ваше высочество, – нахмурилась Нина. – Люди вольны встречаться и сочетаться браком с кем захотят.

Я отвернулась от зеркала и посмотрела ей прямо в глаза:

– Ну, я совсем другое имела в виду. Просто мне непонятно, на чем строятся ваши отношения. Ты возишься с моим бельем, а он, возможно, именно сейчас открывает новое лекарство. Значит, вы, можно сказать, стоите на совершенно разных ступеньках социальной лестницы.

Нина нервно сглотнула и уронила белье на пол.

– Ладно. Довольно с меня вашего белья. Я сама выбрала работу во дворце и могу уволиться, когда захочу.

– Нина!

– Мне что-то нездоровится, – отрывисто бросила Нина. – Пожалуй, пришлю кого-нибудь вместо себя. – Она даже не потрудилась сделать реверанс.

– Но мы же просто разговаривали!

Нина с силой закрыла за собой дверь, а я осталась оторопело стоять. Да как она посмела так беспардонно уйти, даже не спросив разрешения?! Ведь я всего-навсего проявила здоровое любопытство. Возможно, мое злополучное замечание на самом деле было не вполне уместным, но я даже близко не коснулась вопросов, которые действительно хотела задать.

В результате я сама уложила волосы и сделала макияж. А когда появилась служанка на замену, отослала ее прочь. Дурное настроение еще не дает Нине права манкировать своими обязанностями. Ладно, я могу сама о себе позаботиться, а с уборкой можно подождать до завтра.

Затем я взяла анкеты оставшихся парней из Отбора. Нравится или не нравится, а ожидания публики обманывать нельзя. И сейчас самое главное – определить для себя ситуации, которые можно контролировать.

Ин – определенно очаровательный парень, но уж больно харизматичный. Я пока еще была не готова оставаться с ним наедине. А вот Эдвин вполне безобидный. Вытащив анкету

Апсела, я внимательно ее изучила. Тоскливый дятел. Настолько обыкновенный, что у меня сразу возникло искушение побыстрее отослать его домой. Но, памятуя о бурной реакции окружающих на первый отсев, я поняла, что этот номер явно не пройдет. Следующей была анкета Кайла. Ладно, пусть пока живет. Уинслоу оказался, к сожалению, на редкость непривлекательным. Чем дольше я смотрела на его фото, тем отчетливее это понимала. Не знаю, есть ли тип мужчин, который мне определенно нравится, но, глядя на него, я невольно задумалась, что, возможно, имеется тип мужчин, который мне категорически не нравится. Айван… Случайно, не тот ли это парень, от которого всегда немного несет хлоркой?

В самом низу стопки лежала фотография Джека Рейнджера. Я несколько раз ловила на себе его взгляд во время вечеринки в саду, но нам так и не удалось пообщаться. Из чего я сделала вывод, что в моем присутствии он робеет, а значит, вечер с ним наверняка не оставит у меня неприятного осадка.

На своей фирменной бумаге я написала ему записку с приглашением посмотреть со мной кино сегодня вечером. И никаких ненужных разговоров. Попрошу лакея передать письмо, как только Избранные соберутся вместе. В принципе я так и планировала назначать свидания: или оповещать парня письмом, или вызывать к себе. Чтобы сохранять интригу.

Позавтракав на скорую руку, я приготовилась к работе. Если честно, просматривать бесконечные запросы, счета и сметы – не самое увлекательное занятие, но так я, по крайней мере, была весь день при деле и могла не думать о посторонних вещах. Если ближайшие три месяца вечера и уик-энды будут принадлежать этим парням из Отбора, то остальное время следовало посвятить государственным делам.

– Идлин, дорогая, – сказал папа, решивший сделать перерыв на чай, – мне до сих пор не представилось случая тебе сказать, но, по-моему, прием в саду удался на славу. Я читал репортажи в утренних газетах. Все отлично.

– Да, я уже видела прессу. И просмотрела передовицы. Хорошая работа. – Я с наслаждением откинулась на спинку кресла и вытянула затекшие от непрерывного сидения ноги.

– Полностью с тобой согласен, – улыбнулся папа. – Полагаю, ты должна в ближайшее время устроить еще одно мероприятие. Групповое, чтобы люди видели.

– При условии, что потом будет отсев. Хорошо?

– Ну, это тебе решать.

Я подошла к его письменному столу налить себе чая.

– Да, мне кажется, это придает некоторую остроту. По-моему, люди непременно будут болеть за своих фаворитов, судьба которых поставлена на карту.

– Молодец, – похвалил меня папа. – А какие-нибудь еще интересные идеи есть?

– Пока нет, но я подумала, что, поскольку мы ищем мужа для принцессы, не мешало бы их проверить на предмет знаний, необходимых для будущего принца. В области истории или политики. Наверняка можно устроить что-нибудь веселенькое. Типа игрового шоу.

– Такую наживку публика проглотит с превеликим удовольствием, – рассмеялся папа.

– Вот видишь, сколько у меня замечательных идей, – прихлебывая чай, заметила я. – И зачем мне какой-то там принц?!

– Идлин, ты не сможешь править миром в одиночку. И вообще, тема закрыта, – хмыкнул папа.

– Поживем – увидим.

Глава 19

Когда после обеда я подошла к комнате Джека, он уже ждал меня под дверью. Странно, конечно. Что ж, наверняка у бедняги сдали нервы.

– Добрый вечер, Джек, – поравнявшись с ним, поздоровалась я.

– Ваше высочество, – поклонился он.

– Зовите меня Идлин.

– Отлично, – улыбнулся он. – Идлин.

В разговоре возникла неловкая пауза, я ждала, когда он предложит мне руку. Но он продолжал топтаться на месте, натянуто улыбаясь. Тем хуже для него, решила я, махнув рукой в сторону лестницы:

– Нам туда.

– Супер. – Он обогнал меня и пошел вперед, хотя, естественно, не знал дороги.

– Нет, Джек. Вы прошли поворот. – И так без конца.

Кстати, он даже ни разу не извинился, а продолжал идти себе как ни в чем не бывало, будто и без меня отлично знал дорогу. Я терпеливо его поправляла, поскольку мысленно уже составила список парней, вылетающих из игры, и пока что не собиралась включать туда Джека.

С виду наш дворец казался четырехэтажным, однако подземных этажей было гораздо больше. Студия «Вестей», например, располагалась на минус первом этаже, а еще там имелись кладовые и кинотеатр. Обслуживающий персонал и охрана занимали первый и второй подземные этажи, но кинотеатр был в другом крыле. А ниже находилась внушительная бронированная потайная комната. На моей памяти мне приходилось там бывать всего лишь два раза: однажды, в возрасте трех лет, во время учебной тревоги, а вскоре после этого – во время нападения повстанцев.

Хотя сейчас даже странно об этом вспоминать. Повстанцев больше нет, но нам приходится бороться с пятой колонной, а именно с врагами монархии. Теперь мне даже немного жаль, что повстанцев больше нет. По крайней мере, тогда мы знали врага в лицо. И точно понимали, против кого воюем.

Я стряхнула с себя непрошеные воспоминания, постепенно возвращаясь в настоящее. У меня свидание. Вот черт! Как же я могла забыть? Папа непременно захотел бы присутствия съемочной группы. Ну да ладно. В другой раз.

– Итак, надеюсь, вы любите кино?

– Очень! – с энтузиазмом отозвался Джек.

– Отлично. Я тоже, правда мне не всегда удается выбраться в кинотеатр. У нас есть возможность посмотреть два новых фильма, хотя выбор достаточно ограничен. Но если повезет, увидим что-нибудь стоящее.

– Здорово!

Джеку каким-то чудом удавалось балансировать на тонкой грани между учтивостью и грубостью. И скорее всего, он даже не подозревал, сколько ошибок сейчас делает.

Лакей уже приготовил нам попкорн, и я, воспользовавшись пультом, прокрутила список фильмов.

– Как насчет «Свидетеля»? – предложила я. Судя по краткому описанию, это был триллер с элементами романтики.

– Звучит заманчиво. А это боевик?

– Не уверена. Тогда вам скорее подойдут «Черные бриллианты». – На картинке был изображен человек с пушкой в руке. Нет, такие фильмы явно не в моем вкусе.

– Ага. То, что надо.

– Ну, можно выбрать что-нибудь еще, – попыталась я дать задний ход.

– Но я хочу посмотреть именно этот. Не думаю, что он очень страшный. Ну а если испугаетесь, то всегда сможете ко мне прижаться.

Я скорчила недовольную гримасу. Может, все-таки стоило рассмотреть кандидатуру Апсела? Сиденья в нашем кинотеатре были очень мягкие и довольно широкие. Поэтому един-

ственной возможностью прижаться к Джеку было устроиться в его кресле, что, естественно, отпадало. Ведь мне легче умереть, чем признаться, будто я чего-то боюсь.

А что касается фильма, меня, собственно, волновало совсем другое. Просто жаль было впустую потраченного времени.

Я вздохнула, подавив приступ раздражения. Джек, похоже, не понимал, что ведет себя как полный идиот. Ладно, тем хуже для него. Хотя придется все-таки сказать папе, что парней не мешало бы обучить правилам этикета. И я включила фильм.

Короче говоря, папу главного героя убил плохой парень. И главный герой потратил целую жизнь, чтобы выследить этого самого плохого парня, но плохой парень постоянно ускользал от него. Главный герой спит с роскошной блондинкой. Роскошная блондинка исчезает. Главный герой наконец убивает плохого парня, и роскошная блондинка появляется снова. Ой, а еще там что-то такое взрывается.

Джек вроде как был доволен, а я отчаянно скучала. Если бы роскошная блондинка кого-нибудь кокнула, фильм понравился бы мне намного больше.

Но по крайней мере, не пришлось разговаривать.

Когда пошли титры, я с помощью пульта включила свет.

– Ну, что скажете? – Глаза Джека горели от возбуждения.

– Нормально. Бывает и получше.

Однако моего спутника фильм странно взбодрил.

– Ну не скажите. Спецэффекты просто супер.

– Возможно. Но сам фильм – жуткая тягомотина.

– А мне понравилось, – прищурился он.

– Рада за вас.

– Вы что, чем-то недовольны?

– Нет. Просто это говорит о вашем плохом вкусе, – презрительно скривилась я.

Он рассмеялся, причем смех его был скорее отталкивающим.

– Мне приятно, когда вы так делаете.

– Что именно? – Я поднялась, чтобы отнести миску из-под попкорна на стойку.

– Я весь вечер ждал, когда вы покажете характер.

– Не поняла?

– Ну, я, типа, хотел, чтобы вы разозлились и начали огрызаться. – Он тоже поставил свою миску. – Блин, вы тогда классно наехали на парней в Мужской гостиной. Это было реально круто. Словом, домой я, конечно, не хочу, но если вы немного поорете, от меня точно не убудет.

Я изумленно уставилась на него:

– Джек, а вы отдаете себе отчет в своем поведении? Ведь мы пока даже толком не пообщались, а вы уже имеете наглость заявлять, будто моя агрессия вас заводит. Разве вы не понимаете, что с вашей стороны это ложный шаг?

Он расплылся в нахальной ухмылке:

– А мне казалось, вы оцените мою честность. Вас легко вывести из себя, и я хотел дать вам понять, что мне по барабану. Скорее, даже приятно.

Он пытался взять меня за руку, но я вырвалась:

– Вы заблуждались. Свидание окончено. Спокойной ночи.

И тут он меня облапил. Мне не хотелось показывать своего страха, но, если честно, я почувствовала, как кровь леденеет в жилах. Он был гораздо крупнее, и эта борьба его явно возбуждала.

– Не убегайте, – вкрадчиво произнес он. – Я только пытаюсь сказать вам, что, по-моему, для вас я вполне подходящая пара.

Он пробежал пальцами по моей щеке и подбородку. Его дыхание вдруг сделалось тяжелым, и я поняла, что нельзя терять ни минуты. Пора сматываться отсюда подобру-поздорову.

Я сердито прищурилась:

– А я со своей стороны пытаюсь сказать, что если вы сейчас же не уберете свои поганые лапы, то умрете раньше, чем найдете себе подходящую пару.

– Круто! – Он явно решил, будто мне нравятся подобные игры. – А вы, оказывается, плутовка.

– Отпустите. Меня. Сейчас же.

Он ослабил хватку, но в глазах его я по-прежнему видела нездоровый блеск.

– Это было забавно. Давайте как-нибудь повторим на досуге.

Я кинулась к лестнице. Боже мой, только бы он не стал меня преследовать! Ладно, начиная с этого злополучного дня все будет сниматься на камеру. Каждое. Чертово. Свидание.

Я как ненормальная взлетела на первый этаж и, увидев двух офицеров, бросилась к ним.

– Ваше высочество! – ахнул первый, когда я буквально упала ему на руки.

– Прогоните его! – Я махнула рукой в сторону лестницы. – Джека! Чтобы духу его здесь не было!

Гвардейцы опрометью бросились вниз по лестнице, а я оцепенело скорчилась на полу.

– Идлин? – Ко мне направлялся Арен. – Что случилось? Ты не ранена?

– Это все Джек, – заикаясь, пролепетала я. – Он схватил меня за руку. Он меня трогал.

Я ошеломленно трясла головой, пытаясь понять, почему события приняли столь неожиданный оборот. И тут до меня дошло, что все было закономерно.

Этот урод всегда наблюдал за мной, но никогда не подходил, терпеливо выжидая своего часа. Даже сегодня все его движения были неспешными. Он исподтишка следил за моим растущим раздражением, тем самым подзаряжаясь от меня негативной энергией. Наслаждался возникшим напряжением, чтобы в конце концов словить кайф.

– Он говорит такие странные вещи… Видел бы ты, как он на меня смотрел… Арен, мне еще никогда в жизни не было так страшно.

Со стороны лестницы послышался чудовищный шум. Гвардейцы боролись с Джеком, пытаясь поднять его на лестничную площадку. А когда его глаза остановились на мне, он издал гортанный звук, напоминающий звериный рык:

– Тебе это нравилось! Ты сама ко мне липла!

Арен схватил меня за руку и подтащил к Джеку, хотя внутренний голос твердил мне, что нужно бежать, и как можно дальше. Но я снова оказалась лицом к лицу с Джеком.

– Идлин, ударь его, да посильнее! Вышиби из него дух! – приказал мне Арен.

Я вытаращила на брата глаза, полагая, что он шутит. Но, судя по горящему взгляду, Арену сейчас было не до шуток.

Если честно, то у меня и самой чесались руки хорошенько Джеку врезать. Но я не имела права платить той же монетой тем, кто меня обзывал или критиковал мою манеру одеваться. И тогда, на параде, я не могла сказать тем людям, что их поведение глупо и недостойно. Но сейчас, впервые в жизни, я могла отомстить обидчику.

И я наверняка так и сделала бы, если бы не гнусная ухмылка Джека, который, судя по его виду, не только не опасался, а, наоборот, буквально жаждал телесного контакта со мной. Насилие и секс были для него неразрывными понятиями. И если я позволю себе первое, то автоматически дам ему и второе.

– Нет, не могу, – прошептала я.

Джек вытянул губы трубочкой:

– Ты уверена, дорогуша? Я ведь не возра…

Мне еще ни разу не приходилось видеть Арена в драке. Я изумленно смотрела, как брат сделал резкий выпад, его кулак попал Джеку прямо в голову, и тот моментально обмяк, нелепо согнувшись, точно тряпичная кукла.

Арен застонал, прижимая к груди правую руку:

– Больно! Боже, как больно!

– Скорей в больничное крыло! – воскликнула я, потащив Арена в сторону коридора.

– Ваше высочество, а что делать с этим? Может, его тоже в больницу?

Я окинула взглядом безжизненное тело Джека, но, заметив, что он все еще дышит, строго сказала:

– Нет. Посадите его на самолет. Живого или мертвого.

Я лежала на кровати Арена между ним и Кейденом. Арен пытался разогнуть забинтованные пальцы, сплошь в синяках и ссадинах.

– Тебе очень больно? – поинтересовался Кейден, причем скорее возбужденно, нежели обеспокоенно.

– Чуть-чуть. Но я был готов вмазать ему еще раз, – сказал мой брат-близнец, и я ответила ему благодарной улыбкой.

– Жаль, что меня там не было. Я бы вызвал его на дуэль, – мечтательно произнес Кейден.

Я хихикнула, а Арен ласково взъерошил ему волосы:

– Прости, дружище, но все произошло так быстро, что я об этом как-то не подумал.

– Эх, я столько лет учился фехтованию – и все мои уроки коту под хвост! – сокрушенно покачал головой Кейден.

– Ну, в любом случае уж в этом ты меня точно переплюнул, – заметил Арен.

И тут в комнату без стука вошел Остен с телефоном возле уха.

– Тебе надо было больше тренироваться! – пожурил брата Кейден.

Остен присел на кровать, продолжая говорить в трубку:

– Ага-ага. Ладно, погодите. – И, повернувшись ко мне, спросил: – Иди, а этот самый Джек, из каких он мест?

Я попыталась вспомнить его анкетные данные:

– Кажется, из Паломы.

– Потрясающе. – Остен снова приложил к уху трубку. – Ну, вы все слышали? Ладно, буду на связи.

– Боже, я всегда старалась тебя обуздать, – рассмеялась я. – Но сейчас даже боюсь спрашивать.

– Думаю, так будет лучше.

Я окинула ласковым взглядом своих братьев – таких заботливых, умных и проказливых. Сколько раз я проклинала судьбу, по прихоти которой оказалась самым старшим ребенком в семье, обреченным нести тяжкий крест управления страной! Но сегодня, наверное впервые в жизни, я была счастлива таким положением вещей. Кейден меня развлекал, Арен – защищал, а Остен… Ну, он тоже по-своему помогал.

Остен оставил дверь нараспашку, и в комнату торопливо вошли папа с мамой.

Мама неприкрыто обрадовалась, увидев своих детей живыми и невредимыми, но папа был явно потрясен до самой глубины души.

– Все в порядке? – взмахнув рукой, спросил он.

– Я немножко испугалась, – призналась я.

– Ну а я слегка покалечился, – добавил Арен.

Папа проглотил ком в горле:

– Идлин, прости. Ума не приложу, как он мог обмануть службу безопасности. Я не сомневался, что все заявления проходят тщательную проверку, и понятия не имел… – Папа замолчал, и мне показалось, будто он сейчас расплачется.

– Папочка, я в полном порядке.

Он кивнул, но ничего не сказал.

Тем временем на авансцену выступила мама:

– В свете всего того, что произошло, необходимо установить определенные правила. Выставлять охрану рядом с местами возможных свиданий или проводить свидания в общественных местах.

– И только в присутствии фотографов. Думаю, это должно помочь. – Я не могла простить себе, что не вспомнила об этом раньше.

– Отличная идея, солнышко. В дальнейшем нам следует избегать подобных инцидентов.

– Кстати об инцидентах. – Папа уже успел взять себя в руки. – Как ты собираешься поступить с Джеком? Нам стоит замять это дело? Или выдвинуть официальные обвинения? Лично я сейчас готов порвать его на куски, но решать тебе.

– Никаких обвинений, – улыбнулась я. – Но и замалчивать тоже не надо. Пусть все узнают, что он за человек. Это послужит ему хорошим уроком.

– Очень мудрое решение, – согласился Арен.

Папа задумчиво сложил на груди руки:

– Как захочешь, так и сделаем. Мне доложили, что он уже на пути домой, вот и закончим с этим делом.

– Спасибо.

Папа обнял маму за плечи, а мама окинула нас ласковым взором.

– Кстати, – оглянувшись, произнес папа. – Я, конечно, дал волю своим чувствам и разрешил отправить его назад, не удостоверившись, что он пришел в сознание, но если он все же умер, это будет выглядеть очень некрасиво.

Сурово поджав губы, я бросила на папу ироничный взгляд:

– Очень хорошо. Впредь мы никого бездумно не вышвыриваем за ворота.

– И побольше поединков на мечах! – под аккомпанемент нашего смеха завопил Кейден.

– Спокойной ночи. Не засиживайтесь допоздна, – покачала головой мама.

Мы, впрочем, и не собирались, но за разговорами время пролетело незаметно. И в результате я заснула, притулившись к Кейдену, положив голову на руку Арену и чувствуя у себя на ноге руку Остена.

На следующее утро я проснулась раньше остальных и с нежной улыбкой посмотрела на братьев, моих верных защитников. Мне ужасно хотелось остаться с ними. Однако суровая правда жизни диктовала мне свои правила игры. Ведь я была не только сестрой, но и принцессой. Поэтому я встала, чтобы во всеоружии встретить новый день.

Глава 20

Утром за завтраком я поймала себя на том, что разглядываю парней, пытаясь определить, нет ли среди них еще какого-нибудь морального урода вроде Джека. Ну да, если бы я в первые дни обращала бы на Избранных больше внимания, то наверняка заметила бы, что Джек не дружит с головой.

Я остановила взгляд на уже хорошо знакомых лицах Генри и Хейла. Даже присутствие Эрика меня сейчас, скорее, радовало. Что ж, есть еще в этом мире нормальные парни, и не стоит из-за одного извращенца подозревать всех вокруг.

Затем я напомнила себе, что я, как-никак, принцесса, и сразу взяла себя в руки. Нет, я не могла позволить себе проявления слабости.

Когда завтрак подходил к концу, я поднялась из-за стола и попросила внимания:

– Господа, у меня для вас сюрприз. Через пятнадцать минут приглашаю вас в студию на интересное игровое шоу.

Кто-то засмеялся, кто-то захлопал в ладоши, однако ни один из них не подозревал, какая засада их ждет впереди. И мне даже стало немного не по себе. Ну да ладно, сейчас не до рефлек-

сий. Я покинула столовую раньше других, чтобы перед съемкой успеть поправить платье и прическу.

Избранные, пришедшие в студию вскоре после меня, остолбенели, увидев декорации.

Я села лицом к аудитории, совсем как школьный учитель, парней рассадили на табуреты, снабдив каждого из них бумагой, маркером и картонной карточкой с именем вроде тех, что я видела в телевизионных игровых шоу.

– Добро пожаловать, господа! – пропела я. – Занимайте, пожалуйста, свои места.

Внимание, мотор! И операторы принялись снимать, как парни, смущенно улыбаясь и растерянно качая головой, искали свои места и прикрепляли к груди карточки.

– Сегодня мы проведем небольшой тест на знание родной страны. Обсудим историю, внешнюю и внутреннюю политику. Тому, кто даст правильный ответ, одна из этих дам, – я махнула рукой на стоявших в сторонке девушек из обслуги, – прикрепит к груди стикер с золотой буквой «V». Один неверный ответ – и вы получаете черную букву «X».

Ребята, возбужденно посмеиваясь, устремили взгляды на корзины со стикерами.

– Не волнуйтесь, все это просто развлекушки. Однако я непременно использую полученную информацию при проведении следующего отсева. Преобладание черных меток вовсе не означает автоматического исключения… Но не забывайте, Большой брат следит за вами, – направив на них указующий перст, пошутила я. – Итак, первый вопрос. Причем очень важный. Назовите день моего рождения.

Парни, хихикая и заглядывая через плечо соседа, склонились над бумагой.

– Все, время вышло. Поднимите бумажки с ответами! – Увидев широкий разброс дат, я демонстративно вытаращила глаза.

Кайл, естественно, знал, что это 16 апреля, кстати, как и многие другие, но вот практически никто не смог угадать год.

– А знаете, пожалуй, я отмечу всех, кто вообще не указал апрель.

– Вот здорово! – с энтузиазмом откликнулся Фокс, его радостно поддержали Лодж и Калвин.

На сцене появились ассистентки, и парни, получившие черную метку, театрально застонали, но стикеры взяли беспрекословно.

– А теперь вопрос, на который найдется множество возможных ответов. Итак, назовите самых верных союзников Иллеа.

Кто-то совершенно верно назвал Францию, Италию и Новую Азию. А Генри, под удивленные возгласы, предложил свою родную страну Свендвей.

А вот на бумажке Джулиана были нарисованы стрелки, идущие к его лицу, а сверху заглавная буква «Я».

– Эй, а что это значит? – Я ткнула в него пальцем, пытаясь сохранить серьезность.

– Ну, я просто прикинул, что реально смогу быть отличным другом, – расплылся от уха до уха Джулиан.

– Глупости, – покачала я головой, хотя, если честно, мои слова прозвучали не слишком осуждающе.

– Так он получает «X» или что-нибудь другое? – спросила озадаченная ассистентка.

– Ну естественно, «X», – заверила я ее под дружный смех парней, включая самого Джулиана.

Затем конкурсанты более-менее правильно назвали имя Августа Иллеа, соратника папы в борьбе с отрядами повстанцев, ну а историю Четвертой мировой войны знали практически все. И когда наше мероприятие подошло к концу, я поняла, что мальчики в большинстве своем очень неплохо подкованы, что меня приятно порадовало.

– Ладно. Давайте посмотрим. Так, и у кого больше всех золотых стикеров?

Ассистентки помогли мне подсчитать стикеры, и я объявила количество очков:

– У Хейла – шесть. У Рауля и Ина столько же. Браво, джентльмены!

Я похлопала в ладоши, остальные меня поддержали, не успев толком сообразить, что будет дальше.

– Теперь давайте узнаем, у кого больше всего черных меток.

Ассистентки показали мне на беднягу Генри – обладателя самого большого числа черных стикеров.

– Генри, о нет! – добродушно рассмеялась я, желая показать ему, что не придаю особого значения этой игре.

Положа руку на сердце, я действительно собиралась отсеять кого-нибудь после игры, однако в случае Генри было очевидно, что его пробелы в знаниях обусловлены исключительно сложностями перевода и недостаточным сроком пребывания в нашей стране.

– Ну, кто там у нас еще? Бурк и Айван. Ну-с, могло быть и хуже. – На самом деле оба они справились весьма посредственно, но по сравнению с Генри у них было на три правильных ответа больше. Ладно, по крайней мере, я нашла объяснение своего равнодушного отношения к Айвану. – Господа, спасибо, что уделили мне время. Я непременно учту эту информацию, когда в ближайшие несколько недель продолжу сокращать число кандидатов. Мои поздравления всем, кто сумел продемонстрировать столь глубокие знания! – Я зааплодировала, и операторы выключили камеры. – Но прежде чем вы уйдете, хочу задать вам последний вопрос. Вопрос несложный, поскольку относится он к нашей недавней истории. – (Парни в ожидании очередной засады принялись нервно переговариваться.) – Если вы знаете ответ, то можете, не стесняясь, просто кричать. Готовы? Так вот, кто скажет, в каких случаях допустимо лапать меня без моего разрешения?

Я с каменным лицом уставилась на них, в глубине души опасаясь, что кто-нибудь сейчас, не дай бог, засмеется. Они начали недоуменно переглядываться, и только у Хейла хватило мужества ответить.

– Никогда! – выкрикнул он.

– Правильный ответ. И постарайтесь хорошенько его запомнить. Ведь именно неведение стало причиной того, что Джек Рейнджер вылетел отсюда, как пробка из бутылки, заработав попутно увесистую затрещину от моего брата и несмываемое пятно позора на всю жизнь. Если кто-нибудь из вас попытается дотронуться до меня без моего разрешения, он будет жестоко наказан. Я понятно выразилась? – (В студии воцарилась мертвая тишина.) – Отлично. Молчание – знак согласия.

И с этими словами я вышла из комнаты. Надеюсь, они хорошо зарубили себе это на носу. Все, игры закончились, началась суровая реальность.

После ланча папа, как ни странно, так и не появился в кабинете. И когда туда зашла леди Брайс, я сидела в гордом одиночестве.

– Ваше высочество, – обратилась ко мне леди Брайс, – а разве вашего отца еще нет?

– Нет. Ума не приложу, что могло его так сильно задержать.

– Хм… – Она задумчиво поправила стопку бумаг, которые держала в руках. – Мне нужно срочно с ним поговорить.

Леди Брайс казалась женщиной без возраста. Конечно, она была старше меня, но моложе папы. За все время мне так и не удалось понять, что она за человек. Я не могла сказать, что она мне не нравится, но меня всегда удивляло, почему папа предпочитает работать именно с ней. Ведь она была единственной женщиной в его команде.

– Может, я могу быть вам чем-то полезна? – спросила я.

Она опустила глаза, обдумывая мое предложение.

– Не уверена, захочет ли ваш отец более широкого распространения данной информации. Поэтому, пожалуй, нет. Прошу меня извинить.

– Нет проблем. Леди Брайс, а можно задать вам нескромный вопрос? Ведь вы такая умная и добрая. Тогда почему вы так и не вышли замуж?

Она горько усмехнулась:

– А я замужем. За этой работой! Она очень много для меня значит, поэтому я предпочитаю делать ее как можно лучше и не тратить времени даром на поиски мужа.

– Да будет так! – сделала я большие глаза.

– Наверняка вы меня хорошо понимаете. Более того, единственные мужчины, с которыми мне приходится общаться, – это советники, но я не уверена, что мне хочется вступать с ними в более близкие отношения. Поэтому я просто работаю.

– Я уважаю ваш выбор, – кивнула я. – Все почему-то считают, будто женщина не может быть счастлива, если у нее нет мужа и детей, но вот вы, по-моему, вполне довольны жизнью.

– Ну, я думала об этом, – ответила леди Брайс. – И возможно, когда-нибудь все-таки возьму приемного ребенка. Ведь материнство – самая великая миссия любой женщины, что, к сожалению, не каждой дано понять.

Судя по горечи, прозвучавшей в ее голосе, она явно говорила о своей матери, но я не стала проявлять излишнего любопытства.

– Я знаю. Мне очень повезло с мамой.

Леди Брайс вздохнула, немного оттаяв:

– Твоя мама – удивительный человек. В свое время она стала для меня второй матерью. Я многому у нее научилась.

– Кто бы мог подумать, что вы уже так давно при дворе, – удивленно прищурила я глаза.

Я попыталась припомнить, когда впервые увидела ее в коридорах дворца, но безуспешно. Ведь я начала обращать внимание на советников отца только в тринадцать лет, когда сделалась папиной правой рукой.

– Да, мисс. Я появилась здесь практически сразу после вашего рождения, – рассмеялась она. – Ваши родители были весьма великодушны.

Восемнадцать лет занимать высокую должность при дворе, тем более в качестве советника, – это уже о чем-то говорит. Обычно папа менял сотрудников каждые пять-восемь лет, в зависимости от полученных рекомендаций и настроений в стране. Тогда почему леди Брайс так надолго у нас задержалась?

Я увидела, как она поправила рассыпавшиеся по плечам волосы, и мысленно улыбнулась. Неужели папа оставил ее возле себя, пленившись ее красотой? Нет. Конечно нет. Мне даже стало стыдно, что я так плохо думаю о папе.

– Жаль, что не могу вам ничем помочь, но я непременно передам отцу, что вы его искали.

– Благодарю, ваше высочество. Дело, конечно, срочное, но время еще есть. Желаю вам хорошего дня.

– Вам тоже.

Сделав реверанс, она ушла, а я еще долго потом смотрела на дверь, пытаясь разгадать загадку женщины, которую я, сама того не подозревая, знала практически всю свою жизнь. Однако работа звала меня. И я, отогнав посторонние мысли, вернулась к бумагам. Не время думать о леди Брайс! Отбор и государственные дела не могли ждать.

Глава 21

В тот вечер обед прошел в приятной обстановке, поскольку мальчики хорошо усвоили преподанный мною на примере Джека урок. Когда я вошла, они мгновенно подобрались, поприветствовав меня вежливыми кивками, и я поняла, что снова контролирую ситуацию.

Сейчас папа выглядел уже не таким взвинченным, хотя я видела, что на душе у него по-прежнему неспокойно. Арен, судя по всему, тоже пребывал в отличном расположении духа. Одним словом, жизнь после той ужасной истории постепенно налаживалась.

Папа предложил мне попробовать поболтать с мальчиками за обедом, но кричать через весь стол было, по-моему, не совсем прилично. Да и выглядело бы это не слишком естественно. Хотя я отлично понимала, что, нравится мне это или не нравится, общение придется продолжить. И я решила рассмотреть имеющиеся варианты.

Из оставшихся парней меня почему-то больше всех интриговал Ин с его олимпийским спокойствием. Казалось, случись сейчас землетрясение или потоп, он даже глазом не моргнет и не сдвинется с места.

А что, если свидание с Ином поможет мне преодолеть внезапно возникшую фобию? Наверняка он не такой непрошибаемый, каким кажется. Можно устроить свидание на пленэре и проследить за тем, чтобы фотографы не дремали.

И, словно прочитав мои мысли, Ин посмотрел в мою сторону. Пришлось притвориться, будто я увлечена беседой с Ареном.

И тут я заметила, что Кейден читает под столом газету, и, естественно, не могла не заинтересоваться.

– О чем статья?

Не отрывая глаз от газетного листа, он сказал:

– В Мидстоне проводится сбор частных пожертвований. Собирают деньги на обучение одной девочки в художественной школе. Девочка очень талантливая, но не может позволить себе учебу без спонсорской поддержки. Она говорит… Вот, послушай: «Я из рода Троек. И мои родители считают, что учиться живописи – ниже моего достоинства, хотя касты уже упразднены. Это очень тяжело. Я напомнила им, что наша королева происходит из семьи Пятерок и она блестящая женщина. Но они все равно отказываются платить за учебу, и поэтому я прошу помочь мне осуществить свою заветную мечту». Посмотри на фото ее картин. Весьма недурно.

У меня с детства было трепетное отношение к искусству, и хотя работы юной художницы не вполне соответствовали моим эстетическим представлениям, я не могла не заметить, что девочка безусловно талантливая.

– Хорошие работы. Надо же, как глупо! Ведь касты именно затем и отменили, чтобы люди были свободны в выборе профессии, а они отказываются пользоваться дарованной им свободой. Они закостенели в своих предрассудках.

– Создание системы более широких прав отнюдь не означает, что население захочет воспользоваться своими правами.

– Несомненно, – холодно заметила я.

– Вся трудность в том, чтобы заставить их проникнуться нашей идеей. Помнишь, мама когда-то показывала нам древние книжки по истории, в которых было написано, как Соединенные Штаты приняли этот документ… – Название документа явно вылетело у Кейдена из головы. – Ага, «Декларацию независимости»! И там говорилось, что люди вправе бороться за счастливую жизнь.

– Тоже мне, умник выискался! – улыбнулась я.

– Ладно, будем считать это комплиментом. Хотя чья бы корова мычала. Не тебя ли на прошлой неделе застукали в темном углу с Кайлом?

– Ха-ха-ха! – Я с трудом удержалась, чтобы не показать брату язык. – Можно подумать, будто мое мнение имеет значение!

– Ты собираешься выйти замуж за Кайла?

Я едва не подавилась.

– Нет! – (Кейден до неприличия громко расхохотался, что сразу привлекло к нам нежелательное внимание.) – Беру свои слова обратно, – шлепнула я себя по губам. – Ты просто клинический идиот! – Я резко поднялась, дернув Кейдена за ухо.

– Эй! Ты чего?!

– Спасибо тебе, Кейден, что ты стоишь за меня горой. Ты замечательный брат.

Он ухмыльнулся, потирая ухо:

– Я стараюсь.

Нет, надо же было такое сказать! Выйти замуж за Кайла! Конечно, если он сможет сохранить благоразумие, шансы, что мы снова поцелуемся, будут очень и очень велики… но выйти за него замуж – это уже чересчур! Такое даже представить трудно.

Правда, мне точно так же было трудно представить, что я могу выйти замуж за любого из этих парней.

Мне вообще было трудно представить, что я когда-нибудь выйду замуж…

Я замедлила шаг, исподтишка рассматривая лица Избранных. Интересно, каково – это засыпать рядом с Хейлом? Или видеть, как Бейден надевает мне кольцо на палец?

На этом мое воображение иссякло. Я вспомнила, как Арен упоминал, что Избранные спрашивали, не интересуюсь ли я, случайно, девушками. Вот умора! Я понимала, что по-настоящему увлечься мальчиками мне мешает что угодно, но только не это… Хотя, что именно, я не знала. И дело было не только в желании сохранить независимость. Нет, меня окружала толстая стена, а вот откуда она взялась, я понятия не имела.

Ну да бог с ней! Стена там или что другое, но я дала обещание.

Поравнявшись с Ином, я остановилась:

– Мистер Кейбл?

Он поспешно вскочил и поклонился:

– Слушаю вас, ваше высочество.

– Вы ездите верхом?

– Да.

– Не хотите ли составить мне завтра компанию?

– С превеликим удовольствием, ваше высочество. – Он окинул меня горящим взглядом.

– Отлично. Тогда до скорого.

Я решила надеть амазонку и выбрать женское седло. Не самый мой любимый способ верховой езды, но я посчитала, что некий налет женственности мне сейчас явно не повредит.

Когда я подошла к конюшням, Ин уже седлал свою лошадь.

– Ин! – окликнула его я.

Он поднял голову и помахал мне рукой. Да, красивый парень. Именно такого люди ожидают увидеть рядом со мной. Каждое его движение, казалось, было точно выверено; я решила вести себя соответственно и хотя бы на время отбросить сомнения.

– Вы готовы? – спросил он.

– Почти. Осталось только взять седло. – И я прошла мимо него в конюшню.

– А вы что, собираетесь ехать верхом в таком виде?

Я стремительно обернулась:

– В этом платье я за десять минут смогу сделать то, чего большинству мужчин, которые носят штаны, и за целый день не успеть.

– Кто бы сомневался, – рассмеялся Ин.

Мою любимую кобылу Баттерскотч содержали в более просторном стойле, нежели других лошадей. Оно и понятно. К лошади принцессы и отношение особое.

Я отвязала Баттерскотч и подошла к Ину:

– Если не возражаете, для начала мы сделаем несколько фото в саду.

– Не вопрос. Как вам будет угодно.

Мы взяли наших лошадей под уздцы и повели вокруг сада, где нас уже ждал фотограф, от нечего делать снимавший небо и деревья.

– Ваше высочество, – поздоровался он. – Меня зовут Питер. Мне хотелось бы запечатлеть вас вместе с вашим кавалером.

– Благодарю, – ответила я, ласково погладив свою лошадку. – А на каком фоне?

Питер огляделся вокруг:

– А нельзя оставить лошадей у дерева? Думаю, пара снимков у фонтана – именно то, что нужно.

Я спокойно отпустила Баттерскотч, зная, что та никуда не убежит.

– Пошли, – тронув Ина за рукав, сказала я.

Он привязал лошадь к дереву и последовал за мной. Надо отдать должное Питеру, он работал оперативно, не теряя времени даром. Мы с Ином и улыбались, и застенчиво отворачивались друг от друга, причем каждый наш шаг был документально подтвержден снимками. Мы стояли у фонтана и сидели возле куста, а затем нас сняли на фоне лошадей.

Когда Питер объявил, что материала более чем достаточно, я была на седьмом небе от счастья. Эх, жаль, что нельзя крикнуть «ура!» и вскинуть сжатую в кулак руку! Питер собрал аппаратуру и, в очередной раз проверив камеру, моментально испарился. Я огляделась вокруг и поняла, что, как и было обещано, мы тут не одни. Вдоль стен дворца выстроились гвардейцы, садовники стригли траву и приводили в порядок дорожки.

– Ну, вот и я, Баттерскотч! – Я подошла к лошади, и она взмахнула хвостом.

Ин уверенно оседлал коня. Я была рада, что не обманулась в своих ожиданиях.

– Прошу прощения, но все это смахивает на инсценировку, – заметил Ин, когда мы потрусили к краю лужайки.

– Знаю. Но, соглашаясь на постановочные кадры, я таким образом в каком-то смысле оберегаю от любопытных взоров нечто более личное.

– Интересная мысль. Ну а сцена с Кайлом была постановкой или чем-то более личным?

Я усмехнулась. А он, оказывается, шустрый!

– Во время последней нашей беседы вы явно собирались о чем-то поговорить, – напомнила я.

– Да, действительно. Я хочу быть с вами предельно честным. Но тогда откровенность за откровенность. Вы согласны на мои условия?

Ну, это вряд ли. По крайней мере, не сегодня.

– Все зависит от обстоятельств.

– Каких именно?

– Самых разных. Я не привыкла открывать душу людям после двух недель знакомства.

Несколько минут мы ехали в напряженной тишине.

– Любимая еда? – внезапно спросил Ин. На его губах играла довольная улыбка.

– А коктейль «мимоза» годится?

– Конечно, – хмыкнул Ин. – Ну что бы еще такое спросить?.. Ага. Какая страна из всех, где вы побывали, понравилась вам больше всего?

– Италия. Там замечательная еда и блестящее общество. Если итальянская королевская семья приедет сюда, тебе следует непременно с ними познакомиться. Они ужасно милые.

– С удовольствием. Ладно, а любимый цвет?

– Красный.

– Цвет власти. Отлично.

Он на время прекратил расспросы, и мы молча поскакали по тропе, пролегающей через королевские владения. Все вокруг, казалось, дышало покоем. Мы миновали центральные

ворота, и садовники, моментально побросавшие работу, приветствовали нас низкими поклонами. Когда мы наконец оказались за пределами слышимости, Ин подъехал поближе ко мне.

– Возможно, потом я и буду жалеть, но мне не терпится поделиться своими догадками относительно вас.

– Валяйте! – поощрила его я.

– Тогда держитесь, – с некоторым сомнением в голосе произнес он. – А пока давайте сделаем остановку.

Мы подъехали к уединенной скамье возле стены и, спешившись, сели рядом.

– Ваше высочество.

– Идлин.

– Идлин, – он судорожно сглотнул, обнаружив первую брешь в неприступной линии своей обороны, – по-моему, Отбор не вызывает у вас особого энтузиазма. Выбор мужа явно не входит в число ваших приоритетов. – Я промолчала, и Ин продолжил: – Так или иначе, затеянное вашей семьей мероприятие не оправдало ваших ожиданий, и вы оказались в крайне неловкой ситуации. Большинство женщин отдали бы жизнь за возможность иметь сразу несколько дюжин поклонников, но вам, похоже, все это в тягость.

– Очень может быть. Но я ведь вам говорила, – милостиво улыбнулась я, – что не склонна открываться первому встречному.

– Я уже давно наблюдаю за вами. Спасибо программе «Вести». И как мне кажется, вы выше всей этой суеты. – (Онемев от удивления, я только тяжело вздохнула.) – Так вот. У меня к вам предложение. Вы, конечно, можете отказаться, но, поверьте, всегда полезно иметь запасной вариант.

– И что же вы, сэр, имеете предложить своей будущей королеве?

Ин улыбнулся. К нему вернулась прежняя невозмутимость.

– Выход из положения.

Спрашивать, что он имеет в виду, было довольно рискованно, но любопытство взяло верх.

– И какой же?

– Я никогда не буду вами командовать. Не буду вас ограничивать. И даже не буду требовать вашей любви. Если вы выберете меня, наш брак будет свободен от условностей и ограничений. Сделайте меня своим королем – и вы получите возможность управлять страной по собственному усмотрению.

– Вы никогда не станете королем, – поправив амазонку, заявила я.

– Что, не ваш тип? – нахохлился он.

– Дело совсем в другом. Мужчине, который на мне женится, не суждено стать королем. Он будет всего лишь принцем-консортом, потому что никто не может носить титул выше моего.

– Что ж, я согласен.

– Удовлетворите мое любопытство, – облокотившись на спинку скамьи, начала я. – Почему вы решили сделать такое странное предложение? Вы очень харизматичный и привлекательный молодой человек. И, смею предположить, вполне можете рассчитывать на счастливый брак по любви. Отсюда, естественно, вытекает вопрос: чего ради приносить себя в жертву той, кто, как вы сами признаете, никогда вас не полюбит?

– Вполне закономерный вопрос, – кивнул Ин. – И вот мой ответ. Лично я считаю, что любовь сильно переоценивают. – (Услышав такое, я не смогла сдержать улыбку.) – В моей семье шестеро детей. Сейчас я кое-как свожу концы с концами, но такая жизнь меня не устраивает. Поэтому комфортное существование рядом с приятной женщиной и есть предел моих мечтаний.

– Приятной? – Я удивленно подняла брови. – И только?

– Вы мне нравитесь, – хмыкнул он. – Вы всегда такая естественная. Брак с умной, красивой и могущественной женщиной, по-моему, не может быть неудачным. Более того, я хочу предложить вам выход из положения, если вы не сумеете найти себе подходящей пары. Ведь, по правде говоря, большинство этих парней просто шуты гороховые. А вы дадите мне то, о чем я всегда мечтал, но чего у меня никогда не было.

Я задумалась. Действительно, Отбор не оправдал моих ожиданий. И вообще, от него одна головная боль. Для начала меня закидали тухлой едой, потом осудили за первый отсев и в заключение всласть перемыли нам с Кайлом кости. И хотя мне, в сущности, претила сама идея замужества, я чисто теоретически прикидывала возможность выбрать себе жениха исключительно для того, чтобы порадовать папу. Ведь каждый раз, заглядывая ему в глаза, я все больше убеждалась в том, что он смертельно устал.

Я любила папу.

Но и себя тоже любила.

Причем, в отличие от папы, мое «я» останется со мной навсегда.

– Не спешите с ответом. Не надо говорить «да» или «нет», – отвлек меня от грустных мыслей Ин. – Я хочу, чтобы вы знали, что я всегда к вашим услугам.

– Ничего не могу обещать. И скорее всего, даже не стану рассматривать ваше предложение, – заявила я, поднявшись со скамьи. – Давайте продолжим прогулку, а то моя бедная лошадка совсем застоялась.

Мы поскакали вперед, Ин теперь все больше молчал. Боже, как это приятно – иметь возможность не обременять себя пустой болтовней! Ин с пониманием отнесся к моему нежеланию говорить. Интересно, и на сколько его хватит? И когда ему в конце концов надоест такая жизнь?

А я тем временем исподволь к нему приглядывалась. Красивый, благородный, честный. Его уверенность в себе была непоколебима, он не нуждался в поощрении, и я знала, что и мне, в свою очередь, не придется беспокоиться насчет его одобрения. Я вполне могла выйти замуж, не чувствуя себя так, будто я была…

И собственно, как поклонник он достаточно привлекателен.

Глава 22

Вскоре после нашего разговора я отослала Ина к себе. Он не стал протестовать, вероятно тем самым желая доказать, что вполне способен быть покладистым. Да, предложение, безусловно, интересное, однако мне еще не время выходить из игры, а там будет видно.

Ну ладно, об этом я подумаю завтра, ведь мне еще надо успеть переодеться к обеду. Я отвела Баттерскотч в стойло и смахнула пыль с сапог.

– Спокойной ночи, – прошептала я своей лошадке, угостила ее кусочком сахара и пошла во дворец.

Не успела я войти, как меня кто-то окликнул. Я узнала голос Кайла.

Кайл стоял в компании Генри, Эрика, Фокса и Бурка. Сделав знак остальным, чтобы не расходились, Кайл вразвалочку направился ко мне.

– Привет, – улыбнулся он своей кривоватой улыбкой. Похоже, он слегка нервничал.

– Как дела?

– Хорошо. Я тут потолковал с ребятами, и у нас есть к тебе предложение.

– Еще одно? – вздохнула я.

– Не понял?

– Проехали, – отмахнулась я. – Мне что, к ним подойти?

– Да, но сперва я хочу тебя кое о чем спросить.

– Попробуй.

Кайл нервно сунул руки в карманы.

– Скажи, у нас тобой все хорошо?

– Кайл, ты ведь даже не мой бойфренд. Надеюсь, тебе понятно? – прищурилась я.

– Конечно понятно, – хмыкнул он. – Хотя все равно ни черта не понятно. Мне было приятно показывать тебе свои эскизы и смеяться вдвоем, а узнав об инциденте с Джеком, я собирался тебя проведать, но потом испугался, что ты меня прогонишь. После чего испугался, что мое отсутствие тебя расстроит. Теперь понимаешь, как с тобой тяжело!

– Еще бы. Ведь ты постоянно об этом твердишь, – подкусила я Кайла.

– Ну, вот и поговорили, – съязвил Кайл. – Нет, я серьезно. У нас все хорошо?

Я смотрела, как он кусает губы, и поймала себя на том, что вспоминаю вкус его поцелуев. Кайл сказал, что здесь ради меня. Значит, у меня есть шанс на повторение пройденного.

– Да, Кайл. У нас с тобой все хорошо. Расслабься.

– Вот и ладненько. Тогда пойдем. По-моему, тебе понравится наша идея.

Мы присоединились к компании ожидавших нас мальчиков. Генри галантно поцеловал мне руку.

– Здравствуйте сегодня, – как всегда забавно, поздоровался он.

– Здравствуй, Генри. Бурк, Фокс. Привет, Эрик.

– Ваше высочество, – начал Бурк. – Может, мы слегка выходим за рамки, но нам кажется, что Отбор – это суровое испытание для вас.

– Вы даже не представляете какое, – усмехнулась я.

Фокс улыбнулся. Они с Бурком смотрелись прямо как комическая пара. Бурк был довольно упитанным, а Фокс – худым как щепка.

– У вас, наверное, от всех этих дел голова кругом идет. Ведь государственные дела тоже не могут ждать, а тут еще свидания с глазу на глаз и организация вечеринок. Кошмарный ужас!

– Поэтому у нас появилась отличная идея, – сказал Кайл. – А нельзя ли нам устроить коллективное мероприятие, чтобы мы все четверо смогли принять участие?

Блестяще!

– Да! – воскликнула я. – Было бы здорово. Есть идеи, что будем делать?

– А как насчет того, чтобы заняться стряпней? – У Бурка был такой счастливый вид, что у меня язык не повернулся сказать «нет», хотя лично я предпочла бы заняться чем угодно, но только не этим.

– Значит, стряпней? – фальшиво улыбнулась я.

– Да ладно тебе! – успокоил меня Кайл. – Будет весело.

– Уговорили, – тяжело вздохнула я. – Что ж, стряпней так стряпней. Как насчет завтрашнего вечера?

– Идеально, – поспешно сказал Фокс. Он явно боялся, что я передумаю.

– Хорошо. В четверг, в шесть часов. Встречаемся в вестибюле и вместе идем на кухню. – Похоже, меня ждет очередной кошмар. – А теперь прошу прощения. Мне надо успеть переодеться к обеду.

Уже поднимаясь по лестнице, я судорожно искала способ исправить положение. Но, увы.

– Нина! – войдя в комнату, позвала я.

– Слушаю, мисс?

– Не могла бы ты наполнить мне ванну. Я хочу принять ее до обеда.

– Конечно, мисс.

С трудом стянув сапоги, я сняла платье. В последнее время наше общение с Ниной свелось к коротким распоряжениям и односложным ответам, и, должна признаться, меня это угнетало. Моя комната была для меня убежищем. Там я отдыхала, рисовала фасоны платьев и пряталась от мира. Нина была частью этого мира, и то, что она затаила обиду, нарушало привычный порядок вещей.

Оказавшись в ванной комнате, я была приятно удивлена, когда обнаружила, что Нина догадалась бросить в воду цветки лаванды.

– Нина, ты просто читаешь мои мысли.

– Я стараюсь, – сухо ответила она.

Тогда я решила осторожно завести разговор, но так, чтобы, упаси боже, ее снова не разозлить.

– Ну и что слышно от Марка?

– Он мне звонил вчера, – не выдержав, расплылась в улыбке Нина.

– А напомни-ка мне, что именно он изучает. – Я залезла в теплую воду, сразу почувствовав себя намного лучше.

– Химию. А точнее, биохимию, – сказала она и потупилась. – Честно признаться, рассказывая о своей учебе, он использует кучу незнакомых слов, но я более-менее понимаю, о чем он.

– Нина, я вовсе не хотела сказать, будто считаю тебя неотесанной. Просто мне было любопытно узнать. Вот и все. – Надо же, биохимия. Занятно.

Нина вздохнула и бросила в воду еще лаванды.

– Но ваш тон показался мне очень обидным.

– Понимаешь, тут собрались парни из тех кругов общества, с которыми я вообще никогда не сталкивалась. С некоторыми из них мне даже неприятно дышать одним воздухом. Поэтому я и хотела узнать, как двум людям из столь разных сфер удается найти общий язык.

Нина покачала головой:

– Мы над этим работаем. В двух словах и не объяснишь. Просто в мире у каждого из нас есть своя половинка. И надо только найти ее.

Я откинулась на стенку ванны. Если на земле существуют необъяснимые вещи, к чему понапрасну ломать голову? Я вспомнила о предложении Ина, и об опасениях Кайла, и о вопросах Хейла. Боже мой, как все сложно! Теперь я и себя-то перестала понимать. И тем не менее я точно знала, что главное для меня – независимость. Я решительно не могла допустить, чтобы мужчина стоял у меня за спиной и контролировал мои действия. Но, вспомнив о папиной преждевременной седине, я мысленно задала себе вопрос: на что я способна пойти, чтобы облегчить ему жизнь?

Все ужасно запуталось. В принципе, если бы я реально собиралась кого-то выбирать, то могла бы рассматривать как вариант практически любого из собравшихся здесь парней. Причем каждый из них был способен кардинально изменить мой прежний уютный мир. Что мне категорически не нравилось. Я хотела быть хозяйкой своей судьбы. А что, если я огородила себя глухой стеной из страха, что любой, кто проникнет на мою территорию, лишит меня возможности держать все под контролем?

А вдруг этот самый контроль был всего-навсего иллюзией? И что, если после того, как я забракую всех Избранных, появится человек, который заставит меня забыть о контроле? И станет ли моя капитуляция добровольной?

Невероятно, но еще несколько недель назад такое мне просто в голову не могло прийти!

Мне следовало быть начеку. И не расслабляться. Однако невозможно было игнорировать тот факт, что присутствие этих парней, как ни крути, уже оказывает на меня определенное воздействие.

Глава 23

Я нетерпеливо расхаживала по вестибюлю дворца. Меня мучили сомнения относительно того, правильно ли я оделась – интересно, а что обычно надевают люди, собираясь заняться готовкой? – как изобразить из себя опытную кулинарку и как сделать так, чтобы каждый из четырех поклонников получил свою долю внимания?

И хотя я знала, что присутствие фотографов полезно с точки зрения не только рекламы, но и личной безопасности, сама идея, что каждый мой шаг будет фиксироваться, вызывала у меня нервную дрожь.

Я одернула блузку, на сей раз достаточно скромную, чтобы ее не жалко было испачкать, и пригладила волосы – проверить, в порядке ли прическа. Судя по часовой стрелке, мальчики уже на четыре минуты опаздывали, и я чувствовала, что начинаю дергаться.

И я уж было собралась послать за ними лакея, но тут услышала их голоса, эхом разносившиеся по коридору. Первым из-за угла вынырнул Кайл. Бурк, которому явно хотелось подружиться с негласным лидером их группы, старался не отставать. Фокс шел рядом с Генри, они оба тихо чему-то улыбались. Эрик замыкал шествие. Его присутствие было обязательным, хотя, с моей точки зрения, несколько неуместным, поскольку он единственный не был участником этого группового свидания.

Кайл с довольным видом потер руки:

– Ну как, к приему пищи готовы?

– Если покушать, то да. А вот готовить? Это мы еще посмотрим. – Я попыталась улыбкой замаскировать волнение, но не слишком удачно.

– Так вы действительно знаете друг друга всю жизнь? – поинтересовался Бурк.

Его замечание застало меня врасплох. Но мне на выручку пришел Кайл.

– Ты не ошибся с выбором команды, приятель, – беспечно ответил Кайл, шутливо двинув ему локтем под ребра.

– Да, именно так, – подтвердила я. – В интервью «Вестям» Кайл сказал чистую правду. Я действительно никогда не рассматривала его в качестве потенциального поклонника. Ведь он практически член семьи. Но жизнь расставила все по своим местам.

Ребята встретили мои слова дружным смехом, и я вдруг поняла, что попала в самую точку. Да, меня бесило, когда Джози утверждала, будто мы с ней как сестры, но я действительно знала ее и Кайла лучше своих кузенов.

– Кухня там, – махнула я рукой в сторону обеденного зала. – Персонал нас уже ждет. Давайте не будем терять время.

Кайл, заметив мой фальшивый энтузиазм, только удивленно покачал головой.

Мы пересекли обеденный зал и зашли за перегородку. В пролете ведущей на кухню лестницы был установлен кухонный лифт, персонал использовал его для подъема тележек с едой. Бурк, забежав вперед, предложил мне свою руку, чтобы помочь спуститься по широкой лестнице.

– А что вы собираетесь готовить? – спросил он.

Хороший вопрос. Если честно, в данный момент я вовсе не претендовала на роль генератора идей.

– Ну, наверное, что всегда, – расплывчато ответила я.

– Давайте приготовим несколько перемен блюд, – предложил Кайл. – Закуски, главное блюдо и десерт.

– Отлично, – одобрил Фокс.

А выглянувший у него из-за спины Эрик уточнил:

– Если не возражаете, мы с Генри займемся десертом.

– Нет проблем, – ответил Кайл.

Я чувствовала вкусные запахи обеда, который готовили для остальных обитателей дворца. Все оттенки кухонных ароматов я, естественно, разобрать не смогла, но зато сразу узнала дразнящий запах чеснока. И внезапно у меня появилась еще одна причина ненавидеть это дурацкое свидание. Теперь мне придется пропустить настоящий обед.

По комнате с низким потолком сновали кухонные работники, человек десять, если не больше. Волосы у всех были гладко зачесаны назад или спрятаны под косынки. Кто-то бросал

овощи в кастрюли с кипящей водой, кто-то доводил до готовности соусы. И несмотря на то что работы у них было непочатый край, нам выделили половину кухонного помещения.

Ко мне подошел человек в высоком поварском колпаке:

– Ваше высочество. Вам достаточно места?

– Более чем. Спасибо.

Я сразу вспомнила его лицо. Именно с ним мы обсуждали меню торжественного обеда в честь начала Отбора. Блюда тогда выбирала в основном мама, так как я была зла на весь мир, но, что самое неприятное, я не удосужилась его поблагодарить. И теперь, когда я увидела, какой это адский труд, мне стало ужасно стыдно.

– Missä pidät hiivaa? – вежливо спросил Генри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.